

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2

1 9 6 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАРТ — АПРЕЛЬ

2

1968

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Ф. Смирнов.</i> Карл Маркс о польском вопросе . . .	3
<i>И. Чуркина.</i> О некоторых особенностях формирования словенской нации	13
<i>Е. Э. Цыбенко.</i> Проблемы социального романа в польской критике 60—70-х годов XIX века	25
<i>Л. Калынь.</i> Организация фонемного состава иноязычных заимствований в диалектном языке . .	36

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>И. И. Костюшко.</i> Кооперативный плап В. И. Ленина и его международное значение	47
<i>Боню Ангелов</i> (НРБ). О русско-болгарских связях в XV—XVII вв.	57
<i>Мирослав Лацок</i> (ЧССР). Русская славистика и словацкий язык	65
<i>С. О. Вялова.</i> К вопросу о русско-словацких культурных связях 60—70-х годов XIX века	73
<i>И. В. Галактионов.</i> Письма А. Л. Ордина-Нащокина Ф. И. Шереметеву	76

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>И. Б. Перцигер.</i> Домбровцы в польском движении Сопротивления	83
--	----

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>А. И. Рогов.</i> Люблинские фрески 1418 года	88
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Г. И. Черняевский.</i> Димитър Сирков. В защита на Испанската република 1936—1939	91
<i>Ф. А. Молок.</i> Книга о чехословацком движении Сопротивления	92

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>А. Ф. Кизченко, П. М. Калениченко.</i> І. С. Дзюбо. Розв'язання національного питання в Чехословаччині — закономірність будівництва соціалізму . . .	94
<i>А. Каждан.</i> Димитър Ангелов. История на Византия	96
<i>С. Н. Злупко.</i> J. Myśliński. Grupy polityczne Królestwa Polskiego w Zachodniej Galicji	98
<i>И. И. Поп.</i> R. Kvaček. Nad Evgorou zatáženo. Československo a Evropa 1932—1937	99
<i>Б. С. Попков.</i> Публицистика Союза польских патриотов	100
<i>С. Шерлацкова.</i> Новая работа о чешской поэзии	101
<i>И. Н. Лозинский.</i> На пути к философскому синтезу	104

Б и б л и о г р а ф и я

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1967 г. (продолжение)	105
Содержание иностранных журналов	110

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>М. Т. Юбилейная сессия Отделения истории АН СССР</i>	112
<i>А. И. Кузьмин.</i> Общее собрание Отделения литературы и языка АН СССР, посвященное 50-летию Советской власти	114
<i>В. С. Парсаданова.</i> Научная конференция в Вильнюсе	115
<i>Н. М. Пашаева.</i> К юбилею Яна Амоса Коменского	116

Научная жизнь за рубежом

<i>Татяна Колева (НРБ).</i> Научная сессия в Болгарии, посвященная 50-летию Великой Октябрьской революции	118
<i>Генрик Рехович (ПНР).</i> Научная сессия в Катовицах	121
<i>Т. Кожкова.</i> И. Мацек о состоянии и задачах чехословацкой исторической науки	123
<i>Д. Песчаный.</i> Ценная инициатива	125
<i>В. Г. Карасев.</i> <u>И. Н. Частухин</u>	126
<i>Н. И. Толстой.</i> <u>Андре Мазон</u>	127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. В. ШМЕРАЛЬ
 Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

А. Ф. СМЕРНОВ

КАРЛ МАРКС О ПОЛЬСКОМ ВОПРОСЕ

(К 150-летию со дня рождения К. Маркса)

В монографических исследованиях и в обобщающих работах по истории Польши советские и зарубежные ученые постоянно обращаются к трудам классиков марксизма.

К. Маркс и Ф. Энгельс сыграли выдающуюся роль в движении солидарности передовых демократических сил Европы с борющейся Польшей, в отстаивании ее правого дела, в разъяснении громадной значимости этой борьбы для всевропейского общедемократического и пролетарского движения. Заслуги К. Маркса и Ф. Энгельса в этой области неоднократно отмечались В. И. Лениным, К. Либкнехтом, Ф. Мерингом и другими деятелями международного рабочего и коммунистического движения. С позиций друзей и защитников революционной Польши Маркс и Энгельс подвергли глубокому научному анализу ее историческое прошлое, освободительное движение XIX в., вскрыли процессы, которые вызвали утрату ее национальной независимости, выяснили условия, необходимые для ее национального возрождения в качестве суверенной демократической республики.

Работы Маркса и Энгельса положили начало материалистической историографии польской истории. Глубина их анализа и суждений о важнейших событиях польской истории — блестящее доказательство плодотворности материалистического понимания исторического процесса. Но было и еще одно обстоятельство, предопределившее успех исторических наблюдений основоположников марксизма, — обширность источниковедческой базы, умелый выбор, тщательный анализ разнообразных источников.

В настоящее время с предстоящим введением в научный оборот ранее не издававшихся рукописей К. Маркса по польскому вопросу¹ можно проследить за тем разнообразным кругом источников, которые были использованы Марксом. В числе этих источников зарубежная и польская бесцензурная пресса, многочисленная исследовательская литература на разных языках и, что особо следует отметить, работы И. Лелевеля — лучшее, что было тогда в историографии о Польше, работы ученика И. Лелевеля Л. Савашкевича, мемуары, письма, публицистика участников польского освободительного движения (Л. Мерославского, Ю. Немцевича, М. Огиньского, М. Рыбиньского и др.), сборники документов, дипломатических актов и т. п. Часто Маркс обращается к трудам Г. Коллонтая и его единомышленников.

Подчеркивая всевропейское значение национально-освободительного движения в Польше, Маркс называл польский народ всемирным солдатом

¹ Подробнее см. П. Н. П о с п е л о в, А. Ф. С м е р н о в. Карл Маркс о роли польского вопроса в европейской политике. — «Новая и новейшая история», 1967, № 2.

революции. «Польша, — говорил он на митинге в честь двенадцатой годовщины восстания 1863 г., — проливала свою кровь в американской войне за независимость; ее легионы сражались под знаменем первой французской республики; в 1830 г. она своей революцией предотвратила нашествие на Францию, которое решили тогда предпринять участники раздела Польши; в 1846 г., в Кракове, Польша первой в Европе водрузила знамя социальной революции; в 1848 г. ее сыны принимают выдающееся участие в революционных боях в Венгрии, Германии и Италии; наконец, в 1871 г. она дает Парижской Коммуне лучших генералов и самых героических солдат»².

Естественно, что на протяжении более чем трех десятилетий воззрения Маркса и Энгельса на Польшу и ее роль в европейском революционном процессе не могли остаться неизменными. Представляет интерес изучение развития взглядов основоположников марксизма, относящихся к пониманию ими внутренней истории Польши и ее внешнеполитических аспектов. Первостепенное значение при этом имеют такие работы Маркса и Энгельса, как «Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте», материалы к брошюре «Германия и Польша. Размышления военно-политического характера в связи с польским восстанием 1863 года», «Какое дело рабочему классу до Польши?», а также те разделы теоретических и исторических работ, в которых рассматривается польский вопрос, его место и роль в европейском движении. Не менее важными являются многочисленные выступления Маркса и Энгельса на митингах и собраниях, тексты написанных и отредактированных ими решений и воззваний различных демократических и пролетарских европейских и национальных организаций, выступавших в защиту сражавшейся Польши, предисловия Маркса и Энгельса к польским изданиям своих работ, и, наконец, переписка. Непрерывно занимаясь изучением польской истории, Маркс и Энгельс обменивались выводами и наблюдениями. Они использовали каждый подходящий случай, чтобы заявить о своей неизменной солидарности с революционными силами польского народа. Громадная теоретическая и политическая значимость наследия Маркса была подчеркнута Лениным. Его «Конспект переписки К. Маркса с Ф. Энгельсом» послужил одним из источников широко известных работ по национальному вопросу.

Маркс и Энгельс всегда решительно выступали против антиисторического, абстрактного подхода к национальному вопросу вообще и к польскому в частности, беспощадно высмеивали отвлеченные суждения о добре и справедливости, подчеркивали, что тривиальная болтовня широкого размаха и высокого мастерства не раз служила дымовой завесой, под прикрытием которой делили, давили, предавали Польшу. Они требовали глубокого, конкретного изучения исторических фактов, постижения практической сути вопроса, и всей своей теоретической работой и практической деятельностью показали образцы такого подхода и анализа. Об этом свидетельствуют уже первые заявления Маркса и Энгельса по польскому вопросу, относящиеся к периоду создания «Манифеста Коммунистической партии». В этих заявлениях говорилось, что полное решение национального вопроса, — освобождение угнетенных национальностей — может дать только победа рабочего класса. Маркс показал, что межнациональная рознь и национальное угнетение коренятся в самой системе капитализма, что «... существующие отношения собственности обуславливают эксплуатацию одних народов, другими» и что победа пролетариата над буржуазией «... означает вместе с тем преодоление всех национальных и промышлен-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 555—556.

ных конфликтов, которые в настоящее время порождают вражду между народами»³.

Анализируя далее весь ход событий в Европе от Великой французской революции до Краковского восстания, Маркс показал, что национальное дело нельзя решить, не слив его органически с делом демократии, с освобождением угнетенных классов. Применительно к польскому вопросу это означает, что «... только демократическая Польша может быть независимой...»⁴. Непременным условием возрождения такой Польши Маркс считал победоносную пролетарскую революцию в Европе, инициатором которой должен был стать английский рабочий класс. Отсюда формула: «Польшу надо освободить не в Польше, а в Англии»⁵. Это положение, в сжатой и резкой форме выразившее подчиненность национального вопроса общепролетарскому революционному движению, вместе с тем подчеркивало и ведущую роль пролетариата в общедемократической борьбе за национальную свободу. Оно предполагало активное участие рабочих в защите интересов угнетенных наций, в поддержке всего прогрессивного, что было в национальных движениях. Мысль эта с особой силой была подчеркнута Энгельсом в речи от 29 ноября 1847 г., в которой он заявил, что польские и немецкие демократы должны совместно бороться за освобождение обеих наций, а решение задач назревавшей в Германии революции — объединение страны, создание единой демократической Германии — зависит от освобождения и воссоединения Польши. «Германия станет свободной в той же мере, в какой предоставит свободу соседним народам»⁶.

Особенно наглядно это подтвердилось в ходе революции 1848 г. Основоположники марксизма неоднократно отмечали, что отношение Германии к Польше в ходе революции 1848 г. является наиболее точным выражением степени политической зрелости и революционности германского народа. Поскольку раздел Польши — один из источников военного деспотизма в Пруссии, Австрии и России, то в интересах самого германского народа радикальная ликвидация национального угнетения и раздробления Польши. Однако германская реакция парализовала демократическую энергию масс, отвела в сторону поток революционной лавы, отвлекла внимание от своих маневров, разжигая межнациональную рознь. На эти происки контрреволюционных сил неоднократно обращали внимание Маркс и Энгельс. 11 июля 1848 г. «Новая рейнская газета» указывала: «В тот самый момент, когда немцы борются со своими правительствами за внутреннюю свободу, их заставляют под командой этих же самых правительств предпринимать крестовый поход против свободы Польши, Богемии, Италии»⁷.

В результате поражения революции не была разрешена задача демократического обновления Германии, а «... большой вопрос об освобождении Польши свелся к ничтожным фразам о реорганизации одной части провинции Познань...»⁸.

В ходе анализа революционных событий 1848 года Маркс приходит к выводу, что национальный гнет развращает пролетариат и другие демократические силы угнетающей нации, приковывает их к колеснице господствующего класса и поэтому политическое воспитание рабочего класса, освобождение его от влияния буржуазной идеологии невозможно без систематического отстаивания интересов угнетенных наций, их права на независимость. Иными словами, завершение задач буржуазно-демократических

³ Там же, т. 4, стр. 371.

⁴ Там же, стр. 490.

⁵ Там же, стр. 372.

⁶ Там же, т. 5, стр. 161.

⁷ Там же, стр. 212.

⁸ Там же, стр. 354.

преобразований, важнейшей частью которых в тогдашней Европе являлось создание независимых национальных государств (Польша, Италия, Ирландия и др.), рассматривалось Марксом как необходимое предварительное условие пролетарской революции. Отсюда настойчивая и непрерывная борьба, которую вел Маркс за включение требования национальной свободы этих стран в программно-пропагандистские документы демократических и пролетарских организаций.

Маркс неоднократно подчеркивал, что русское самодержавие использует польский вопрос для разжигания шовинизма и удушения освободительного движения внутри страны и что, следовательно, восстановление независимости Польши — в интересах революционной России.

Глубокий анализ польского вопроса, выяснение его значения для Германии, России и всевропейского революционного движения приводил Маркса и Энгельса к общему выводу: «Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Сила, нужная ему для подавления другого народа, в конце концов всегда обращается против него самого»⁹.

Польское национально-освободительное движение могло слиться с демократической борьбой других наций только при условии, если оно само приобретет демократический характер, а борьба против внешних поработителей неразрывно сольется с борьбой против польской феодальной аристократии.

Оценка Марксом и Энгельсом характера и перспектив польского национально-освободительного движения неразрывно связывалась с выяснением социальной структуры Польши, анализом поведения основных классов польского общества в периоды национальных испытаний, начиная с разделов Речи Посполитой. Изучение социальной структуры Польши и сопредельных с нею стран привело основоположников научного социализма к выводу, что не только в Польше, но и в Восточной Европе в целом назрела демократически-аграрная революция, что господство феодальной аристократии изжило себя и земледелие — основной источник существования населения рухнет, если крепостной или «обязанный» крестьянин не станет свободным земледельцем. «Заслуга поляков состоит в том, — писал Энгельс, — что они первые признали и провозгласили аграрную демократию как единственно возможную форму освобождения всех славянских наций...»¹⁰. Это и сделало Польшу восточноевропейским флангом европейской демократии, революционной частью России и Германии, подрывающей устои «Священного союза» — крупнейшего бастиона европейской реакции. Продолжая изучение польского вопроса в период между 1848 и 1863 гг., Маркс и Энгельс внесли ряд дополнений в анализ этой проблемы.

Важные положения содержатся в переписке Маркса и Энгельса, относящейся к 50-м годам XIX в. В письме к Марксу от 23 мая 1851 г. Энгельс объясняет, почему, несмотря на Краковский манифест 1846 г., в польском движении принимает участие в первую очередь, если не исключительно, дворянство, почему население большей части Польши, именуемой Западной Россией, не приняло участие в восстаниях, «не шевельнулось, за исключением немногих горожан и дворян в отдельных местах»¹¹. Энгельс видел объяснение этих явлений в непольском составе населения этого района. Вывод, сделанный Энгельсом, не был минутным настроением, «внезапной переменой» его позиции. Он повторил этот вывод в письме к Вейдемейеру от 12 апреля 1853 г., вновь подчеркнул, что у Двины и Днепра живет не

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 509.

¹⁰ Там же, т. 5, стр. 381.

¹¹ Там же, т. 27, стр. 241.

польский народ, а польское дворянство и что для основной части населения этого района выступления польской шляхты остаются чуждыми, ибо «... для тамошнего крестьянина ... восстановление Польши означало бы восстановление старой дворянской власти во всей ее силе»¹². И позже в статьях «Какое дело рабочему классу до Польши?» и в письмах к В. Засулич (апрель 1890 г.) Энгельс вновь указывал на этнически непольский характер этой территории, подчеркнув, что этот спорный вопрос можно решить только в том случае, если населению этих мест будет дана возможность самому «определить свою судьбу»¹³.

В письме Энгельса от 23 мая 1851 г. был еще один аспект польского вопроса — выяснение зрелости внутренних предпосылок аграрно-демократической революции. Энгельс отметил слабость в Польше «промышленных элементов», наличие среди торгово-промышленной части населения польских городов значительной прослойки инациональных элементов. Сравнивая Польшу с Россией, Энгельс отмечал в последней большее развитие буржуазных элементов и на этом основании полагал, что Россия ранее Польши совершит свою аграрно-демократическую революцию. Заметим кстати, что в публицистике Энгельса за 1848—1849 гг. уже содержались элементы такого вывода. «Энгельс не верит в успех восстаний польских шляхтичей»¹⁴ — такова общая ленинская оценка этой позиции. Гениально-прозорливой мыслью назвал Ленин предвидение Энгельса о назревании революции в России и подчеркнул, что это ни в коей мере не меняло отношения Энгельса и Маркса к Польше и, когда последняя восстала, они отнеслись с самым глубоким и горячим сочувствием к польскому движению.

Восстание 1863 г., охватившее территорию Царства Польского, Литвы, Западной Белоруссии и ряда районов Правобережной Украины, началось в период оживления демократического движения. В Германии и России сложились революционные ситуации, революционно-демократические силы России, консолидировавшиеся вокруг тайного общества «Земля и Воля», готовились к вооруженному выступлению в союзе с революционными силами Польши. В этих условиях, как отмечали Маркс и Энгельс в своей переписке за 1863 г., открывалась возможность перерастания восстания в Царстве Польском в общероссийскую революцию, которая могла слиться с демократическим движением в Центральной и Западной Европе и послужить там прологом к революции пролетарской.

Как и ранее, польское восстание сразу получило поддержку со стороны европейских демократических организаций. Оппозиционные деятели в парламентах Англии, Франции и Пруссии выступали в поддержку борющихся поляков; волной прошли митинги солидарности с восставшей Польшей. Существенно новым в этом движении была позиция рабочего класса Англии и Франции, заявившего о необходимости решительных действий в защиту Польши вплоть до революционной войны с царизмом. Маркс, обратившийся к немецкому народу с призывом всемерно способствовать борьбе за восстановление Польши, призвал его брать в этом отношении пример со своих английских товарищей. «Восстановление Польши — вот что должно быть огненными буквами начертано на знамени немецкого рабочего класса...»¹⁵.

В условиях большой активности пролетарских сил, широких и крупных аграрных движений в России, открывавших перспективу превращения польского национального движения в подлинную аграрно-демокра-

¹² Там же, т. 28, стр. 488.

¹³ Там же, т. 37, стр. 317.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 300.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, стр. 597.

тическую революцию, Маркс и Энгельс занялись глубоким изучением истории Польши, намереваясь написать специальную брошюру. Работа осталась незавершенной, но в сохранившейся части набросков — «Пруссакки (каналы)», «Польша, Пруссия и Россия»¹⁶ — ясно видна непосредственная связь и преемственность тематики с более ранними работами Маркса и Энгельса, посвященными как Пруссии («Подвиги Гогенцоллернов», «Божественное право Гогенцоллернов», письмо Маркса к Энгельсу от 2 декабря 1856 г.), так и Польше.

В связи с восстанием 1863 г. Маркс еще более конкретно и глубоко подчеркивает связь между реакцией в Германии и разделом Польши. Со времен яковинской войны, по словам Маркса, Пруссия видела в Польше революционный кратер, восточную параллель Франции. Поскольку дом Романовых испытывал к революционному движению те же чувства, то Гогенцоллернам не трудно было установить единство действий с царизмом. Последовал раздел Польши и осуществилась давно желаемая цель Гогенцоллернов — обеспечение территориального единства своей вотчины. В русском царизме прусское юнкерство видело последнюю гарантию своего существования и по мере развития революционного движения в Германии цена этой поддержки в глазах Гогенцоллернов беспрерывно росла.

Дав глубокий анализ всей истории польско-германских отношений от Грюнвальда до 1863 г., Маркс пришел к выводу, кратко изложенному в письме к Энгельсу 24 марта 1863 г., которое является своеобразным резюме его набросков к брошюре «Германия и Польша». «Политические выводы, к которым я пришел, суть следующие... „Государство“ Пруссия (создание, весьма отличное от Германии) не может существовать без теперешней России и вместе с самостоятельной Польшей. Вся история Пруссии приводит к этому заключению, которое уже давным-давно было усвоено всеми Гогенцоллернами (включая и Фридриха II)... Так как существование Польши необходимо для Германии, но немисливо наряду с государством Пруссией, то сие государство, Пруссию, надо стереть с лица земли. Или — польский вопрос является лишь новым поводом для того, чтобы еще раз доказать, что невозможно отстоять интересы Германии, пока существует гогенцоллернская вотчина»¹⁷. Таким образом, если до 1863 г. Маркс и Энгельс ставили вопрос о возвращении Польше отторгнутых у нее земель с устьем Вислы и выходом к морю, о необходимости свержения Гогенцоллернов для объединения Германии и воссоздания Польши, то теперь речь шла не о преобразовании, а о полной ликвидации реакционной юнкерской Пруссии как государственного образования, возникшего на насильственно отторгнутых славянских землях. Ход истории раскрыл всю глубину и прозорливость этого вывода Маркса.

Важные уточнения были сделаны Марксом и в анализе внутренней истории польского общества. Еще «Новая рейнская газета» отмечала расслоение польской шляхты, злоупотребление польских магнатов принципами дворянской демократии. Теперь взгляд Маркса фиксирует данные о наличии среди шляхтичей глубокого расслоения. На одном полюсе магнаты — владельцы обширных земель, имеющие собственные вооруженные силы и проводившие собственный курс внешней политики, а на другом — многочисленные безземельные шляхтичи, полностью зависимые от аристократии. В этих условиях, как отметил Маркс, дворянская демократия с ее «либерум вето» выродилась в право феодальных магнатов продавать отчину за подходящую цену любому иноземцу. Но аристократию, указывал Маркс, нужно отличать от польской шляхты, сыгравшей в Польше

¹⁶ См. «Новая и новейшая история», 1967, № 2.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 273.

роль, аналогичную роли западноевропейской буржуазии. Отсюда своеобразие польской истории — здесь знамя буржуазных преобразований было поднято патриотическим дворянством, что наложило отпечаток на весь ход преобразований в стране. Маркс подчеркнул это в оценке конституции 3 мая 1791 г. Называя ее единственным в те годы творением, проникнутым духом свободы, созданным в Восточной Европе по инициативе шляхты, Маркс в то же время раскрывает ее недостаточность и внутреннюю противоречивость: «Конституция достаточно глубоко задела привилегии аристократии, чтобы побудить ее открыто предать Польшу России и в то же время она была слишком поверхностна, чтобы вдохновить громадное большинство населения — сельский люд — на народную войну»¹⁸. Маркс подчеркивает, что конституция сохранила основные привилегии дворянства, не освободила крестьян, а только приоткрыла им дорогу к эмансипации, предоставляя право на заключение договоров с помещиками. Крестьянство не получало и политического равноправия, ибо в круг полноправных граждан допускались лишь горожане. Отметив провозглашение свободы совести и слова, Маркс далее делает следующий вывод, который выходит за рамки оценки конституции: «Неизгладимо начертан на скрижалях мировой истории закон о том, что революция, совершающаяся в пределах, угодных господствующему классу, никогда не сможет победить»¹⁹. Этот вывод был, как нам кажется, навеян не только глубоким изучением польской истории конца XVIII в., но и конкретной ситуацией весны 1863 г., когда Маркс и Энгельс полагали, что восстание в Польше, в отличие от восстаний 1791—1794 гг. и 1830—1831 гг., может стать не делом шляхетских патриотов и реформаторов, а движением широких крестьянских масс. Однако и в 1863 г., как отмечается в переписке Маркса и Энгельса, восстание не стало кровавым делом всего сельского люда, не слилось с аграрно-демократическим движением в России и потерпело поражение. Эта сторона вопроса уже достаточно глубоко изучена в новейших исследованиях советских и польских историков.

В набросках к брошюре «Германия и Польша» Маркс затрагивает и вопрос о переплетении социальных проблем с национально-религиозными. В частности, он обратил внимание на упорную борьбу украинского народа против социального и национально-религиозного гнета, отметив: «1654 г. Войны казаков, которых польская шляхта стремится закрепить и навязать им католичество»²⁰, и на так называемый диссидентский вопрос, порожденный реакционным курсом феодально-клерикальных кругов Польши.

Основные политические выводы, полученные в ходе работы над брошюрой «Германия и Польша», Маркс изложил в Манифесте лондонского просветительного общества немецких рабочих, в письмах к Энгельсу и в более поздних выступлениях по польскому вопросу. В своей работе в I Интернационале Маркс также широко использовал эти рукописи.

Польский вопрос оказался в центре внимания Первого Интернационала со времени его основания, которое, как отмечал Маркс, было связано с действиями английских и французских рабочих в поддержку польских повстанцев. В состав его руководства входили представители польского освободительного движения (Холторп, Бобчинский, Жабицкий, позже Врублевский). В написанном Марксом Учредительном манифесте Международного товарищества рабочих содержался призыв противопоставить внешней политике господствующих классов, основанной на грабитель-

¹⁸ Набросок «Польша, Пруссия, Россия» — предварительный вариант, л. 11. Цит. по: «Новая и новейшая история», 1967, № 2, стр. 20.

¹⁹ Там же, стр. 20.

²⁰ Там же, стр. 25.

ских войнах, национальном угнетении и подавлении героической Польши, собственную иностранную политику рабочего класса, основанную на братском сотрудничестве рабочих разных наций²¹. Маркс в речи по случаю 12-й годовщины восстания 1863 г. определил содержащееся в Учредительном манифесте требование восстановления Польши как одну из целей рабочей политики²². В решении Генерального Совета Интернационала, принятом 29 ноября 1864 г., указывалось, что народы Европы обязаны поддержать борьбу поляков за свою независимость, ибо это соответствует их собственным интересам и прогрессу человечества²³. Обосновывая пролетарскую точку зрения на польский вопрос и роль национально-освободительного движения в борьбе за достижение конечных целей пролетарского движения, Маркс разоблачал несостоятельность аполитизма прудонистов и правых тредьюнионов, которые выступали против поддержки национально-освободительного движения. Маркс в рядах Интернационала боролся и против тех деятелей, которые связывали решение национального и в том числе польского вопроса с политикой Наполеона III.

Марксу и Энгельсу и ранее неоднократно приходилось выступать против лицемерия и вероломства кабинетов Парижа и Лондона. Они многократно отмечали, что на протяжении ста лет буржуазные партии то и дело предают поляков. Как указывал Маркс в письме к Энгельсу 25 февраля 1865 г., «Буржуазия всегда считала подходящим подстрекать поляков в начале нового восстания, предавать их в ходе восстания посредством своей дипломатии и покидать их в беде, после того как Россия расправлялась с ним»²⁴. Для Маркса политика европейских кабинетов в 1830 и 1863 гг. была лишь продолжением и развитием тех внешнеполитических принципов, которые были ими сформулированы еще в эпоху борьбы с якобинцами и союзниками последних на Висле. Маркс отметил, что даже революционная Франция, столь многим обязанная полякам, никогда, однако, не оказывала им действительной помощи.

Вполне естественно, что, когда в 1864 г. член Генерального Совета английский либерал П. Фокс в своем проекте обращения в связи с годовщиной восстания 1830 г. попытался изобразить Францию в роли постоянной защитницы Польши, Маркс выступил с глубокой и обоснованной критикой его утверждения. В письме к Энгельсу Маркс писал, что в своем выступлении по поводу проекта Фокса он «...развил исторически неопровержимую картину систематической измены французов полякам, начиная с Людовика XV вплоть до второго Бонапарта»²⁵. Маркс указывал, что подлинными друзьями поляков были не правители Франции, а пролетарии Парижа, действия которых не имеют никакого отношения к традициям французской дипломатии.

В протокольной записи заседания Генерального Совета Интернационала от 3 января 1865 г. говорится, он (Маркс) доказывает, что традиционная внешняя политика Франции не благоприятствовала восстановлению и независимости Польши. Речь доктора Маркса изобиловала важными историческими фактами²⁶.

На Лондонской конференции Интернационала в сентябре 1865 г. вокруг сформулированного Марксом требования о восстановлении независимой Польши развернулась упорная борьба с прудонистами, которые обвиняли сторонников Маркса в том, что они губят Международное То-

²¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 11.

²² Там же, т. 18, стр. 555.

²³ «Протоколы Генерального Совета». М., 1961, стр. 20.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 71.

²⁵ Там же, стр. 33—34.

²⁶ «Протоколы Генерального Совета», стр. 25.

варищество, превращая его в общество по восстановлению Польши. Разбитые на конференции прудонисты не прекратили нападков на Генеральный Совет. Подлинным нервом этой полемики, по выражению Маркса, был опять-таки польский вопрос. Для разоблачения доводов прудонистов Энгельс по предложению Маркса публикует серию статей «Какое дело рабочему классу до Польши?», в которых показывает, что в начале самостоятельного пролетарского движения его независимый внешнеполитический курс ярче всего может быть выражен именно в борьбе за восстановление Польши. В этой же статье, резко критикуя царизм, Энгельс подчеркивает, что все обвинения в адрес России будут сняты, когда русский рабочий класс выдвинет собственную политическую программу и выступит за независимость Польши. Борьба с прудонистами продолжалась и на Первом (Женевском) конгрессе Интернационала при обсуждении внесенного по инициативе Маркса предложения о поддержке рабочим классом требования восстановления Польши на демократической основе.

В январе 1867 г. Генеральный Совет принял активное участие в подготовке митинга в ознаменование годовщины январского восстания 1863 г. Как мы уже отмечали, речь Маркса на этом митинге базировалась на его исторических изысканиях, проведенных весной 1863 г. Маркс с особой силой подчеркнул связь между борьбой за независимость Польши и всем ходом развития революционного движения в Европе. В этом же духе была выдержана и внесенная Марксом резолюция митинга, подчеркивавшая, что без независимости Польши не может быть утверждено в Европе никакой свободы. В сообщении о митинге, опубликованном в «Vorboten», указывалось, что борьба рабочего класса за восстановление Польши является его священным долгом, ибо никто, кроме рабочих, не в состоянии отстаивать правое дело Польши.

Особо следует сказать о деятельности Маркса как представителя Русской секции Интернационала в Генеральном Совете. Принимая на себя эту обязанность, Маркс в письме к руководству секции особо подчеркнул принципиальную важность той правильной позиции, которую заняла секция в польском вопросе²⁷. Члены русской секции вместе с Марксом боролись против Бакунина, который, отрекаясь от своей прошлой деятельности, направленной в поддержку польского движения, стал доказывать, что польский вопрос не имеет никакого отношения к пролетарскому движению.

Среди русских народников 70-х годов также были сторонники отказа от борьбы за политические свободы и национальную независимость. Подметив у русских народников эту слабость, Маркс сравнивал их ошибочную позицию по отношению к Польше с позицией английских чартистов старой школы по отношению к Ирландии, о чем и писал Энгельсу 5 июля 1870 г. В связи с этим В. И. Ленин отметил, что Маркс «... вскрывает *общий* социалистам господствующих наций (английской и русской) недостаток: непонимание их социалистических обязанностей по отношению к нациям подавленным...»²⁸. Понадобился десятилетний опыт, чтобы русские революционеры покончили с представлениями Бакунина и заявили в своих программных документах, что «народы, насильственно присоединенные к русскому народу, вольны отделиться или остаться в Общерусском союзе»²⁹.

Когда на этой основе русские и польские революционеры выступили совместно против царизма, Маркс и Энгельс отметили те новые возмож-

²⁷ «Переписка Маркса и Энгельса с русскими политическими деятелями», М., 1951, стр. 38—39.

²⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 300.

²⁹ См. «Программа рабочих членов партии „Народная воля“. Революционное народничество», т. II. М., 1965, стр. 188.

ности для разрешения польского вопроса на демократической основе, которые раскрывало быстро растущее русское революционное движение, выдвигавшееся к началу 80-х годов в авангард революционного движения в Европе.

В приветственном обращении к участникам международного митинга в Женеве в память годовщины польского восстания 1830 г. Маркс, Энгельс, П. Лафарг и Ф. Лесснер подчеркнули, что борьба внутри Польши должна «... объединиться со стремлениями наших русских братьев»³⁰. Этот призыв, обращенный к участникам митинга, созданного по инициативе редакции журнала «Рувность» оказал существенную поддержку тем, кто стоял за совместные действия с революционными силами России. В споре между сторонниками интернационализма и выразителями националистических мещанских предрассудков Маркс и Энгельс встали на сторону первых. На этом пути революционного сотрудничества лучшим революционным силам народов России и Польши, в конечном счете, после долгой и трудной борьбы удалось свалить самодержавие и добиться социальной свободы и национальной независимости³¹.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 249.

³¹ Среди литературы, посвященной рассматриваемому в статье вопросу, особого внимания заслуживает монография: С. В о б і њ с к а. Marks i Engels a sprawy polskie. Wyd. II. Warszawa, 1955.

И. ЧУРКИНА

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВЕНСКОЙ НАЦИИ

Задача данной статьи показать некоторые особенности складывания словенской нации, связанные с конкретно-историческими условиями ее развития. Эти особенности в большинстве своем характерны и для ряда других наций, формировавшихся в условиях национального гнета. Однако совокупность этих особенностей в Словении специфична. Она дает возможность понять и правильно оценить характер словенского национального движения.

Специально этой теме не было посвящено ни одной работы словенских историков, но многие в той или иной мере затрагивали этот вопрос в своих трудах по истории словенского народа конца XVIII—XIX вв. Ряд интересных наблюдений сделал крупнейший из буржуазных словенских историков начала XX в. Иван Приятель, издавший четыре тома по истории словенской культуры и литературы второй половины XIX в.¹ Так, он подчеркнул слабость словенской городской буржуазии, или промышленного сословия, как он ее называл, ввиду немецкого характера городов в словенских землях.

Впервые научную оценку многим явлениям словенского национального движения дал Эдвард Кардель в своей книге «Развитие словенского национального вопроса»². Кардель поднял многие важные вопросы: о роли национального языка в процессе формирования нации, об особенностях экономического развития словенских земель, о причинах германизации, о роли духовенства в словенском национальном движении и т. д. С большинством высказанных им положений мы согласны. Однако многие из них были изложены слишком кратко и конспективно. В частности, отметив наличие нескольких экономических центров в словенских землях, Кардель почти совсем не остановился на причинах этого. Вызывает возражения и ряд его оценок деятельности некоторых словенских будителей.

После 1945 г. отдельные стороны словенского национального движения были рассмотрены в трудах акад. Ф. Цвиттера, проф. Б. Графенауера, проф. В. Мелика, проф. Ф. Гестрина, Я. Плетерского, Д. Кермавнера и др. Их работы и выводы также использованы автором статьи.

Словенцы стали складываться в нацию примерно с середины XVIII в. Немецкое господство в словенских землях продолжалось очень долго — более тысячелетия — и наложило на условия жизни словенцев, на их

¹ I. P r i j a t e l j. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina, zv. I—V. Ljubljana, 1955—1965.

² E. K a r d e l j. Razvoj slovenačkog nacionalnog pitanja. Beograd, 1958.

народный характер существенный отпечаток. Наиболее важным последствием многовекового немецкого ига было онемечивание класса феодалов и городской верхушки в словенских землях (в Приморье — романизация). Словенскими оставались только крестьянство и городские низы. Словенский народ испытывал на себе со стороны немецких господствующих классов не только национальный, но и классовый гнет.

Ко времени, когда началось формирование словенской нации, почти все словенские земли (за исключением Венецианской Словении) входили в состав коронных (наследственных) земель Габсбургов. Политика австрийских монархов в известной степени способствовала экономическому развитию словенских земель и, следовательно, развитию капиталистических отношений. В частности, во времена Марии-Терезии и Иосифа II была ограничена барщина, отменена личная зависимость крестьянина, сведено к минимуму влияние цехов. После изгнания наполеоновских войск из Иллирии австрийское правительство сохранило большинство социальных и экономических реформ Наполеона, в том числе полную отмену цехов, патримониального суда над крестьянами, право крестьян делить свой надел. В 1848 г. в результате революции были ликвидированы за выкуп феодальные повинности крестьян. И даже в период баховского абсолютизма, когда в политической жизни свирепствовала махровая реакция, экономическая политика правительства в целом способствовала дальнейшему развитию капитализма в словенских землях³.

Однако в области администрации, просвещения и культуры политика австрийского правительства была направлена против национальных интересов словенцев. Мария-Терезия, Иосиф II и их преемники были сторонниками решительной централизации монархии и уничтожения в ней остатков местного партикуляризма. Они предпринимали попытки уничтожить провинциальные органы власти, подчинявшиеся сословиям⁴. Централизация сопровождалась усилением германизаторской политики в габсбургской монархии и, в частности, в чешских и словенских землях.

Планомерная германизация словенских земель началась с эпохи просвещенного абсолютизма. Ее поддерживали немецкие господствующие классы: сначала феодалы, потом буржуазия. Как отмечал в своей работе Кардель, немецкие феодалы были сторонниками германизации, так как видели в словенской буржуазии своего врага, покушающегося на их господство. Немецкая же буржуазия в еще большей степени стояла за германизацию, не желая иметь конкурента, который бы мешал ей на рынках славянских окраин. Оба эти класса господствующей нации являлись инициаторами и активными проводниками политики германизации, которая препятствовала национальному развитию словенцев. Словенские национальные вожди подвергались преследованиям; политика германизации, проводимая через официальные учреждения и школы, тормозила рост национального самосознания народных масс, внушала им представление о национальной неполноценности. Эта политика не везде имела одинаковый успех. В провинциях Штирия и Каринтия, где большинство населения было немецким, германизация проходила успешнее, чем в чисто словенской Крайне или преимущественно словенском Приморье. Особенно пострадала Каринтия, где во второй половине XIX в. этнические границы

³ Одной из первых железных дорог, построенных в Австрии, была дорога Вена — Триест, проходившая через словенские земли и связывавшая их с промышленной Нижней Австрией и Приморьем. Проведение этой дороги создавало благоприятные условия для развития торговых связей словенских земель с наиболее важными в экономическом отношении австрийскими землями.

⁴ Провинции в период 1782—1848 гг. были разделены на губернии, которые подчинялись непосредственно центральным властям. С 1849 г. Австрия была вновь разделена на провинции.

словенцев существенно сдвинулись на юг, главным образом в районах больших городов — Целовца (нем. — Клагенфурт) и Беляка (нем. — Филлах).

Одной из важнейших предпосылок создания нации является наличие у нее общей, компактной территории. Словенские земли не представляли собою в политическом отношении единого целого. Уже с XI в. они находились в различных, практически независимых друг от друга феодальных владениях, а позднее, когда все эти владения объединились под властью Габсбургов и стали их коронными землями, — в различных провинциях, сложившихся на месте прежних феодальных княжеств и имевших значительную автономию.

Только в двух из этих провинций словенское население имело большинство — в Крайне и Приморье. В Каринтии и Штирии словенцы составляли примерно треть населения. Словенцы жили также в Прекомурье, входившем в состав Венгрии, и в Венецианской Словении, находившейся с 1866 г. под властью Италии. В провинциях, где словенцы составляли меньшинство, национальное угнетение чувствовалось особенно сильно.

Существование стабильных административно-политических единиц — провинций привело к складыванию отдельных провинциальных рынков с довольно прочными внутренними экономическими связями и со своими экономическими центрами. У словенцев возникло несколько таких местных экономических центров, соперничавших между собой. Главными из них были: Триест и Горица (Приморье), Любляна (Крайна), Целовец (Каринтия), Градец (Штирия)⁵. Провинциальная обособленность мешала развитию экономических связей между словенскими землями разных провинций. В Каринтии, например, экономические связи между немецкой и словенской частями были гораздо более тесными, чем между каринтийскими словенцами и словенцами других провинций. В то же время в Каринтии южная, словенская, часть была экономически значительно слабее, чем северная, немецкая. Немецкие города на севере быстро развивались в промышленном отношении, население их неизменно увеличивалось за счет как окрестного немецкого населения, так и пришлого со словенского юга. Прилив словенцев в северные города не оказывал на национальный облик городов сколько-нибудь существенного влияния, поскольку словенцы в немецком окружении довольно быстро ассимилировались. Городская промышленность в южной Каринтии росла медленно, приток словенского населения из сельской округи в города, следовательно, был незначителен. Поэтому южнокаринтийские города сохраняли немецкий облик на протяжении всего XIX в.

В сельском хозяйстве северная (немецкая) Каринтия тоже сделала в XIX в. гораздо большие успехи, чем южная. Здесь было мало помещичьих латифундий и феодальный гнет сравнительно невелик, а после 1848 г. не оставалось почти никаких пережитков феодализма. В южной Каринтии имелись крупные помещичьи латифундии. Феодальный гнет чувствовался гораздо сильнее и дифференциация среди крестьян была выражена слабее.

При таких неблагоприятных условиях — немецком характере городов, слабом развитии капитализма в деревне — словенская буржуазия в Каринтии так и не сформировалась в сколько-нибудь существенную социальную силу, способную противостоять сильной немецкой буржуазии.

Неравномерное экономическое развитие северной и южной Каринтии привело к тому, что экономические связи между ними развивались неравномерно, экономика словенской части все более попадала в зависимость от экономики немецкой. Более развитый север был не только потребите-

⁵ E. K a r d e l j. Ibid., s. 207.

лем сельскохозяйственной продукции юга, но и главным рынком предложения рабочей силы разорившихся словенских крестьян⁶.

Главные торговые пути Каринтии шли в направлении к немецким землям — Форальбергу, Тиролю, Зальцбургу, а также к Италии через Канальскую долину со смешанным немецко-романо-словенским населением. В основном словенские земли находились несколько в стороне от этого направления.

В Штирии, как и в Каринтии, северная, немецкая, часть была промышленной с развитым сельским хозяйством, южная же, словенская, носила преимущественно аграрный характер. В южной Штирии была самая продолжительная в словенских землях барщина и вплоть до 1848 г. сохранялся патримониальный суд. Взаимоотношения между немецкой и словенской частями Штирии складывались так же, как и в Каринтии. Но в Штирии были по-иному расположены направления торговых путей. Через словенские земли Штирии проходила часть важного торгового пути, по которому венгерский и хорватский хлеб шел в Крайну, Приморье и Триест. В Крайне и Хорватии имели сбыт дешевые штирийские виноградные вина. Все это приводило к тому, что штирийские словенцы были заинтересованы в укреплении экономических связей со своими славянскими соседями и поэтому в национальном отношении они оказались гораздо более активными, чем каринтийские словенцы. Кроме того, в словенской Штирии выросло несколько промышленных центров (Марибор, Целье и др.), которые частично поглощали избыточное сельское словенское население. Это, с одной стороны, уменьшало отлив словенского населения на немецкий промышленный север, а с другой, — словенизировало население этих прежде онемеченных городов. Таким образом создались предпосылки для возникновения в Штирии словенской городской буржуазии — момент, существенно отличавший штирийских словенцев от каринтийских. В южно-штирийских городах словенский элемент был значительно сильнее, чем в южнокаринтийских, хотя и в городских магистратах Южной Штирии на протяжении всего XIX в. господствовали немцы.

Крайна, находящаяся в центре словенских земель, экономически оказалась в лучшем положении, с точки зрения национальных интересов, чем Каринтия и Штирия. В ее городах Любляне, Тржиче, Крайне и других в XIX в. довольно быстро развивалась промышленность и торговля. В связи с этим в них переселялось разорившееся сельское население. Так, число жителей Любляны с 1817 по 1846 г. выросло почти вдвое⁷. Города быстро словенизировались и уже во второй половине XIX в. по своему национальному составу были словенскими. В Крайне имелась словенская буржуазия как сельская, так и городская.

Находясь в центре словенских земель, Крайна становилась и центром экономических связей между ними — через нее шли торговые пути из Штирии и Каринтии в Приморье. Все это создавало определенные экономические предпосылки для того, чтобы Крайна стала центром объединения словенских земель.

В Приморье население Горицы, Триеста и других прибрежных городов на протяжении всего XIX в. оставалось по преимуществу итальянским. Но внутренние районы Приморья, в частности территория провинции Горицы, отличались чисто словенским характером. Как в селах, так и в городах здесь жили словенцы. Словенская буржуазия Приморья, хотя и значительно уступала в богатстве и влиятельности итальянской буржуазии Горицы и Триеста, считалась самой богатой в словенских землях. Росту ее богат-

⁶ J. P l e t e r s k i. Narodna in politična zavest na Koroškem. Ljubljana, 1965.

⁷ G e s t r i n - M e l i k. Povijest slovenaca. 1813—1914. Zagreb, 1952, s. 35.

ства способствовало географическое положение Приморья, через которое шла вся морская торговля австрийских земель. Приморская буржуазия, как словенская, так и итальянская, была заинтересована в тесных экономических связях с северными районами и прежде всего с ближайшими к Приморью словенскими землями.

Венецианская Словения и Прекомурье были небольшими, по преимуществу крестьянскими областями. Прекомурье имело тесные экономические связи с Венгрией и со словенской Штирией. Что касается Венецианской Словении, то она находилась под властью Австрии только в период 1797—1866 гг. и была связана экономически и исторически с итальянскими землями. Во время референдума 1866 г. население Венецианской Словении проголосовало за присоединение к Италии⁸.

Таким образом, наиболее прочные экономические связи складывались внутри каждой отдельной провинции; экономически словенские земли в известной степени развивались обособленно друг от друга. Словенский внутренний рынок никогда в полном смысле этого слова не сложился. Словенские земли входили в систему развитого общеавстрийского рынка, позднее — стали входить и в систему начавшего складываться южнославянского рынка. Поэтому говорить о словенской экономической общности в XIX в. не приходится. Но все же на протяжении всей истории словенцев между словенскими землями разных провинций существовали торговые связи, которые укрепились еще более в XIX в., особенно между Крайной, Приморьем и словенской Штирией. Словенские земли Каринтии, Прекомурья, Венецианской Словении экономически были слабее связаны с главным массивом словенских земель.

Главным связующим звеном между словенскими землями являлся словенский торговый капитал. Именно словенские купцы и торговцы стали хозяевами процесса экономической консолидации; их деятельность прежде всего способствовала укреплению торговых связей между различными частями словенских земель.

Словенская торгово-ростовщическая буржуазия появилась лишь в конце XVIII в., когда все ведущие отрасли промышленности (горная, металлургическая, текстильная и др.) находились уже в руках более старой и экономически более сильной немецкой и итальянской буржуазии. Главные доходы национальная буржуазия получала от ростовщичества и торговли. Торгово-ростовщический капитал — низшая стадия развития капитала, характерная для периода первоначального накопления во всех странах. Однако словенская буржуазия задержалась на ней слишком продолжительное время. Причиной этого были: во-первых, тот факт, что все наиболее важные позиции в промышленности были заняты немецкими или итальянским капиталом, а, во-вторых, исключительно выгодное для торговли географическое положение словенских земель, лежащих на транзитных путях из немецких земель к Италии и Средиземному морю.

Только в начале 40-х годов XIX в. из среды словенской буржуазии выделились первые промышленники, а о создании прослойки словенской промышленной буржуазии можно говорить лишь с 60-х годов XIX в. Но и в начале XX в. промышленная словенская буржуазия была более малочисленной и слабой, чем торгово-ростовщическая.

Таким образом, в период формирования словенской нации словенская буржуазия оставалась по преимуществу связанной с самыми отсталыми формами капитала — ростовщической и торговой, с теми формами капитала, которые легко уживались с феодальными порядками. Ей была свойственна отсталая, консервативная, полуфеодалная идеология. Отсталость

⁸ «Istra in Slovensko Primorje». Beograd, 1952, s. 100.

словенской буржуазии, ее слабость сделали возможным для нее союз с немецким провинциальным дворянством ради совместной борьбы против агрессивной и сильной немецкой буржуазии.

И все же этот класс в конце концов стал ведущей, наиболее активной силой в словенском национальном движении. И там, где буржуазия была сильнее (например, в Горице, Крайне, отчасти Штирии), словенское национальное движение было более активным; там же, где ей практически не удалось аккумулироваться в национальную силу (Каринтия, Венецианская Словения, отчасти Прекомурье), национальное движение было более слабым.

Словенская буржуазия первой вступила в национальное движение. Вслед за нею к этому движению подключились широкие городские слои, мелкобуржуазные по своей сути. Они стали активизироваться в национальном отношении только с 30-х годов XIX в. Успешная конкуренция с цехами немецкого капитала как местного, так и из чисто немецких земель Австрии (из северной Штирии, Нижней Австрии и др.) привела к росту антинемецких настроений в среде онемеченных ремесленников, связанных с остатками цехов. Эта группа городского населения, имевшая в городах значительный вес, была по своему положению консервативной, поскольку она стояла за сохранение мелкой промышленности и остатков цеховой системы. Она укрепляла консервативное крыло движения. Однако большинство словенского городского населения составляли не эти мастера, а демократические городские низы: ученики, подмастерья, слуги, непривилегированные ремесленники и торговцы. Включившись в словенское национальное движение, они примкнули к его левому крылу, стали его наиболее активной и прогрессивной частью. И, наконец, уже в 40-е годы в национальное движение стал вливаться формирующийся словенский рабочий класс. Но вплоть до начала 70-х годов XIX в. он выступал не как самостоятельная сила, а только в качестве союзника слабой, либерально настроенной промышленной буржуазии, в общих рядах с демократически настроенными городскими низами.

Словенское крестьянство, являясь основной базой формирования словенской нации, довольно долго находилось в стороне от национального движения. Главная причина этого — компромиссное отношение к феодальным порядкам торгово-ростовщической буржуазии, стоявшей во главе словенских национальных сил. Равнодушие крестьян к национальному вопросу способствовало в немалой степени и то, что австрийское правительство путем проведения частичных реформ вселяло в крестьян надежду на возможность достижения их социальных требований законным путем, через австрийского императора. Вплоть до 60-х годов XIX в. крестьяне почти не принимали никакого участия в национальном движении, что лишило его главной опорной силы, уводило от важнейших социальных проблем. Именно привлечение к словенскому национальному движению широких крестьянских масс способствовало его резкому подъему в 60-х — первой половине 70-х годов XIX в.

Словенская городская мелкая буржуазия, словенский рабочий класс и словенское крестьянство — вот основные движущие силы словенского национального движения. И каждый из этих классов наложил на него свой отпечаток.

То, что словенцы в эпоху феодализма не имели своего феодального класса, создавало дополнительные трудности в формировании словенской национальной культуры. На протяжении многих веков господствующий класс в словенских землях был немецким по национальности.

Трудом подневольных словенских крестьян немецкие феодалы и католическое духовенство создали свою, чуждую словенскому народу фео-

дальнюю культуру. Художественная, мемуарная, политическая, религиозная литература и хроники в словенских землях в средние века по своему языку были немецкими или латинскими, по своему духу — выражали взгляды опять-таки немецкого господствующего класса. Вся документация (государственная, церковная, городская, поместная) также велась на немецком языке.

Словенская же культура сохранялась в крестьянских селах. Место художественной, исторической, политической и прочей литературы занимали народные песни, предания, сказы. Словенцы не имели даже своего письменного языка, составляющего неотъемлемую часть всякой цивилизации. В период реформации (XVI в.) словенские протестанты Примож Трубар, Богорич, Далматин создали словенский алфавит (богорчица), первую словенскую грамматику, издали первые религиозные словенские книги. В основу литературного языка протестантов лег доленский диалект XVI в. Всего этого было явно недостаточно, чтобы считать словенский литературный язык в какой-то мере сформировавшимся. К тому же деятельность реформаторов по созданию словенской литературы в начале XVII в. была насильственно прервана контрреформацией. Серьезным фактором, препятствовавшим созданию словенского литературного языка, было наличие большого количества словенских наречий⁹.

Значительное различие между словенскими главными диалектами первоначально приводило к тому, что их рассматривали как самостоятельные языки. Так еще в 1758—1762 гг. один и тот же катехизис был напечатан в отдельных переводах на каринтийский, штирийский и краинский диалекты. Ерней Копитар первым в своей грамматике словенского языка, изданной в 1809 г., показал принадлежность всех этих наречий к единому словенскому языку. Но уже в 20-е годы XIX в. в Словении появились две новые словенские грамматики, написанные Метелко (в основе ее лежали краинские диалекты) и Данько (в основе ее лежали штирийские диалекты). Обе эти грамматики имели каждая свою азбуку — метелчицу и даньчицу¹⁰. Многие словенские писатели продолжали писать на языке словенских протестантов, пользуясь богорчицей. Такой разноречивой препятствовал созданию единого словенского литературного языка. Борьбу с ним активно вели словенские просветители, группировавшиеся вокруг альманаха «Краинская пчелка» (Krajska bčelica). Во главе их стоял великий словенский поэт и просветитель Франце Прешерн. Благодаря стараниям этой группы писателей в 1833 г. была запрещена метелчица, а в 1838 г. — даньчица. Единственным словенским литературным языком был признан язык словенских реформаторов, а единственным алфавитом — богорчица. Однако литературный язык протестантов, благодаря деятельности Прешерна и других словенских писателей первой половины XIX в., был очищен от ряда устаревших форм, в него были добавлены элементы современного горенского диалекта. Под влиянием словенских иллиров в 40—50-х годах XIX в. в словенский литературный язык вошли элементы штирийских наречий, а богорчица была заменена гаицей¹¹. Гаица имела ряд преимуществ перед богорчицей: она была более проста, поскольку каждый характерный для славянских языков звук

⁹ В словенских землях насчитывается 46 мелких говоров, объединяющихся в 8 диалектических групп. F. R a m o v š. Karta slovenskih narečij. Ljubljana, 1935, s. 13.

¹⁰ В 20—30-х годах в словенских литературных кругах развернулась упорная борьба. Часть писателей (главным образом в Крайне) писали на основе грамматики Метелко, пользуясь его азбукой; другие (главным образом штирийцы) — на основе грамматики Данько, пользуясь даньчицей. J. M a l. Zgodovina, slovenskega naroda. Celje, 1928, s. 420.

¹¹ Гаица — алфавит, созданный чехами; получила своей наименование от Гая, который первый ввел ее в Хорватии.

в ней выражался одной буквой, в то время как в богорчице — несколькими буквами. Кроме того, гаица распространена среди большинства славянских народов католического вероисповедания в Австрии, и принятие ее словенцами облегчало их культурное общение с этими народами. В 60-е годы XIX в. словенский литературный язык обогатился за счет введения в него элементов старославянского языка. Особенно много сделали для этого Ф. Левстик и другие сторонники так называемой «паннонской теории», согласно которой старославянский язык являлся языком паннонских славян, т. е. предков словенцев.

Так был создан единый словенский литературный язык¹² — один из главных факторов сплочения словенцев в единую нацию, ставший основой развивавшейся словенской национальной культуры¹³.

Столь же сложно проходил у словенцев и процесс формирования словенского национального самосознания. Его росту мешала политическая, экономическая и языковая раздробленность словенских земель. Существование провинций с их особыми административно-политическими учреждениями, особыми провинциальными рынками, особыми диалектами способствовало росту провинциального патриотизма среди словенцев¹⁴. В конце XVIII — первой половине XIX в. штирийские и каринтийские словенцы называли себя словенцами, в то время как крайские словенцы считали себя крайцами. Так, один из первых словенских будителей Марко Похлин во второй половине XVIII в. выступил в защиту крайского языка, который он отличал от языка словенцев Штирии и Каринтии. Каринтийский просветитель Ожбалът Гутсман, хотя тоже различал крайцев и словенцев Штирии и Каринтии, однако уже осознал их этническую близость и в своих сочинениях отмечал, что хочет писать так, чтобы его понимали не только словенцы в Каринтии и Штирии, но и крайцы¹⁵.

Первым, кто сказал во весь голос, что словенцы являются единым народом вне зависимости от того, в какой провинции они живут, был историк Антон Линхарт, человек прогрессивных, антифеодалных взглядов. В своей книге «Опыт истории Краины и других южных славян Австрии»¹⁶ он показал, что словенцы, живущие в Каринтии, Штирии, Краине и других провинциях, являются потомками карантанцев и представляют собой самостоятельный славянский народ. Эту точку зрения поддерживал также Ерней Копитар. Благодаря трудам Линхарта и Копитара уже в первой половине XIX в. большинство словенских просветителей исходило из единства всех словенцев.

Агитация, проводившаяся в народе словенскими национальными деятелями через словенскую периодическую печать, через многочисленные культурно-просветительные общества (читальни, сокольские организации и др.), во время избирательных кампаний, на массовых митингах —

¹² Параллельно с общесловенским литературным языком существовал и развивался в XVIII—XIX вв. литературный язык прекомурцев, живших в венгерских землях. Он испытывал на себе значительное влияние общесловенского литературного языка и литературного языка хорватского кайковского наречия. Только после присоединения в 1919 г. Прекомурья к Югославии прекомурские писатели стали писать на общесловенском литературном языке. См. V. N o v a k. Slovtstveno delo Slovenske krajine. — «Slovenska krajina», Beltinci, 1935.

¹³ В данной статье не будут затронуты вопросы формирования словенской литературы, театра, живописи и т. д.

¹⁴ К этому нужно добавить, что у словенцев полностью отсутствовала историческая традиция единства словенских земель, ибо словенское государственное объединение Карантанья существовало в VII—IX вв. и от него не осталось почти никаких следов, за исключением очень немногих кратких упоминаний в хрониках.

¹⁵ B. G r a f e n a u e r. Zgodovina slovenskega noroda, zv. V. Ljubljana, 1961, s. 81.
¹⁶ A. L i n h a r t. Versuch einer Geschichte von Krain und der übrigen südlichen Slaven Oesterreich, v. I, II. Laibach, 1789, 1791.

таборах, способствовала пробуждению сознания единства всех словенцев среди широких народных масс. Уже в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. программу объединения словенских земель в единое политико-административное целое поддерживали десятки тысяч словенцев. В этом отношении интересно выступление Й. Вошняка на десятитысячном таборе в Шемпасе в октябре 1868 г.: «Мы все словенцы не хотим быть ни штирийцами, ни каринтийцами, ни краинцами, ни приморцами; мы хотим быть только словенцами, объединенными в единую Словению»¹⁷. Эти слова потонули в гуле приветственных криков собравшихся, ибо они уже выражали общее настроение наиболее политически развитой части словенцев. Провинциализм в сознании словенского народа был преодолен. Но даже в 1848 г. в Крайне находились словенские политические деятели, которые заявляли: «Мы хотим быть друзьями с нашими соседями словенцами и хорватами, оставаясь все же краинцами»¹⁸. В Штирии и Каринтии некоторые словенские политические деятели в еще большей степени подчеркивали особое положение каринтийских и штирийских словенцев по сравнению с краинскими. Они признавали, что их провинциальный патриотизм базировался на определенной экономической основе. Так, в 1848 г. глава словенских депутатов Гурник, выступая против лозунга объединения словенских земель в единое административное целое, приводил довод, что разделение Штирии на словенскую и немецкую нанесло бы непоправимый ущерб торговле.

В Каринтии и в конце 60-х годов многие словенские национальные деятели во главе с Андреем Эйнциллером выступали против объединения словенских земель из-за боязни, что разрыв экономических связей с немецкой Каринтией тяжело отразится на экономике словенской Каринтии¹⁹.

Развитие национального самосознания словенцев тормозилось также отсутствием у них всяких политических прав. Главной причиной этого опять-таки было отсутствие у словенцев на протяжении всей эпохи феодализма своего национального господствующего класса. Те народы Австрийской монархии, у которых был свой национальный господствующий класс, смогли сохранить некоторые политические права, поскольку их национальных феодалов немецкие завоеватели пытались использовать в качестве опоры своего господства в завоеванных землях. Так, венгерское дворянство имело свое провинциальное собрание, хорватское дворянство — свой сабор, своего бана, у воеводинских сербов была религиозная автономия и т. п. Словенский народ ничего подобного не имел²⁰.

Многие национальные деятели глубоко переживали это отсутствие «исторических традиций». Станко Враз писал великому словенскому поэту и просветителю Ф. Прешерну 1 августа 1839 г.: «Что это за нация, которая при создании своей литературы и в ходе духовной эмансипации не может опереться на какую-либо возвышенную идею? А где мы возьмем эту идею, если и дальше будем трудиться изолированно? Может быть в героических делах наших предков? Но где наша история говорит о них?»²¹

¹⁷ «Slovenski Narod», Maribor, 24 X 1868.

¹⁸ I. P r i j a t e l j. Ibid., s. 49.

¹⁹ J. P l e t e r s k i. Ibid., s. 144, 174.

²⁰ В этом отношении в сходном положении со словенцами находились чехи. Но чехи потеряли все свои политические права только в 1620 г. после битвы у Белой горы, словенцы же — в IX в. Если чехи, хорваты, поляки могли сослаться на то, что у них когда-то имелось собственное государство, то словенцы этого сделать не могли. Поляки говорили о Пястах, Ягелло, Стефане Батории; чехи вспоминали времена Пржемыслов, Карла IV, гуситские войны; хорваты указывали на времена королей Томислава и Петра Крешимира. У словенцев не сохранилось имен их национальных героев; не могли же буржуазные деятели считать национальными героями вождей словенских крестьянских восстаний — крестьянина Кландера, слесаря Штерца и других!

²¹ E. K a r d e l j. Ibid., s. 258.

Именно это заставило Врза отказаться от своей национальности и стать хорватским поэтом и национальным деятелем. Столь же грустные выводы о прошлом своего народа делал и Левстик: «Тысяча печальных, тысяча позорных лет отошли в вечность над нашими головами, а мы спали как мертвые»²².

И еще одна особенность формирования словенской нации. В Словении долгое время не существовало единого общенационального центра. И лишь постепенно таким центром словенского национального движения становились провинция Крайна и ее главный город Любляна, единственный крупный город на территории словенцев с преобладанием словенского населения. Накануне 1848 г. около четверти всех словенских национальных деятелей жило в Любляне²³. Однако даже в 1848 г. тон словенскому национальному движению задавали словенцы Вены и Граца. В 1851 г. Эйнишпиллер с горечью писал: «Любляна, сердце и метрополия словенской жизни, где должны были бы словенская жизнь, литература, искусства и науки процветать сильнее всего и которая должна была бы распространять свой благородный словенский дух по всей Словении, именно эта Любляна показывает ленность и беззаботность»²⁴.

Положение изменилось только к середине 60-х годов. Авторитет и значение Любляны как национального центра словенцев так возросли, что Ф. Левстик мог заявить в одной из своих статей: «Все лучи национальной притягательной силы и медленного, но уверенного прогресса постепенно сходятся в Любляне, которая является столицей не только краинской провинции, но и всего словенского»²⁵. Таким образом главными препятствиями формирования словенской нации были национальное угнетение словенцев, наиболее ярко выразившееся в политике германизации, и политическая и экономическая раздробленность словенских земель. В упорной борьбе по преодолению этих двух отрицательных факторов складывалась словенская буржуазная нация.

Выразителем национальных чаяний словенцев выступила словенская интеллигенция. В XVIII — первой половине XIX в. большую часть ее составляли священники. Светская интеллигенция была незначительна и, кроме того, обучаясь в немецких и итальянских университетах, она часто попадала под влияние развитой немецкой или итальянской культуры и в большинстве своем германизировалась (или романизировалась)²⁶.

Положение духовенства, особенно низшего и отчасти среднего, было несколько иным. Многие священники происходили из крестьян. Известный славист Франц Миклошич, описывая биографию своего учителя, словенского ученого и национального деятеля Ернея Копитара, объяснял причины, почему зажиточные крестьяне, если и отдавали своих детей учиться, то большею частью в духовные семинарии. «Католическое семейство, — писал он, — счастливо, если имеет духовное лицо в числе своих родственников; при жизни высасывают (т. е. используют. — И. Ч.) его по возможности, по смерти делают его наследство»²⁷.

²² F. Levstik. Zbrano delo, zv. 9, Ljubljana, 1961, s. 37.

²³ B. Grafenauer. Ibid., s. 183.

²⁴ I. Prijatelj. Ibid., s. 137.

²⁵ F. Levstik. Ibid., zv. 8, s. 80.

²⁶ Светская интеллигенция жила большей частью в онемеченных городах, где для образованных людей считалось неприличным называть себя словенцем, ибо само слово «словенец» представляло собою синоним невежества, заботности, униженности. Каждый, кто как-то выбивался в люди, будь то купец, врач, адвокат и т. п., стремился в первую очередь объявить себя немцем. Такое явление, т. е. отказ словенцев по происхождению от своей национальности и переход их в ряды немцев, словенцы называли немшкитарством. Особенно немшкитарство было распространено среди интеллигенции Каринтии и Штирии.

²⁷ Рукописн. отдел Гос. библиотеки им. В. И. Ленина.

Выходцам из бедных семей легче было получить духовное образование, чем светское. Иезуитский орден, например, посылал своих воспитанников на учебу в духовные семинарии за свой счет. Нередко были случаи, когда настоятели сельских приходов, в большинстве своем исполнявшие одновременно и обязанности учителей, посылали в семинарии за свой счет наиболее одаренных учеников из крестьянских ребят с условием, что те после учебы примут сан священника.

Многие священники жили в селах среди словенских крестьян и помимо своих священнических обязанностей занимались тяжелым крестьянским трудом. Сельские священники могли влиять на крестьян, только пользуясь в проповедях словенским языком. Они сильнее, чем другие представители словенской интеллигенции, чувствовали насущную потребность создания словенской литературы. Именно поэтому первыми словенскими просветителями стали священники.

Значительное время из-за неразвитости и отсталости словенской нации, из-за того, что ее руководителем вплоть до конца 60-х годов XIX в. выступала отсталая торгово-ростовщическая буржуазия, роль идеологов в словенском национальном движении играло духовенство. Оно имело большие заслуги в пробуждении национального самосознания словенцев, в создании словенской национальной культуры. Но, с другой стороны, влияние духовенства тормозило развитие демократических тенденций в словенском национальном движении, культивировало в нем отсталую идеологию. Чем дальше, тем больше сказывалось отрицательное влияние духовенства на словенское национальное движение. Уже накануне 1848 г. знаменем словенских консерваторов во главе с Блейвейсом, Сломшекком, Ераном стал лозунг «Все для императора, веры и национальности». Борьба за национальные права неразрывно связывалась ими с самыми реакционными институтами Австрии — монархией и католической церковью. Апофеозом реакционной роли католического духовенства в национальном движении словенцев стала деятельность Луки Ерана в 50-е годы, который рассматривал словенский язык как опору в сохранении веры и укреплении политической благонадежности словенского народа²⁸. Некоторые радикально или либерально настроенные деятели словенского национального движения из-за господствовавших в нем клерикально-консервативных идей переходили в лагерь немецких радикалов или либералов. Наиболее ярким примером этого явился переход в лагерь немецких либералов К. Дежмана. В 1848 г. Дежман был в рядах венских словенцев, подписавших программу Объединенной Словении. Однако он тяжело переживал засилье клерикализма в словенском национальном движении в период баховского абсолютизма. Накануне своего отказа от национальной деятельности он писал, что словенскому народу угрожает не германизация, а лень, клерикализм, невосприимчивость к критике, лицемерие, пьянство. «Если мы полностью откажемся от немецкого, то понекому впадем в обскурантизм и ультрамонтанизм»²⁹. Главным лекарством от бескультурья словенцев Дежман считал немецкую культуру. Доводя свою мысль до логического конца, он пришел к выводу, что единственным способом для словенцев избавиться от клерикализма и консерватизма является полное принятие немецкой культуры и отказ от своей национальности.

В словенских землях, особенно во 2-й половине XIX в., наблюдалось и обратное явление — переход немцев по происхождению на позиции словенского национального движения. Но, как правило, это делали немцы кон-

²⁸ F. Zwitter. Narodnost in politika pri slovincih. — «Zgodovinski časopis», 1947, № 1, s. 39.

²⁹ I. Prijatelj. Ibid., v. II, s. 78.

сервативных убеждений, ненавидевшие немецкую либеральную буржуазию и ее власть. Переход консервативных немцев в словенский национальный лагерь укреплял в последнем консервативные тенденции.

И все же, несмотря на все эти неблагоприятные моменты, в словенском национальном движении всегда имелось демократическое крыло. Первоначально очень немногочисленное, оно крепло и расширялось по мере того, как в него втягивались все более широкие слои народа. В конце XVIII — начале XIX в. к демократам можно отнести лишь немногих из словенских национальных деятелей: историка Линхарта, поэта Водника, священника Куральта. Уже в 30-е годы XIX в. число их увеличилось. Демократически настроенные словенские просветители группировались вокруг «Краинской пчелки». Увеличение их числа было связано с постепенным втягиванием в словенское национальное движение городского населения. В 1848 г. либералы и демократы представляли уже довольно значительный, хотя и слабо организованный отряд. А в 60-х — начале 70-х годов либеральное движение, включавшее демократическое и рабочее, можно назвать уже массовым, ибо за ним, за его лозунгами шли не только демократические городские низы, но и многие тысячи крестьян.

Демократическое крыло с самого начала своего появления задавало тон всему словенскому национальному движению, выдвигая насущные требования, к которым впоследствии должны были так или иначе присоединиться и умеренные. Словенские демократические деятели видели главное препятствие для успешной борьбы словенцев за свободное национальное развитие в их политической, экономической и культурной раздробленности, в веками укоренившемся провинциализме, который оказывал значительное влияние на самосознание народа. Не случайно, что именно один из первых представителей демократического направления в словенском национальном движении Линхарт был первым, кто открыто заявил, что каринтийские, штирийские и краинские словенцы имеют общее происхождение и являются единым народом. Наиболее последовательно проводили в жизнь идею единства всех словенцев представители второго поколения словенских демократов — Прешерн и его соратники. Их борьба сыграла решающую роль в создании единого словенского литературного языка, а следовательно и в создании общесловенской культуры. Третье поколение демократических деятелей вышло на политическую арену в бурный 1848 год. Оно оформило в политическую программу чаяния и стремления лучших представителей словенского народа, выдвинув лозунг Объединенной Словении.

Программа Объединенной Словении предусматривала объединение всех словенских земель в административно-политическую единицу, имеющую определенную автономию, введение во всех школах и учреждениях словенского языка. Осуществление ее означало бы огромный шаг вперед не только в национально-политическом, но и в социально-экономическом развитии словенцев.

Лозунг Объединенной Словении был подхвачен либералами 60-х годов. Вождь их Фран Левстик так определял значение его для словенцев: «Как воздух, свет, еда и питье необходимы для жизни тела, так необходимо для нашей национальной жизни объединение Словении»³⁰. Новое поколение либералов понесло идею объединения Словении в широкие народные массы, объединило вокруг нее многие тысячи словенцев.

Борьба словенских национальных деятелей и прежде всего их демократического крыла сыграла важную роль в судьбах словенского народа, так как она способствовала спасению его от ассимиляции и помогла ему к последней трети XIX в. конституироваться в качестве самостоятельной нации.

³⁰ F. L e v s t i k. Ibid., zv. 9, s. 350.

Е. З. ЦЫБЕНКО

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РОМАНА В ПОЛЬСКОЙ КРИТИКЕ 60—70-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Развитие польской литературы в 60—70-е годы закрепило за жанром романа ведущую роль. Это подчеркивалось и тогдашней критикой. «Необыкновенно популярный, самых разнообразных размеров и оттенков, — пишет о романе Элиза Ожешко в 1866 г., — он является в высшей степени результатом настроения общества. Роман проникает в самые сокровенные уголки человеческого сердца и от салонов до самых низших сфер общества — всюду он несет... драматические картины жизни человеческой»¹.

Ожешко видит достоинства романа в его возможности верно отражать жизнь общества, в его доступности для широкого читателя («... роман легко приобрести, легко прочитать, легко запомнить»², — пишет она), в свободе его границ и формы.

Горячим защитником романа вслед за Элизой Ожешко выступил известный критик позитивистского лагеря Петр Хмелевский. «Роман, — писал он в 1870 г., — это всегда самая удобная форма для передачи массам всего, что облагораживает и возвышает человечество»³.

Большие перспективы признает за романом Генрик Сенкевич. «Роман полезен, — пишет он в 1873 г., — ибо ничто, как он, не влияет так на массы и на общественное мнение. Роман далек от упадка. Наоборот, он завоевывает себе все более широкое признание среди читателей»⁴.

Критики 60—70-х годов различали несколько видов романа. Петр Хмелевский пишет об общественном, психологическом, бытовом направлениях в романе. Феликс Богацкий, рассматривая этот жанр в историческом развитии, выделяет сентиментальный роман, романтически-рыцарский, исторический⁵.

Большинство критиков того времени отдавало предпочтение социальному роману⁶. Петр Хмелевский утверждал, например: «Писать соци-

¹ E. O r z e s z k o w a. Pisma krytycznoliterackie. Zebrał i opracował Edmund Jankowski. Wrocław — Kraków, 1952, s. 24.

² Ibid., s. 41.

³ К р о п к а (P. Chmielowski). Powieść w 1869 roku. «Biblioteka Warszawska», 1870, t. II, s. 470.

⁴ H. S i e n k i e w i c z. Dzieła. Wydanie zbiorowe pod red. J. Krzyżanowskiego, t. XLVII. Warszawa, 1950, s. 21.

⁵ F. B o g a c k i. Powieściopisarstwo wobec społeczeństwa. «Przegląd Tygodniowy», 1871, № 28.

⁶ Термин «социальный роман» — «powieść społeczna» был введен в польскую критику еще в 40—50-е годы. О задачах социального романа писали тогда Ю. Душин-Борковский, А. Мардинковский, Ю. Крашевский, Ю. Дзержковский. См. об этом: Е. З. Цыбенко. Дискуссия о романе в польской критике 40—50-х годов. «Вестник МГУ. Серия филология», 1966, № 5.

альные романы в наше время настолько же трудно, насколько необходимо и даже обязательно»⁷. Такая постановка вопроса была обусловлена всем развитием польской общественной и эстетической мысли.

Польская литература на этом этапе должна была осмыслить те большие изменения, которые произошли в структуре польского общества в связи с бурным развитием капитализма после восстания 1863 года и аграрной реформы. Пресса, связанная с лагерем позитивизма, ставит перед литературой задачу служения новому строю и новому классу — молодой польской буржуазии. На этапе 60—70-х годов варшавский позитивизм сыграл в известной степени прогрессивную роль в борьбе с остатками феодализма.

Критики позитивистского лагеря призывают литературу быть активной, чутко реагировать на потребности общественного развития. «Мы ожидаем от писателей, — пишет П. Хмелевский, — чтобы они прониклись общественными проблемами, поднялись над уровнем повседневности, внесли в жизнь новые элементы»⁸.

Критик и публицист Юзеф Токажевич, который называл роман «зеркалом повседневной жизни», считал, что его задача — «раскрывать большие проблемы нашего века»⁹.

Создание романа, дающего широкую социальную панораму действительности, стало важнейшей частью программы в области литературы.

Э. Ожешко в своих литературно-критических выступлениях, различая бытовой, психологический, философский, исторический и социальный романы, более детально занимается бытовым и особенно социальным романом. Бытовой роман Ожешко определяет как произведение, «стремящееся представить картину современных обычаев с позиции совершенно объективной, без того, чтобы проводить какую-либо философскую или социальную идею, написанное без углубления в духовный процесс и без особой тонкости в изображении чувств и характеров»¹⁰.

Большое теоретическое значение имеет определение Ожешко черт социального романа. Характерными его признаками писательница считала обращение к реальной жизни, ее повседневным проявлениям, правдоподобие («всякая исключительность и феноменальность для него запрещены», — пишет Ожешко), создание героев-типов, которые должны характеризовать особенности различных общественных групп. «Чувства, стремления и судьбы массы выступают здесь более явно, чем духовные процессы личности, — утверждает она. — Вместо детального углубления в души и характеры отдельных людей психологический скальпель анализирует дух всего народа или его больших частей».

Целью социального романа, по мнению Ожешко, является раскрытие определенных социальных условий общества, которые «должны рассматриваться не с эмоциональной точки зрения, а со стороны факторов, их определяющих, с точки зрения причин, формирующих характер и судьбу общества: умственных понятий, исторического опыта, национального характера и т. д.»¹¹.

⁷ P. Chmielowski. Powieści pani Elizy Orzeszko. «Przegląd Tygodniowy», 1870, № 1. В кн. P. Chmielowski. Pisma krytycznoliterackie, t. 1, Warszawa, 1961, s. 346.

⁸ P. Chmielowski. Powieść. В кн. Warszawski Rocznik Literacki. Rok pierwszy. 1871. Warszawa, 1872, s. 67.

⁹ J. T. Hođi (Tokarzewicz). Z obcego świata. Klasyfikacja nauk. «Kłosa», 1872, № 383—384.

¹⁰ E. Orzeszkowa. Drugie dziesięciolecie (1840—1850). В кн. Książka jubileuszowa dla uczczenia pięćdziesięcioletniej działalności literackiej J. I. Kraszewskiego. 1880. Цит. по: E. Orzeszkowa. Pisma krytycznoliterackie, s. 196.

¹¹ Ibid., s. 209.

Характеризуя художественные приемы социального романа, Ожешко указывает, что в нем обычно даются широкие и смелые мазки, а действующие лица должны представлять самые разнообразные социальные слои. Показательна в этой связи оценка писательницей выдающейся роли романа Ю. Крашевского «Волшебный фонарь» (1842). Отмечая, что это произведение «открывает перед литературой новые, ясные, широкие пути», Ожешко тем самым как бы указывала, каким должен быть современный роман.

Даниель Зглинский (Д. Фрейденсон) видит в развитии социального романа, который, как он отмечает, является господствующим в литературе многих европейских стран, в частности Франции, России и Польши, знамение эпохи. Обращение к социальному роману, по его мнению, «вызвало некоторые изменения в художественной системе, направило писателей... по пути более последовательного реализма»¹².

Исторический роман в 60—70-е годы не пользовался признанием у критиков лагеря «молодых». Они ратовали за современную тематику, считая, что она прежде всего будет способствовать выполнению литературой ее общественных задач. К тому же исторический роман, представленный З. Качковским, М. Грабовским, ассоциировался со шляхетскими традициями. «Исторический роман, — пишет Феликс Богацкий, — это шляхетский, „панский“ роман, о хате там нет ничего»¹³. Передовые критики, опасаясь возрождения шляхетских традиций, с недоверием относились и к самому жанру исторического романа.

* * *

Польская литература и критика развивались не в изоляции от других литератур. Многие критики 60—70-х годов понимали необходимость использования опыта соседних стран.

Адам Белциковский в своей вступительной лекции по истории польской литературы в варшавской Главной школе в 1866 г. говорил о том, что «литература не может относиться пренебрежительно к достижениям человеческого духа в других странах, но, наоборот, должна стараться их освоить... Только встав на один уровень с прогрессом других народов и с высоты этого прогресса литература может развиваться и стремиться к самобытности»¹⁴.

О необходимости преодоления национальной узости писал и вождь «молодых» Александр Свентоховский: «Общество, через органы которого не проходит постоянно поток знаний, добытых всем человечеством, обедняет свои духовные силы»¹⁵.

В «молодой» прессе довольно часто встречаются имена Бальзака, Диккенса, Э. Сю, Жорж Санд, Гюго. Элиза Ожешко называет в числе создателей современного романа В. Гюго, Жорж Санд, Диккенса, Теккерея, Г. Бичер-Стоу.

Однако новейшие тенденции в развитии западноевропейского романа критика воспринимала с запозданием¹⁶. Роман Флобера «Мадам Бовари» (1857), например, был переведен только в 1878 г. Только в конце 70-х го-

¹² D. Z g l i ń s k i. Żywioty społeczne w literaturze polskiej. «Prawda», 1882, № 36—37. Цит. по: «Polska krytyka literacka», t. III, Warszawa, 1959, s. 187.

¹³ F. B o g a c k i. Ibid., № 28.

¹⁴ A. B e ł c i k o w s k i. O znaczeniu historii literatury i rzut oka na całość naszego piśmiennictwa. «Tygodnik Ilustrowany», 1866, № 376, s. 274—275.

¹⁵ A. Ś w i e t o c h o w s k i. Fałszywe alarmy. «Przegląd Tygodniowy», 1873, № 26.

¹⁶ См. J. K u l c z y c k a - S a l o n i. Programy i dyskusje literackie. В кн. «Literatura polska w okresie realizmu i naturalizmu», t. I, Warszawa, 1965.

дов появляются и первые статьи о Флобере. Одним из первых в Польше оценил роман Флобера Ю. Крашевский¹⁷.

Консервативная критика видела во французском романе пример «аморальности», боялась ее «разлагающего» влияния на общество.

Лагерь «молодых» французский роман не устраивал по другим причинам. Острая критика буржуазии и буржуазного общества во многих романах французских писателей, отражавших развитие буржуазного общества на ином этапе, не соответствовали апологетическому в целом отношению этого лагеря к молодой польской буржуазии и тем надеждам, которые они на нее возлагали¹⁸.

В литературной прессе французской литературе нередко противопоставлялась немецкая литература с ее идеализацией мелкой буржуазии и мещанского образа жизни. В частности, один из авторов журнала «Клосы» утверждал, что «несравненно более здоровый реализм и более добродетельная тенденциозность характеризуют немецкий роман», однако и он должен признать, что эти морально здоровые немецкие романы не свободны от недостатков — «они скучны»¹⁹.

Большой популярностью пользовались в 60—70-е годы романы Фридриха Шпильгагена, Бертольда Ауэрбаха, Густава Фрейтага и других немецких писателей. Особенно много переводили Ф. Шпильгагена.

На развитие польской критической мысли оказали влияние известные в Польше работы французского теоретика литературы Ипполита Тэна. «Тэн не имел у нас слепых и последовательных подражателей, — писал П. Хмелевский, — ... но у нас использовали отдельные его положения, удивлялись меткости его характеристик и старались достичь подобного мастерства в своих работах»²⁰.

Сложно развивались в этот период польско-русские литературные связи. Усиление национального гнета со стороны царского самодержавия после подавления восстания 1863 года не способствовало положительному восприятию того, что исходило от России.

Однако русская литература была достаточно хорошо известна, особенно в Королевстве Польском, где преподавание в средней и высшей школе велось на русском языке.

Факты свидетельствуют об интересе органов «молодых», в частности журнала «Шпеглэнд тыгоднёвы», к русской литературе. Этот журнал печатает в своем приложении за 1871 г. роман Тургенева «Дым» в переводе редактора журнала Адама Вислицкого²¹.

В 1880 г. Вислицкий в дешевой серии издает «Записки охотника» Тургенева. В 1879 г. в издании редактируемого им журнала «Шпеглэнд тыгоднёвы» под названием «Галерея современных знаменитостей», была опубликована статья о Тургеневе (без подписи), а в 1884 г. — статья о Салтыкове-Щедрине, тоже без подписи, но, как доказывает современный польский исследователь Т. Шишко²², написанная Брониславом Бялоблочким и ранее не разрешенная царской цензурой для публикации в этом

¹⁷ См. J. K r a s z e w s k i. «Trzy opowiadania» Gustawa Flauberta. «Bluszcz», 1877, № 25; е г о ж е. Gustaw Flaubert. Wspomnienia pośmiertne. «Tygodnik Ilustrowany», 1880, № 235.

¹⁸ См. об этом Ст. Буркот в комментариях к кн.: «Kraszewski o powieściopisarzach i powieści». Zbiór wypowiedzi teoretycznych i krytycznych. Warszawa, 1962, s. 279.

¹⁹ Цит. по кн.: «Kraszewski o powieściopisarzach i powieści», s. 279.

²⁰ Цит. по: «Polska krytyka literacka», t. III, s. 426.

²¹ См. об этом: В. А. Л у г а к о в с к и й. Русские писатели в польской литературе. Вып. III. Тургенев. СПб., 1913, стр. 19.

²² См. Т. S z y s z k o. Nieznany artykuł Bronisława Białobłockiego o Sałtykowie-Szczedrinie. «Slavia Orientalis», 1958, № 3—4.

журнале²³. Вислицкому, очевидно, пужно было проявить немало настойчивости, чтобы после цензурного запрета все-таки издать очерк о передовом русском писателе. Еще раньше, в 1882 г., журнал «Пшеглэнд тыгоднёвы» опубликовал статьи Бялоблоцкого о Глебе Успенском, Златовратском и Тургеневе. «Публикуя статьи Бялоблоцкого, — замечает Якубец, — «Пшеглэнд тыгоднёвы» в своей оценке русской литературы встал в один ряд с наиболее прогрессивными русскими журналами того времени»²⁴.

В «Пшеглэнде тыгоднёвом» в 70-е годы можно было найти сообщения о появлении новых, «полных юмора и остроумия рассказов» Салтыкова-Щедрина, оценки творчества Толстого и Достоевского.

Петр Хмелевский очень доброжелательно пишет о романе Тургенева «Отцы и дети», перевод которого был опубликован в журнале «Тыгодник иллюстрованы» в 1870 г. Хмелевский подчеркивает, что Тургенев поднимает здесь большие проблемы современного общества. «Роман Тургенева, — пишет польский критик, — нарисован со всей правдой действительности, со всем талантом романиста». Хмелевский оценил в романе Тургенева сочетание художественности и идейности. «Произведение не выглядит как набор рефератов, — пишет Хмелевский, — а идея воплощена в жизнь, правдиво изображенную в романе»²⁵.

Хорошо знал русскую литературу и Александр Свентоховский. Он высоко ценил Л. Толстого, Герцена и Пушкина, был знаком с творчеством Гоголя, Тургенева, писал об изучении им работ Белинского²⁶. Особенно хорошо Свентоховский знал творчество Салтыкова-Щедрина, часто использовал образы его произведений, в частности «Господ тапкентцев», в своих публицистических выступлениях²⁷. В редактируемом им журнале «Новины» (1879—1881), а затем в «Правде» он заботился о постоянной информации о культурной жизни в России; в последнем он опубликовал два рассказа Салтыкова-Щедрина «Старая помпадурша» и «Опекуны»²⁸.

Мы подробно остановились на проблеме русско-польских связей, поскольку в создании концепции польского социального романа пример русской литературы, достижения которой были связаны прежде всего с романом, играл немаловажную роль.

Роман в русской литературе имеет большее значение, чем в других литературах, пишет польский критик Леон Каплинский. Русский роман «выработал себе в последнее время самостоятельный, определенно национальный характер»²⁹. Польский критик видит заслугу русского романа

²³ Как вспоминает Л. Кшивицкий, цензор так сказал Бялоблоцкому, запретив публикацию этой статьи: «Мы не позволим, чтобы под предлогом очерков о русской литературе вы пропагандировали оппозиционный антиправительственный дух, которым проникнуты ваши любимцы». См. L. K r z y w i s k i. Wspomnienia, t. III. Warszawa. 1959, s. 17.

²⁴ M. J a k ó b i e c. Literatura rosyjska wśród Polaków w okresie pozytywizmu. В кн. «Pozytywizm». Cz. 1. Wrocław, 1950, s. 315.

²⁵ P. S h m i e l o w s k i. Przegląd powieści z 1870 r. В кн. «Biblioteka Warszawska», t. III, 1871, s. 111. Этот отзыв Хмелевского о романе Тургенева «Отцы и дети», а также его упоминания о романе «Дым» остались неизвестными М. Якубцу. Он пишет о том, что «П. Хмелевский хранил молчание о русской литературе» (см. указ. работу, стр. 318). Не вспоминает об этом отзыве и современный польский исследователь Збигнев Бараньский в своей работе «Начало литературной известности Тургенева в Польше», в ст. «И. С. Тургенев. Статьи и материалы», Ореп, 1960.

²⁶ P o s e i P r a w d y (A. Świętochowski). Liberum veto. «Prawda», 1884, № 4.

²⁷ См. подробнее об этом: T. S z y s z k o. Twórczość Sałtykowa-Szczedrina w publicystyce polskiej. «Slavia Orientalis», 1963, № 3, s. 348—350.

²⁸ «Prawda», 1881, № 18—21; № 22—26.

²⁹ L. K a p l i ń s k i. Literatura rosyjska. Iwan Turgieniew i jego powieści. «Przegląd Polski», 1868, z. I, s. 115.

в том, что в нем находят верное и живое отражение «самые разнообразные течения, беспокойства и болезни общества»³⁰.

Даниэль Зглинский, рассматривая развитие социальной тенденции в польской литературе, ссылается на пример французской и русской литературы. Отметив, что литература «вышла на широкую социальную дорогу» с появлением романов Стендаля и Бальзака, критик считает необходимым остановиться на русской литературе «прежде всего потому, что она чуть ли не первая открыла двери социальной беллетристике»³¹.

Д. Зглинский с одобрением отмечает критическое изображение общества в романах Гоголя и Тургенева, считая, что «только отчаянная смелость Золя может идти в сравнение со смелостью русских социальных романистов»³².

* * *

Критики 60—70-х годов понимали, какое большое значение для романа имеет выбор положительного героя. Героями романов 40—50-х годов были по преимуществу шляхтичи, военные; были среди них и художники, поэты. Передовые писатели и критики тех лет выступали за введение более демократического героя. В отдельных произведениях действуют шляхтичи, ставшие купцами («Последний из Секежинских» Ю. Крашевского), ремесленниками («Родственники» Коженевского), но это было скорее исключением. Демократическая критика уже тогда подняла голос за введение в литературу героя из народа — крестьянина, ремесленника (Ю. Дзежковский). И такой герой появляется, но снова — в отдельных случаях, у отдельных писателей. Страницы же основной массы романов заполняют люди далеко не практических профессий, герои бездействующие и рефлектирующие. Подобные герои перешли и в романы 60-х годов.

Героя из непривилегированных классов, связанного с трудовой деятельностью, нашли не сразу. Многие критики и писатели позитивистского лагеря, связывавшего с буржуазией надежды на экономическое процветание народа, обращали главное внимание на труд банкиров, купцов, фабрикантов, инженеров. Э. Ожешко в «Письмах о литературе» (1873) сетует на то, что современная поэзия, ставшая, по ее словам, резервуаром всего устаревшего и консервативного, «подвергает остракизму буржуа, банкира, фабриканта, купца...»³³. Героями первых романов Элизы Ожешко и Михала Балудцкого, многих романов 60—70-х годов Крашевского, некоторых рассказов Сенкевича становятся «герои буржуазного прогресса» — фабрикант, инженер, врач.

В 80-е годы, когда стало ясно, что надежды на буржуазный прогресс не оправдались, что он не принес благосостояния всему народу, пришло и разочарование в героях позитивистских романов. Скептически отнесся к героям-буржуа Б. Прус. «У инженеров были такие сильные локти, — пишет он, — что они не только выдвинулись и стали во главе общественных идеалов, но одновременно проложили дорогу финансистам, промышленникам, строителям, а за ними и владельцам домов»³⁴. Столь же иронически пишет о герое позитивистского романа и его надеждах известный критик конца XIX в. Игнацы Матушевский: «Была эпоха, не так

³⁰ L. Kapliński. Ibid.

³¹ D. Zgliński. *Żywioły społeczne w literaturze polskiej* (1882). «Polska krytyka literacka», t. III, Warszawa, 1959, s. 181.

³² Ibid., s. 184.

³³ E. Orzeszkowa. *Listy o literaturze*. В кн. «Pisma krytycznoliterackie», s. 113.

³⁴ «Kurier Warszawski». 1885, № 345.

давно, впрочем, когда инженер и промышленник играли в романе роль героического тенора, который в длинных речитативах прославлял облагораживающую силу труда, а в интермедиях чувствительно ворковал с избранницей своего сердца, открывая перед ней широкие горизонты своей деятельности, которая должна принести золотой век на земле, одеть раздетых, утешить несчастных...»³⁵. Золотого века не получилось... Однако следует сказать, что тем не менее расширение круга героев явилось выражением демократизации литературы.

Антиаристократическая тенденция в поисках нового героя не теряет силы, но становится ясно, что бездействующей шляхте следует противопоставить не представителей «буржуазного прогресса, а трудовой класс»³⁶.

Феликс Богацкий ополчается в 1871 г. против того, что героями романов чаще всего являются аристократы. «Романы без князей и графов, роман без красивых и хорошо обставленных салонов — это истинная редкость, — пишет он. — Кто же погрузился бы мыслью в те глубины, в которых господствует темнота, предрассудки и нищета..., где едят крупник и кашу... где все грубое и неотесанное... где живет пролетариат»³⁷.

В конце 60-х — начале 70-х годов героев из трудящихся классов было, действительно, еще мало. Но спустя некоторое время Б. Прус имел возможность сказать: «Крестьянин, еврей, ремесленник выступал в литературе случайно, в то время как сейчас они в огромном большинстве произведений играют главную роль; значит, в общественной жизни зазвучала демократическая струна, значит, литература, замкнутая до сих пор в салоне, перешла в избы, верхние этажи и чердаки, вытащила из тени новые общественные классы и вместо одной касты начала охватывать весь народ»³⁸.

Вступление нового героя в роман не могло пройти бесследно для формы последнего. Менялся «климат» жанра, менялась картина жизни, изображаемой в нем. Новый герой требовал иных конфликтов, иных сюжетных ситуаций. Все это литературная критика должна была осмыслить.

* * *

Писатели и критики позитивистского лагеря, ставя перед романом большие задачи, видели в нем орудие воспитания общества. Э. Ожешко, подерживая идею создания «серии социальных романов», пишет Крашевскому в 1876 г.: «Никто лучше Вас не знает, как бедно наше общество средствами пропаганды и просвещения и каким важным и популярным среди них является роман»³⁹.

Считая воспитательную функцию главной задачей романа, критики позитивистского лагеря создали в эти годы концепцию тенденциозного романа.

Ожешко в своей работе «Несколько замечаний о романе» (1866), критикуя теорию искусства для искусства, утверждает, что «произведение искусства должно заключать широкую мысль, цель, в которой заинтересовано общество. Иначе оно становится красивой болтовней, громким, но пустым звуком, игрушкой для забавы детей». Полагая, что основная задача литературы состоит в том, чтобы передать обществу опыт, урок,

³⁵ I. M a t u s z e w s k i. Przemysł w powieści. «Tygodnik Ilustrowany». 1899, № 48, s. 943.

³⁶ A. P i l e c k i. Stanowisko poezji wobec pozytywnego kierunku naszej umysłowości. «Przegląd Tygodniowy», 1873, № 34.

³⁷ F. B o g a c k i. Tło powieści wobec tła życia. «Przegląd Tygodniowy», 1871, № 51.

³⁸ B. P r u s. Kronika tygodniowa. «Kurier Warszawski», 1886, № 70a.

³⁹ E. O r z e s z k o w a. Listy. Pod kierunkiem prof. Ujejskiego. Opracował L. B. Świderski. T. 1. Warszawa — Grodno, 1937, s. 4.

она считала главным в произведении тенденцию, ведущую мысль произведения. «Самый распространенный сейчас и повсюду любимый тенденциозный роман»⁴⁰, как пишет Ожешко, родился из потребностей времени, из стремления общества познать самое себя, получить в произведениях искусства определенную программу действия.

Вслед за Ожешко выдвигает программу тенденциозной литературы Хмелевский. Наиболее полно о нее формулирует в работе «Утилитаризм в литературе» (1872). «Художник должен иметь какую-то общественную цель. Его произведения должны иметь тенденцию. Без тенденции нет хорошего произведения искусства, а будет только более или менее красивая безделушка»⁴¹.

Концепцию тенденциозного романа поддерживали и другие критики позитивистского лагеря: Юзеф Котарбинский, Антони Пилецкий, Валерий Пшиборовский, Антони Бем. «Главной чертой современного направления общества является утилитаризм, — пишет А. Пилецкий. — Мы отбрасываем все, что не влияет положительно на развитие человечества»⁴².

Сама по себе мысль о необходимости активной авторской позиции, о стремлении влиять на общество была плодотворной. Однако выдвижение на первый план идейного замысла писателя при недооценке художественной формы произведения приводило на практике к схематизму и иллюстративности.

Впрочем, наиболее проникательные польские критики уже в начале 70-х годов понимают, что тенденция должна быть органически выражена в самой художественной структуре произведения. «Мы признаем необходимость тенденциозности в искусстве, — пишет в 1876 г. анонимный рецензент журнала „Пшеглэнд тыгоднёвы“, — но хотели бы, чтобы она вытекала из воплощения жизненных фактов и закономерностей, чтобы она не возвышалась над ними в виде не воплощенной в образ фразы или готовой морали»⁴³.

При оценке концепции тенденциозного романа 60—70-х годов чрезвычайно важно учесть, за какую же конкретно тенденцию ратовали писатели и критики позитивистского лагеря. Тенденция в их представлении была связана с пропагандой идеалов буржуазного прогресса. Призывы служить интересам общества нередко носили абстрактный характер. Практическое воплощение принципа тенденциозности в романах Ожешко и М. Балудцкого 60-х — начала 70-х годов обнаружило несовместимость узкобуржуазной тенденции с подлинной художественностью. Голая назидательность и схематизм не привели к созданию творческих ценностей.

В конце концов расхождение между позитивистской тенденцией и объективным развитием действительности обнаруживает и Ожешко. Ее лучшие произведения 70-х годов, в частности романы «Марта» (1873) и «Меир Езофович» (1878), во многом были отходом от схематичной тенденциозности.

Теоретическим обоснованием необходимости пересмотреть концепцию тенденциозного романа явилась статья писательницы «О романах Т. Т. Ежа и о романе вообще» (1879). Ожешко по-новому ставит здесь проблему отношения литературы к действительности, во многом учтя опыт собственного творчества 60-х — начала 70-х годов, критические выступления прессы по поводу ее собственных тенденциозных романов. Идея должна быть воплощена в самой ситуации, считает теперь писательница. В том же

⁴⁰ E. O r z e s z k o w a. Pisma krytycznoliterackie, s. 28.

⁴¹ P. C h m i e l o w s k i. Pisma krytycznoliterackie, t. I. Warszawa, 1961, s. 74.

⁴² A. P i l e c k i. Stanowisko poezji wobec pozytywnego kierunku naszej umysłowości. «Przegląd Tygodniowy», 1873, № 34.

⁴³ «Przegląd teatralny». — «Przegląd Tygodniowy», 1876, № 34.

случае, когда за исходный пункт берут идею, а потом для ее воплощения ищут ситуацию, образы, коллизии, а их трудно найти по приказу, то в этом случае романисту их приходится брать из собственной головы. Так создаются «справедливо критикуемые, — признается Ожешко, дидактические романы»⁴⁴.

Пересмотрел свое отношение к тенденциозному роману и Хмелевский. В своей работе «Молодые силы» (1880) он приветствует «направление объективного взгляда на проблемы жизни»⁴⁵, появившееся в польской литературе, одобрительно оценивает отход Э. Ожешко от тенденциозности.

* * *

По мысли критиков 60—70-х годов тенденциозный роман должен быть романом реалистическим. Самый термин «реализм» упоминается в критике все чаще. Правда, в 60-х — начале 70-х годов он нередко воспринимается еще как отрицательный, по ассоциации с «аморальным» французским романом. Так называемая «молодая» пресса часто пишет о «здоровом» реализме, отнюдь не тождественном «аморальной литературе». П. Хмелевский в статье «Художники и искусство» стремится доказать «всем тем, которые здраво и критически поняты реализм упрекают в том, что он демонстрирует циническую наготу и вонючие общественные раны», что со стороны реализма «ни о какой угрозе моральности не может быть и речи»⁴⁶.

Передовые критики тех лет понимали необходимость глубоко проникать в механизм социальной жизни, давать ей оценку. «Если раньше роман был главным образом отражением жизни, — пишет в 1873 г. Юзеф Котарбинский, — то теперь он все более становится исследованием или оценкой ее важнейших проблем»⁴⁷.

От фотографирования жизни, «преклонения перед фактами, быющими в глаза», предостерегает П. Хмелевский⁴⁸.

Подобные выводы вели критиков к пониманию необходимости отбора наиболее существенного и характерного, к пониманию типического. Генрик Сенкевич в создании типов видел главную задачу романа. «Роман как произведение искусства, — пишет он, — должен быть чем-то большим, чем простой копией действительности, он должен быть ее дополнением, объединением рассыпанных характерных черт тысяч людей в отдельные типы»⁴⁹.

«Предмет романа — это человеческий характер, — пишет Феликс Богачкий, — но ведь их много. Писатель должен выбрать тип»⁵⁰.

Приходит к пониманию типического и Э. Ожешко. В своей статье «О романах Т. Т. Ежа и о романе вообще» она говорит о необходимости проникнуть в самые глубины мира, природы и человека, изображать не изолированную личность, но целые социальные слои. И в этом писателю помогает умение видеть и изображать типическое в жизни. В «умении находить и изображать типы» Ожешко и видит «самое главное требование искусства».

⁴⁴ E. O r z e s z k o w a. Pisma krytycznoliterackie, s. 139.

⁴⁵ См. «Polska krytyka literacka», t. III, s. 140.

⁴⁶ P. C h m i e l o w s k i. Artyści i artyzm. В кн. «Pisma krytycznoliterackie», t. I, s. 155—156.

⁴⁷ J. K o t a r b i n s k i. Przegląd piśmiennictwa polskiego. «Przegląd Tygodniowy», 1873, № 22.

⁴⁸ P. C h m i e l o w s k i. Pisma krytycznoliterackie, t. I, s. 68.

⁴⁹ H. S i e n k i e w i c z. Dzieła, t. LII. Warszawa, 1950, s. 157.

⁵⁰ F. B o g a c k i. Powieściopisarstwo wobec społeczeństwa. «Przegląd Tygodniowy», 1871, № 32.

Как бы подытоживая художественные требования, предъявляемые к социальному роману (а содержащаяся здесь программа и есть программа социального романа), писательница замечает: «Что касается замысла и исполнения, то чем более драматична и сильна коллизия, найденная в ситуации, чем более широка и актуальна идея, касающаяся человечества, чем больше гармония отдельных частей, ярче пластика образов и красочность картин, чем более логически идея будет вытекать из драмы, а драма будет заключать в себе идею, — тем прекрасней, значительнее, тем более влиятельным станет роман»⁵¹.

Конкретным проблемам техники романа критики 60—70-х годов уделяли не так много внимания. Это было вызвано их преимущественным вниманием к идейному содержанию произведения, его воспитательной функции. Более других занимался вопросами формы Сенкевич⁵². Он вообще в большей степени, чем другие рецензенты, был внимателен к художественным достоинствам анализируемых произведений, детально анализировал диалоги, недостаточную работу над которыми считал одним из главных недостатков романа того времени. Интересовался Сенкевич и мастерством конструктора романа, умением строить его фабулу.

Был внимателен к проблемам композиции и П. Хмелевский. Он критиковал писателя за каждый лишний, разросшийся эпизод, за перерывы в развитии фабулы, за описания, не нужные для развития действия.

Интересные мысли о композиции романа высказал Ю. Токажевич. Он отмечает две тенденции в представлениях критики о том, как должна складываться композиция романа. Первая состояла в убеждении, что в литературном произведении, стремящемся отразить современную действительность, композиция должна подражать естественному ходу жизни. Сторонники второй тенденции утверждали преимущество логической, сознательно запланированной композиции, напоминающей построение научного трактата.

Ю. Токажевич придавал большое значение развязке романа. Он считал, что заключение произведения должно играть важную роль у писателей-реалистов. Они обычно прилагают большие усилия для того, чтобы придать своим эпилогом возможно большую видимость правдивости. Поэтому в последних сценах их произведений заключается, как правило, самый большой запас непосредственных жизненных наблюдений. «У кого нет написанного эпилога, — вспоминает Токажевич слова Э. По, — тот не должен начинать романа»⁵³.

Критики и писатели этих лет подметили и оценили способность романа создать полную иллюзию жизни, соучастия в ней читателя. Ожешко видит в стремлении к пластичности изображения черту, сближающую роман с живописью и скульптурой⁵⁴.

Стремление к иллюзии жизни, как отмечает Генрик Маркевич, имело большие последствия для способа изображения действительности. Вместо лаконичного изложения преобладает детальное повествование, с конкретным описанием того, как выглядят персонажи и предметы, а действия и разговоры представляются не как законченные, а так, как будто они были именно сейчас происходящей действительностью. Такое повествование создает иллюзию их настоящего бытования⁵⁵.

⁵¹ E. Orzeszkowa. Pisma krytycznoliterackie, s. 140, 144.

⁵² См. J. Kulczycka-Saloni. H. Sienkiewicz krytyk i teoretyk literatury. «Pamiętnik Literacki», 1956, zesz. 4, s. 401.

⁵³ J. T. Hodi (J. Tokarzewicz). Realizm w powieści. Dodatek do «Przeglądu Tygodniowego», 1880, s. 282—283.

⁵⁴ E. Orzeszkowa. Pisma krytycznoliterackie, s. 142.

⁵⁵ H. Markiewicz. Antynomie powieści realistycznej XIX wieku. «Twórczość», 1966, № 4, s. 92.

Крашевский, отметивший умение романа производить впечатление жизни, видит в этом влияние жанра драмы. «Драма перешла в роман и дала ему новые краски, — пишет он. — Писатель, чтобы добиться иллюзии подлинной правды, начал подражать сцене, начал целые эпизоды, разговоры давать *in extenso*, вместо того чтобы пересказывать их содержание»⁵⁶.

В связи с этими изменениями формы романа уменьшаются роль и место авторского комментария, который прежде облегчал задачи романиста. Писатель должен не сам объяснять, мотивировать те или иные поступки героев, а суметь сделать так, чтобы читатель понял их сам.

Таким образом, польская критика 60—70-х годов — это важный этап в развитии концепции реализма и романа. Во многом это был период поисков, иногда заблуждений, но теоретическая мысль упорно продвигалась вперед. Выдвижение анализа больших социальных проблем как важнейшей задачи романа, требование общественной активности писателя — это характерная черта польской эстетической мысли тех лет, которая делает ее близкой теоретической мысли в России⁵⁷.

Большой заслугой критики этого периода является определение черт социального романа, признание ведущей роли именно этого жанра. Без подготовительного этапа 60—70-х годов трудно себе представить расцвет польского романа, особенно социального романа в 70-е годы.

⁵⁶ «Kraszewski o powieściopisarzach i powieści», s. 206.

⁵⁷ См. об этом: Z. Ż a b i c k i. Z problemów ideologii i estetyki pozytywizmu. Publicystyka emigracyjna Józefa Tokarzewicza na tle prądów epoki. Warszawa, 1964, s. 286.

Л. КАЛНЫНЬ

ОРГАНИЗАЦИЯ ФОНЕМНОГО СОСТАВА ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАЙМСТВОВАНИЙ В ДИАЛЕКТНОМ ЯЗЫКЕ

В литературном языке, как известно, звуковая оболочка заимствованных слов может организовываться по специальным правилам, не укладываемым в рамки основной фонологической системы. В этом случае в литературном языке выделяется особая, дополнительная фонологическая система (по другой терминологии «подсистема», «вторичная система»), которая реализуется в заимствованной лексике. Основная и дополнительная системы являются сосуществующими¹.

В предлагаемой статье рассматривается вопрос о том, по каким правилам организуется звуковая оболочка заимствованных слов в диалектном языке (частных диалектных системах). Вопрос этот особенно актуален для диалектов, функционирующих в условиях массового билингвизма.

В условиях двуязычия осуществляется большое количество лексических заимствований из второго языка в родной. Заимствованные слова в одних случаях вытесняют исконные названия, в других — могут быть восприняты вместе с новым понятием². И в том и в другом случае заимствованное слово становится единственным употребляемым в языке (диалекте) названием определенного понятия и синхронно принадлежит, таким образом, системе заимствовавшей. Это важно подчеркнуть: билингвы, владея двумя языковыми системами, могут в своей речевой практике использовать их одновременно, в частности вводить в речь на родном языке слова другого языка³. В результате возможна ситуация, когда единственным критерием, на основании которого иноязычное по происхождению

¹ Замечание о том, что в чешском языке заимствованный слой лексики отличается от лексики исконной составом фонем, их распределением и фонетической реализацией, встречаем у В. Матезиуса (V. M a t h e s i u s. *Seština a obecný jazykozpyt*. Praha, 1947, s. 96). Основываясь в значительной мере на выводах В. Матезиуса, Г. Кучера выделяет для русского и чешского литературных языков «вторичную» фонологическую систему, реализующуюся в иноязычной по происхождению лексике (Н. К у с е р а. *Inquiry into Coexistent Phonemic Systems in Slavic Languages*. 's-Gravenhage, 1958). Анализ фонологической системы заимствований в русском литературном языке посвящено исследование М. Я. Гловинской «Фонологическая подсистема редких слов в современном русском литературном языке (на материале заимствований)». Автореферат канд. дис., М., 1967.

² На ведущую роль заимствований при образовании новых слов в условиях двуязычия указывал Л. В. Щерба. Так, в применении к мужаковскому диалекту он называет заимствование из немецкого языка единственным действительно живым способом создания новых слов (Л. В. Щ е р б а. *Восточнолужицкое наречие*. Пг., 1915, стр. 80).

³ Проведенное Е. М. Верецагиным экспериментальное исследование показывает, что введение иноязычных слов в речь на родном языке вызвано ослаблением ассоциативных связей между понятием и лексемой родного языка (Е. М. В е р е щ а г и н. К проблеме разносистемной принадлежности лексики при билингвизме. Автореферат канд. дис., М., 1966, стр. 7).

слово должно быть отнесено к системе заимствовавшего языка или выведено за его пределы, является наличие или отсутствие исконных для заимствовавшего языка дублетов иноязычного по происхождению слова.

Приведем пример. В нижнелужицком говоре д. Мост (немецкое название Heinersbrück), функционирующего в условиях массового лужицко-немецкого двуязычия, понятие 'убийство' обозначается словом *mord*⁴, в звуковом отношении совпадающим с нем. *Mord* (особенности произношения, которые можно определить как лужицкий акцент в произношении немецких слов, в данном случае не принимаем во внимание). И несмотря на это, слово *mord*, будучи единственным употребляемым в говоре названием указанного понятия, в синхронном плане принадлежит системе заимствовавшего говора и в этом смысле является словом лужицким (о чем, кстати, свидетельствует и его изменение по лужицкой парадигме, ср. род. ед. *morda*). Слово *mord* нельзя расценивать как немецкое слово, включенное в речь на нижнелужицком языке, т. е. его нельзя ввести в рамки такого словоупотребления, как, например, *p'ěskowata zejma* || *p'ěskowaty bodŋ, ja som zex cix l'ět stary* || *ja som šešćzaset lět stary* (записано нами в д. Рогов/Ногно). Если мы сочтем слово *mord* в нижнелужицком тексте синхронно немецким, то этим самым мы должны будем признать, что в данном говоре нет названия для определенного понятия. Однако нет никаких оснований констатировать подобную дефективность диалектной системы: в любой языковой системе для каждого известного понятия имеется обозначение.

По замечанию Л. В. Щербы, у билингвов слово состоит из грех элементов: представления значения и двух звуковых представлений⁵. Пример со словом *mord* демонстрирует такую ситуацию, когда звуковое представление родного языка совпадает со звуковым представлением другого языка. В нижнелужицком языке такие совпадения достаточно распространены. Ср. нижнелужицкие слова, приводимые Г. Бильфельдом⁶, *flak* < **flack* (стр. 95), *handel* < *Handel* (стр. 140), *december* < *Dezember* (стр. 124), *fals* < *falsch* (стр. 127), *fort* < *fort* (стр. 132), *ganc* < *ganz* (стр. 133) и т. п.; ср. также записанные нами *amt* < *Amt*, *brust* < *Brust* (д. Бяздов/Klein Partwitz) и др.

Признав, что иноязычное по происхождению слово, употребляющееся в качестве единственного обозначения определенного понятия, принадлежит заимствовавшей это слово системе, рассмотрим вопрос о том, по каким правилам организована звуковая оболочка заимствованных слов в диалектном языке: укладываются ли эти правила в нормы основной фонологической системы диалектного языка (частной диалектной системы) или они стоят за ее пределами.

С тем или иным решением этого вопроса непосредственно может быть связано само синхронное определение фонологической системы диалекта. Именно такого рода проблема возникает при определении фонологической системы некоторых нижнелужицких говоров.

В нижнелужицком языке гласный **o* после губных и заднебных не перед губными и заднебными некогда подвергся усиленной лабиализации в *ô*. В дальнейшем в одних говорах гласный *ô* сохранился, в других — делабialized в *ŷ* (гласный артикуляционно промежуточный между *y* и *e*)⁷. Первоначально гласный *ô* (как и его замена *ŷ*) и гласный *o* на-

⁴ Записано нами во время диалектологической экспедиции 1960 г., организованной Институтом серболужицкого народоведения в Бауцене.

⁵ Л. В. Щерба. Там же, стр. 193.

⁶ H. B i e l f e l d t. Die deutschen Lehnwörter im Obersorbischen. Leipzig, 1933.

⁷ Z. S t i e b e r. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich. Kraków, 1934, s. 58.

хэдились в отношении дополнительного распределения, реализуя фонему [o]⁸, т. е. слова *skokaš* и *škôcýš* (*škýcýš*) в первом слого содержали фонему [o]. В дальнейшем в части нижнелужицких диалектов оппозиция *o* — *ô* (*o* — *ý*) фонологизовалась в связи с происшедшим в этих говорах изменением *t* > *ç*. Вследствие перехода *t* > *ç* гласный *o* стал возможен в позиции, в которой раньше выступал только гласный *ô* (*ý*), т. е. после губных и заднебных не перед губными и заднебными. Ср. *çoi*, *çotk'i*, *çuošć*, *mošiš* < *mçoiš*, *kosk* < *kçosk* (записано нами в д. Лишков/ /Groß Lieske); *çotkç*, *mçdu* < *mçdu*, *gçdny* < *gçdny*, *kçš* < *kçš*⁹. Отсюда фонемная оппозиция, реализованная гласным *o* — *ô* (*o* — *ý*): *çoi* — *wýjn'ik*, *mošiš* — *mýšće* (Лишков); *bôšen* — *bôšć*, *çôn* — *çotkç*, *kôtary* — *kçš*¹⁰.

Подобных нарушений первоначальной дистрибуции гласных *o* и *ô* (*ý*) не возникало в говорах, сохранивших согласный *t*. Тем не менее и в этих говорах имеются слова, содержащие гласный *o* в позиции после губных и заднебных не перед губными и заднебными, т. е. там, где следовало бы ожидать гласный *ô* (*ý*). Словам этим присуща одна общая черта — все они по своему происхождению являются заимствованиями из немецкого языка. Так, в говоре д. Мост, сохраняющем *t* и имеющем *ý* < **o*, нами записаны слова: *švon*, *korn'ik'el*, *bonal*, *šposarsk'i*, *borša*, *kol'ander*, *mort*, *kojk*; в говоре д. Рогов (*t* > *l*, *ô* < **o*): *špada*, *bola*, *foter*, *borša*, *mordowaš*, *švon*, *korty klašć*. В записях из слепянского диалекта¹¹ встречаем: *bna*, *borgowaš* (97), *gçr*, *gçstow'e* (местн. п., ед. ч.), *gçstwyrt* (108), *kçrta* (114). Ср. также замечание Муки о том, что заимствованные слова в нижнелужицком, как правило, имеют гласный *o* (не *ô*) после губных и заднебных не перед губными и заднебными¹².

Если считать, что звуковая оболочка этих слов организована в соответствии с правилами фонологической системы говора, то следует признать, что гласные *ô* — *o* (*o* — *ý*) в соответствующих говорах образуют фонемную оппозицию (*švon* — *wýjn*, *bona* — *býsy* Мост; *špada* — *spôdny*, *bol'a* — *bôl'* Рогов); при этом вокализм говоров, имеющих гласный *ô*, организуется на основе различия четырех ступеней подъема в пределах переднего ряда. И, напротив, если принять, что звуковая оболочка этих слов организована по правилам, выходящим за рамки фонологической системы говора, то неизбежным становится вывод о том, что гласные *o* и *ô* (*ý*) в соответствующих говорах продолжают находиться в отношении дополнительного распределения. Именно последней точки зрения придерживаются лужицкие лингвисты. Так, Г. Фаске считает, что слова *kolander*, *mordowaš*, *bona*, *bola* в силу своего немецкого происхождения не могут быть приняты во внимание при синхронном анализе вокализма говора¹³. Г. Шустер-Шевц, анализируя развитие нижнелужицкого вокализма вообще и преобразование дистрибуции гласных *o* и *ô* (*ý*) в частности, также выводит слова, заимствованные из немецкого, за пределы системы синхронных доказательств¹⁴. В соответствии с таким от-

⁸ Ср. Н. Schuster-Sewc. Vergleichende historische Lautlehre der Sprache des Albin Moller. Berlin, 1958, S. 27.

⁹ Н. F a ß k e. Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964, S. 18.

¹⁰ Ibid.

¹¹ A. Schroeder. Die Laute des wendischen (sorbischen) Dialekts von Schleife in der Oberlauitz. Tübingen, 1958.

¹² К. E. M u c k e. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache. Leipzig, 1891, S. 101.

¹³ Рец.: Н. F a s k a. Серболужицкий лингвистический сборник. — Lětopis Instituta za serbski ludospyt, Rjad A, č. 11/1, 1964, Budyšin, s. 110.

¹⁴ Н. Schuster-Sewc. Rozwój fonologiczny dolnołużyckiego systemu woalicznego. — «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», 5, Warszawa, 1965.

ношением к немецким заимствованиям лужицкие лингвисты считают, что в нижнелужицких говорах, сохранивших *l*, гласные *o* и *ô* (*ý*) не образуют фонемной оппозиции.

В работах названных лингвистов идея сосуществующих фонологических систем не выдвигается: немецкие заимствования выносятся за пределы фонологической системы нижнелужицких диалектов без какой-либо рекомендации по поводу того, согласно правилам какой фонологической системы следует анализировать звуковой состав этих заимствований. Однако с немецкими лексемами, введенными в нижнелужицкую речь, перечисленные слова не могут быть отождествлены, потому что они являются единственными употребляемыми в диалекте названиями определенных понятий (не говоря о том, что формообразовательная структура этих слов полностью нижнелужицкая). Если же эти нижнелужицкие слова, являющиеся по своему происхождению немецкими заимствованиями, выносятся за пределы основной фонологической системы диалекта, то из этого логически вытекает, что звуковой состав заимствованных слов организуется по правилам особой фонологической системы, сосуществующей в рамках диалектного языка (частной диалектной системы) с основной фонологической системой.

Но есть ли основания и какие для того, чтобы констатировать в диалектном языке наличие сосуществующих систем, одна из которых реализуется в заимствованном слое лексики?

В литературном языке специальные правила произношения заимствованных слов устанавливаются внешним нормированием, которое, в свою очередь, определяется фактами внешней истории слова (время заимствования, сфера использования и под.). Никаких собственно языковых аргументов в пользу особого произношения заимствованных слов приведено быть не может.

Например, согласно русской орфоэпии в некоторых заимствованных словах следует произносить твердый согласный перед *e* (согласные *n*, *ʃ*, *m* произносятся полумягко¹⁵). В то же время для многих заимствованных слов по нормам русского литературного языка произношение твердого согласного перед *e* недопустимо. В связи с тем, что выбор качества согласного перед *e* в заимствованных словах не вытекает из внутриязыковых закономерностей, русский орфоэпический словарь¹⁶ снабжает подавляющее большинство заимствованных слов специальной пометой, указывающей на качество согласного перед *e*; ср. яркий пример: баронесса — не [нэ] и виконтесса — [мэ]. Другой особенностью произношения заимствованных слов в русском литературном языке является произношение безударного *o* и долгих согласных не на стыке морфем. Ср. в упомянутом выше орфоэпическом словаре: поэт — [но] и допустимо [на]; колит — не [ко]; кольцо — [ко]; шоссе — [шосэ]; бордо — [бо]; бокал — не [бо] и т. п.; касса — [сс]; кассация — [сс] и допустимо [с]; плиссе — [сэ] и под.

То, что эти и некоторые другие устанавливаемые русской орфоэпией правила произношения осуществляются лишь в кругу заимствованных слов, заставляет признать, что в русском литературном языке имеется дополнительная фонологическая система, организованная на основе иных принципов, чем система основная, и реализующаяся только в заимствованных словах¹⁷. Существование этой системы делает обязательным

¹⁵ «Русское литературное ударение и произношение». Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1955, стр. 551.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ср. Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 113, 176; М. Я. Гловинская. Там же.

сохранение некоторых иноязычных элементов в произношении заимствованных слов.

Различие между дополнительной и основной фонологическими системами современного русского литературного языка касается, как правило, дистрибуции фонем, общих для обеих систем, а также состава дифференциальных признаков, используемых в системе (в дополнительной системе возможно различение согласных фонем по наличию или отсутствию долготы, не представленное в основной системе). Особенности фонологической системы, реализующейся в русском литературном языке в заимствованных словах, демонстрируют способность этой системы осуществлять большее количество оппозиций, чем это имеет место в основной системе.

Элементы, используемые в дополнительной фонологической системе и определяющие ее отличие от основной фонологической системы, специальной смыслоразличительной функции не выполняют: противоречащее русской орфоэпии произношение *pajet*, *шас'е*, *к'ур'е* и под. ни в коей мере не затеняет для лица, владеющего русским языком, смысл этих слов. В то же время дополнительная фонологическая система несет определенную внеязыковую информацию о лице, говорящем по-русски (степень образования, социальная принадлежность и под.). Фонологическая система, реализующаяся в заимствованных словах, усваивается говорящими по-русски по мере овладения нормами литературного языка.

Система диалектного языка в целом и частные диалектные системы в отдельности организуются на основе иных принципов, чем система литературного языка. Это различие касается не только внутрисистемных отношений, но и характера факторов внешнего нормирования¹⁸. Если в литературном языке факторы внешнего нормирования могут предписывать усвоение некоторых элементов, противоречащих правилам основной системы и заимствованных из другого языка, то в диалектных системах, наоборот, факторы внешнего нормирования обычно обуславливают отрицательное отношение к иносистемным элементам. Именно отсюда вытекает столь распространенное среди носителей отдельных диалектов пренебрежительное отношение к инодиалектной речи.

Овладение системой литературного языка для говорящего на диалекте означает одновременно отказ от диалектной системы. Обычно этот процесс, происходя в первую очередь с помощью школы и под влиянием городской культуры, носит целенаправленный характер. На промежуточном этапе овладения литературным языком у говорящего может выработаться система языка, сочетающая элементы литературные и диалектные¹⁹, причем соотношение тех и других может колебаться в зависимости от ситуации порождения речи. В то же время использование правильной диалектной и литературной систем одним и тем же говорящим в разных ситуациях, по-видимому, невозможно²⁰, так как владение литературной системой ослабляет диалектные навыки.

¹⁸ Внешненормирующие факторы в речевой деятельности говорящих на диалекте вообще имеют гораздо меньшую значимость, чем в литературном языке. См. об этом И. А. О с с о в е ц к и й. Словарь говора деревни Деулино Рязанского района Рязанской области. — В кн.: «Вопросы диалектологии восточнославянских языков». М., 1964, стр. 180; Т. С. К о г о т к о в а. О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования. — В кн.: «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, стр. 293.

¹⁹ Н. К а р и н с к и й. Из наблюдений над языком современной деревни. — «Литературный критик», 1935, № 5, стр. 164.

²⁰ Умение «диалектно-литературного двуязычия» иногда вырабатывают у себя диалектологи для специальных целей, возникающих при обследовании диалектов.

Однако контакты между системами литературного и диалектного языков осуществляются и вне процесса вытеснения диалектного языка литературным. В русле этих контактов в диалектный язык заимствуются из литературного языка названия, отсутствующие в диалектах. Среди этих названий большую группу составляют слова, звуковая оболочка которых в литературном языке организуется по правилам особой фонологической системы, реализующейся в заимствованной лексике. Эти слова в диалектной системе в отношении их звукового состава ощущаются как иносистемные и поэтому преобразуются согласно закономерностям фонологической системы диалекта.

Приведем некоторые примеры такого преобразования из русских диалектов. При этом мы имеем в виду традиционный (архаический) слой говоров, так как речь молодых носителей диалекта частично подчиняется нормам литературного языка.

Произношение гласных в заимствованных словах никогда не вступает в противоречие с правилами дистрибуции, характерными для вокализма данного говора.

В окающих говорах заимствованные слова, начинающиеся в литературном языке на безударный *a*, произносятся с начальным *o*: *обожур/убожур*, *оборт*, *обрикос/убрикос*, *овансом*, *олименты*²¹. В акающих говорах безударный начальный *a* в заимствованных словах также может подвергнуться изменениям, характерным для гласного *a* в словах исконных: *иу'ит'ир'ват'* как *ид'авайут*, *ид'инак'в'тму*²²; *п'ртунист*, *тистаты*, *пирация*, *блигация*, *кушерка* как *гурцы*, *гарод*²³.

Как окающие, так и акающие говоры устривают гласный *e* в начале слова. Ср. *оконом*, *олектричество*, *ополеты*, *отикетка*²⁴, *ап'акурь* 'сорт картофеля эпикур'²⁵, на *экскурсию/икскурсию*, *энергия/инергия*²⁶, *листричество*, *спидиция*, *вакуравали* < литерат. *эвакуировали*²⁷, на *аливатър*²⁸, *изгамин*²⁹, *гзамин*³⁰, *малированные*³¹, *йелестричество*, *лестричество*³², *мы канлмически*³³.

В акающих говорах заимствованные слова никогда не произносятся с безударным *o*, как этого могут требовать нормы литературного произно-

²¹ Т. С. Ворошилова. Характерные особенности шуйских говоров. — Уч. зап. Шуйского пед. ин-та, вып. IX, 1960, стр. 71.

²² «Словарь современного южнорусского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)». Под ред. И. А. Оссоветского (в печати).

²³ Л. И. Бараникова. Изменения в лексике современных народных говоров. — Уч. зап. Саратовского пед. ин-та, т. 43, 1965, стр. 283.

²⁴ Там же.

²⁵ А. И. Иванова, М. А. Кустарева, Б. А. Моисеев. Материалы для «Смоленского областного словаря». — Уч. зап. Смоленского пед. ин-та, вып. IX, 1958, стр. 143.

²⁶ Н. М. Каринский. Очерки языка русских крестьян. М., 1936, стр. 148, 149.

²⁷ Г. И. Хоролец. Наблюдения над говором русских старожилков Прииссыккулья. — Уч. зап. Филологического фак-та Киргизского ун-та, вып. IV, 1957, Фрунзе стр. 161, 163.

²⁸ Л. Г. Ботина. Из наблюдений над лексикой села Нижний Гумбет Октябрьского района Оренбургской области. — Труды Самаркандского ун-та. Новая серия, вып. 118, 1962, стр. 167.

²⁹ К. М. Браславец. Речь русских старожилков Сахалина. Южно-Сахалинск, 1963, стр. 65.

³⁰ А. П. Говоркова. Говор станции Вознесенской. — Уч. зап. Северо-Осетинского пед. ин-та, т. XXI, вып. 2, Орджоникидзе, 1956, стр. 225.

³¹ К. М. Браславец. Там же, стр. 60.

³² В. Н. Светлова. Фонетические процессы в некоторых говорах восточных районов Свердловской области. — Уч. зап. Уральского ун-та, вып. 36, Свердловск, 1960, стр. 136.

³³ Н. М. Каринский. Очерки..., стр. 148.

шения. Ср. литератур. *шоссé* и *сашá* ³⁴, *шаса* ³⁵, *шашейк'а* ³⁶; литератур. *бордó* и *бардá* в говоре д. Деулино ³⁷.

Нередко в якающих говорах по модели яканья изменяются и гласные в составе заимствованных слов. Ср. *нóм'ар* ³⁸, *в рязон*, *на лясипеди*, *в янвалицкий дом*, *мугмятаны* ³⁹, *сяклятарша* ⁴⁰. В то же время понятия и случаи сохранения безударного и на месте этимологического е в заимствованных словах: носителями диалекта безударный гласный и в таких словах отождествляется с и этимологическим.

Показательно, что в говорах, знающих изменение этимологического безударного и > а, это распространяется и на заимствованные слова. Ср. *брыгада*, *брыгадный* ⁴¹.

Русскому диалектному языку несвойственны сочетания гласных в пределах одной морфемы ⁴². В соответствии с этим в русских говорах последовательно устраняются сочетания гласных в заимствованных словах, пришедших из литературного языка. Ср. *какава*, *радива*, *фезеву*, *совус*, *авул*, *тийатер*, *шпийон* ⁴³; *на радивам*, *какава*, *в фызыве* ⁴⁴; *алой* < *алоз*, *ляндра* < *олеандр* ⁴⁵; *андивидал'шыну справлят'* (от индивидуальный) ⁴⁶.

Согласные иноязычных слов, проникающие в русские диалекты из литературного языка, также произносятся по нормам диалектной фонологической системы.

В русских говорах твердые согласные не могут сочетаться с гласным е. Под это правило попадают и заимствованные слова. Свойственные литературному языку сочетания твердых согласных с е устраняются или смягчением согласных (*фезеву*, *пратманет* ⁴⁷, *енергия* ⁴⁸, *т'ез'ис*, *шас'е*) или изменением е > ы (*в матыесе*, *на матыфе*, *в фызыве* ⁴⁹; *мытыфы*, *мытысы* ⁵⁰, *в рыкака* < *РКК* ⁵¹).

Чуждые русскому диалектному языку сочетания носового губного с последующим губным согласным последовательно устраняются. Ср. *ланпа*, *бонба*, *канпания*, *канбайн*, *шыппала* ⁵², *транвай* ⁵³, *конплек*, *ланпа*, *транвай*, *конбайны*, *конпанейа* ⁵⁴, *в булатории*, *каплет* < *комплект* ⁵⁵, *канфорт* в городском просторечии ⁵⁶.

³⁴ А. П. Говоркова. Там же, стр. 224.

³⁵ Г. И. Хоролец. Там же, стр. 163.

³⁶ Г. А. Турбин. Говор тамбовских переселенцев в Челябинской области. — Уч. зап. Челябинского пед. ин-та, т. II, вып. 1, 1956, стр. 170.

³⁷ См. «Словарь современного южнорусского народного говора».

³⁸ И. А. Оссоветский. Там же, стр. 180.

³⁹ Л. Г. Ботина. Там же, стр. 167, 168.

⁴⁰ А. П. Говоркова. Там же, стр. 216.

⁴¹ Л. И. Баранникова. Там же, стр. 283.

⁴² Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 110.

⁴³ А. П. Говоркова. Там же, стр. 225.

⁴⁴ Л. Г. Ботина. Там же, стр. 166.

⁴⁵ А. Ф. Сафронова. Из наблюдений над говорами трех сел Ширинского района Хакасской автономной области. Уч. зап. Абаканского пед. ин-та, вып. V, 1960, стр. 36.

⁴⁶ Г. И. Хоролец. Там же, стр. 165.

⁴⁷ А. П. Говоркова. Там же, стр. 224, 225.

⁴⁸ Н. М. Каринский. Очерки..., стр. 149.

⁴⁹ Л. Г. Ботина. Там же, стр. 166.

⁵⁰ А. М. Селищев. О языке советской деревни. — «Труды Московского института истории, философии и литературы», 1939, т. 5, стр. 81.

⁵¹ Н. М. Каринский. Очерки..., стр. 142.

⁵² А. П. Говоркова. Там же, стр. 223.

⁵³ Н. М. Каринский. Очерки..., стр. 146.

⁵⁴ В. Н. Светлова. Там же, стр. 137.

⁵⁵ Г. И. Хоролец. Там же, стр. 160, 164.

⁵⁶ Изменение м > н перед губными Р. И. Аванесов квалифицирует как одно из проявлений характерной для русского языка нейтрализации фонемной оппозиции по при-

Правила дистрибуции, действующие в фонологической системе русского диалектного языка, не предусматривают двух *p* в составе корневой морфемы. Отсюда стремление избавиться от одного из двух *p* в заимствованных словах — явление, широко распространенное в русских говорах. Ср. *маршрут, просепалировала молоко, ветелинар, секлетарь, благадирша, в паликмахельской, каликатура, галдероб*⁵⁷; *калахтер, секлетарь, ветелинары, легулируют, колидор, некрут*⁵⁸ и т. п.

В говорах, изменяющих *кт* > *хт* (*хто, нохти*), данное явление распространяется на сочетание *кт* в составе заимствованных слов. Ср. *трахтър, прадутовый, дохтър, директър*⁵⁹, *трахтор, прахтиканты, медпунхты, лехторий, в секторе, кондуктор*⁶⁰, *прахтика, фрухта, трахпар, прадухта*⁶¹.

Русский литературный язык в сравнении с диалектным языком обладает гораздо более широким ассортиментом сочетаний согласных, возможных в исходе слова. Это является следствием того, что многие сочетания согласных восприняты литературным языком в составе иноязычных заимствований. Так, по данным «Обратного словаря современного русского языка»⁶² только в заимствованных словах возможны конечные сочетания *нк* (орфографически *нг, нк*), *нт* (орфографически *нт, нд*), *нс, мс, пс, зм, кл, кл', бр'* (орфографически *кль, брь*), *вр, нч* и др.

Попадая в говоры, слова, оканчивающиеся на непривычные для диалектного языка сочетания согласных, могут подвергнуться изменениям, направленным на устранение этих сочетаний. Ср. *каплет*⁶³, *турьнепес, банок* < *банк, митинок, танка, продухта, конплек, рематис, метра, литра, сеньтяль, нойапъ*⁶⁴, *сиеньтяберъ*⁶⁵; *банка* < *банк, р'ьмат' изийа*⁶⁶; *риматизма*⁶⁷; *ниф* (*нифх*, по данным «Обратного словаря», — единственное слово в русском литературном языке, оканчивающееся на *фх*, орфографически *вх*)⁶⁸; *мътацкъл, министър* и *минист'ър* (записано нами в д. Акатьево Егорьевского р-на Московской обл.); произношение *министър* допустимо и в литературном языке — ср. рифму «Мистер Твистер бывший министр...» (С. Маршак); *спектактиль*⁶⁹, *аванец, механизма, социализма, закса, кадра, литра, метра*⁷⁰.

В говорах последовательно устраняются долгие согласные в заимствованных словах, так как система русского диалектного языка допускает долгие согласные только на стыке морфем. Ср. весьма распространенное в русских говорах произношение *кастир, касьтир*⁷¹, *касца* < *касса*

знаку «дентальный ~ лабиальный». См. Р. И. А в а н е с о в. О соотносительном ряде носовых согласных фонем по признаку «дентальность ~ лабиальность». — В кн.: «Развитие фонетики современного русского языка». М., 1966, стр. 115.

⁵⁷ Л. И. Гор е в а. Изменение словарного состава кировских говоров за годы советской власти. — В кн.: «Очерки по русскому языку». Киров, 1962, стр. 16.

⁵⁸ В. Н. С в е т л о в а. Там же, стр. 139.

⁵⁹ Л. И. Б а р а н н и к о в а. Там же, стр. 283.

⁶⁰ Л. И. Гор е в а. Там же, стр. 16.

⁶¹ А. П. Г о в о р к о в а. Там же, стр. 223.

⁶² «Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart». Unter Leitung und Redaktion von H. Bielfeldt. Berlin, 1965. Словарь включает 80 000 слов.

⁶³ Г. И. Х о р о л е ц. Там же, стр. 164.

⁶⁴ В. Н. С в е т л о в а. Там же, стр. 142.

⁶⁵ А. П. Г о в о р к о в а. Там же, стр. 215.

⁶⁶ «Словарь современного южнорусского народного говора».

⁶⁷ А. Ф. С а ф р о н о в а. Там же, стр. 36.

⁶⁸ К. М. Б р а с л а в е ц. Там же, стр. 63.

⁶⁹ Н. М. К а р и н с к и й. Очерки..., стр. 144.

⁷⁰ А. М. С е л и щ е в. Там же, стр. 68, 73, 77.

⁷¹ Г. И. Х о р о л е ц. Там же, стр. 164; В. Н. С в е т л о в а. Там же, стр. 137.

(записано нами в д. Васильево Коломенского р-на Московской обл.).

Обычным является и изменение согласных в составе заимствованных слов согласно правилам дистрибуции, характерным не для диалектного языка в целом, а для частных диалектных систем. Ср. в говорах, не допускающих задненебных перед гласными переднего ряда: *тилограм*, *дектар*⁷², *д'ихтар*, *на р'ин'* *д'ент*⁷³, *по т'инам*⁷⁴.

Можно было бы привести и другие примеры звукового преобразования иноязычных по своему происхождению слов, пришедших в русские говоры из литературного языка. Однако составление полного реестра изменений такого рода не входит в нашу задачу. Рассмотренных же случаев достаточно, чтобы показать, что в диалектном языке в отличие от литературных не образуется особой фонологической системы, реализующейся в заимствованной лексике. Усвоение носителями диалектной речи особой фонологической системы, реализующейся в иноязычных заимствованиях, является одним из этапов овладения нормами литературного произношения и тем самым отказа от диалектного языка.

Остановившись столь подробно на фонетическом освоении русскими говорами воспринятых из литературного языка иноязычных заимствований, мы считаем, что, поскольку речь идет о реакции диалектной системы на иносистемный элемент, нет принципиальной разницы между заимствованием из литературного языка в диалектный и заимствованием из одного языка в другой.

В работах, рассматривающих вопросы фонетического освоения русских лексических заимствований в младописьменных языках народов СССР, проводится грань между устными заимствованиями и заимствованиями через письменность⁷⁵.

Звуковой состав заимствований первой группы преобразуется согласно правилам фонологической системы заимствовавшего языка. Это касается как состава фонем (чуждые заимствовавшему языку фонемы заменяются фонемами этого языка), так и правил их дистрибуции. Такое заимствование русских слов осуществлялось в основном в дореволюционное время.

В период после революции, характеризующийся развитием литературных языков у младописьменных народов, русские заимствования вводятся через литературный язык. При этом орфоэпические нормы предписывают сохранение русского произношения заимствований даже в том случае, если оно противоречит фонологической системе заимствовав-

⁷² В. Н. Светлова. Там же, стр. 129.

⁷³ Г. А. Турбин. Там же, стр. 167.

⁷⁴ Т. С. Ворониллова. Материалы..., стр. 373, под словом *игрица*.

⁷⁵ Ср., например, Г. И. Хоролец. Фонетическое освоение русской лексики в киргизском языке. Фрунзе, 1953, стр. 30, 31; А. Е. Горшков. Фонетическое оформление русских заимствований в чувашском языке. — Уч. зап. НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, вып. XVIII, Чебоксары, 1958, стр. 39; П. А. Кучигашева, Е. Н. Чунжекова. Развитие алтайского языка в советскую эпоху. — В кн.: «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху». Улан-Удэ, 1965, стр. 79; И. Т. Сергеев. К вопросу о лексических заимствованиях в современном чувашском языке. — Уч. зап. Чувашского пед. ин-та, вып. VI, Чебоксары, 1958, стр. 220; Г. С. Патрушев. Русские лексические заимствования в марийском языке. — В кн.: «Вопросы теории и методики изучения русского языка», вып. 3. Йошкар-Ола, 1964, стр. 82; М. И. Исаев. Дигорский диалект осетинского языка. М., 1966, стр. 30—31; Р. Н. Тергулова. Русские заимствования в башкирском языке. Уфа, 1957, стр. 46, 54; Н. Н. Томил и п. Русские лексические заимствования в хакасском языке. — Уч. зап. Абаканского пед. ин-та, вып. III, 1958, стр. 52, 58. Фонетическому освоению в мансийском языке русских лексических заимствований, воспринятых устным путем, посвящено исследование: В. Кálmán. Die russischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1961.

шего языка ⁷⁶. Таким образом, введение в речь на родном языке элементов русской фонологической системы является показателем образованности говорящего. Поскольку эти элементы реализуются в словах русского происхождения, можно констатировать в заимствующих литературных языках наличие дополнительной (сосуществующей) фонологической системы, ограниченной кругом заимствованной лексики. Овладение этой особенностью литературного произношения для интеллигенции облегчено знанием русского языка.

В языке лиц, не владеющих литературным языком ⁷⁷, т. е. в диалектном языке, новые русские заимствования преобразуются согласно нормам родного языка ⁷⁸: диалектный язык не допускает особой фонологической системы, реализующейся в круге русских лексических заимствований.

Приведенные примеры контактов русского диалектного языка с литературным, с одной стороны, и некоторых младописьменных языков Советского Союза с русским языком, с другой, показывают, что система диалектного языка не принимает иносистемных элементов ⁷⁹. Утверждая это, мы далеки от мысли, что на диалектную систему не влияют другие языковые системы. Возможность проникновения явлений одного языка в другой, особенно в условиях двуязычия, общеизвестна. Однако в диалектный язык, по-видимому, не заимствуются такие явления, по крайней мере фонетические, которые совершенно несовместимы с принципами организации диалектной фонологической системы. Поэтому, например, широко заимствуются звуки, которые в заимствовавшей системе могут реализовать фонемы, предполагавшиеся в ней в качестве «потенциальных»⁸⁰ (именно таким образом в некоторых нижнелужицких говорах появились фонемы [x'], [f]). В диалектном языке иноязычные заимствования включаются в заимствующую систему (иногда даже вызывая в ней некоторые сдвиги), а не группируются в особую систему, организованную на основе иных, привнесенных из другого языка принципов, отличающихся от принципов основной системы. Поэтому отдельные элементы диалектной системы с диахронической точки зрения могут быть квалифицированы как иноязычные. Однако в синхронном плане они принадлежат системе совершенно так же, как и элементы исконные.

Возвратимся к соотношению гласных *o* и *ô* (*y*) в нижнелужицких говорах, сохранивших *ł*, и в связи с этим к определению фонемного состава этих говоров. В соответствии с изложенным выше нельзя отрицать в этих говорах фонемную оппозицию *o* — *ô* (*y*) на том основании, что *o* после губных и задненебных не перед губными и задненебными употребляется только в словах, заимствованных из немецкого.

⁷⁶ Для некоторых языков на протяжении советской эпохи менялись правила, касающиеся произношения русских заимствований. Так, в киргизском и чувашском языках до 30-х годов русские заимствования по литературным нормам преобразовались в духе заимствовавшей системы. С начала 30-х годов было введено новое правило, согласно которому русские новые заимствования сохраняют русскую орфографию и орфоэпию. См. об этом Г. И. Х о р о л е ц. Фонетическое освоение..., стр. 14; А. Е. Г о р ш к о в. Там же, стр. 48.

⁷⁷ К тому же эти лица обычно, если владеют русским языком, то не в такой степени, чтобы уметь правильно строить русскую речь.

⁷⁸ Ср. Г. И. Х о р о л е ц. Фонетическое освоение..., стр. 34; И. Т. С е р г е е в. Там же, стр. 221; Г. С. П а т р у ш е в. Там же, стр. 82; Н. Н. Т о м и л и н. Там же, стр. 58.

⁷⁹ Собственно, это относится и к системе просторечия, находящейся вне сферы действия тех факторов внешнего нормирования, которые актуальны для литературного языка.

⁸⁰ Т. M i l e w s k i. Derywacja fonologiczna. — «Biuletyn Polskiego Towarzystwa językoznawczego», z. IX, Kraków, 1949.

В плане истории оппозиция $o - \hat{o} (\acute{y})$ несомненно возникла вследствие контактов нижнелужицкого с немецким языком хотя бы потому, что оппозиция эта не осуществляется без привлечения слов, являющихся по происхождению немецкими заимствованиями. Однако сохранение o после губных и заднебных не перед губными и заднебными вряд ли является только результатом овладения немецкими произносительными навыками, хотя это и возможно⁸¹. Данные современных нижнелужицких говоров показывают, что правила нижнелужицкой фонемной дистрибуции весьма последовательно распространяются на оформление звуковой оболочки заимствованных слов (ср. *t'inta* или *tynta* из *Tinte*). В связи с этим кажется странным, почему изменение $o > \hat{o} (\acute{y})$ не распространилось и на немецкие заимствования, тем более, что в сфере других нижнелужицких звуковых изменений некоторые из них попали (ср. изменение $e > a$ в *kolander*). Подверглись немецкие заимствования и преобразованию по нижнелужицким словообразовательным моделям (*mordowaś, bona, konk*⁸², *korty, borgowaś*). По-видимому, кроме овладения правильным немецким произношением (кстати, и в настоящее время присущим далеко не всем говорящим на нижнелужицких диалектах), имелись какие-то причины сохранения o после губных и заднебных не перед губными и заднебными в немецких словах. Может быть, в период освоения соответствующих немецких заимствований изменение $o > \hat{o} (\acute{y})$ перестало быть актуальным или же этому изменению подвергался гласный, нетождественный гласному o в немецких заимствованиях. Но это лишь предположение.

Теоретически⁸³ можно было бы допустить, что гласный o (не \hat{o}, \acute{y}) в немецких по происхождению словах является результатом влияния литературного языка на говоры. Однако сама идея влияния литературного языка предполагает факт сосуществования в речи представителей данного говора диалектных и литературных форм. Интересующие же нас немецкие заимствования в нижнелужицких говорах всегда имеют только гласный o (не \hat{o}, \acute{y}).

Таким образом, в синхронном плане гласный o после губных и заднебных не перед губными и заднебными в составе заимствованных из немецкого языка слов в нижнелужицких говорах, сохранивших t , принадлежит фонологической системе этих говоров и реализует фонему [o], которая противопоставлена фонеме, реализованной гласными \hat{o}, \acute{y} .

⁸¹ Ср. замечание Л. В. Щербы: «...известная дрессировка во втором языке может заставлять осознавать в первом те или другие оттенки фонем, т. е. в конечном счете содействует распаду фонем и увеличению их числа в звуковой системе данного языка» («Восточнолужицкое наречие», стр. 193).

⁸² Г. Бильфельдт возводит это слово к *kanne kanna* (H. Bielfeldt. Ibid., S. 166).

⁸³ Именно, теоретически, так как практически нижнелужицкий литературный язык в среде крестьянского населения, основного носителя нижнелужицкого языка, почти никакой роли не играет.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

И. И. КОСТЮШКО.

КООПЕРАТИВНЫЙ ПЛАН В. И. ЛЕНИНА И ЕГО МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Одним из важнейших вопросов теории марксизма-ленинизма и практики строительства социализма в СССР и других странах является социалистическая перестройка деревни. Основоположники марксизма-ленинизма, разработав принципы научного социализма, обосновали необходимость социалистического преобразования сельского хозяйства и определили основные условия, методы и формы перехода от мелкого крестьянского хозяйства к крупному социалистическому земледелию.

Необходимость социалистической перестройки деревни обуславливается закономерностями социализма, потребностями экономического, политического и культурного развития общества. Завоевав политическую власть, рабочий класс осуществляет национализацию промышленности и таким образом превращает ее в социалистическую собственность. В результате этого в промышленности устанавливается соответствие производственных отношений характеру производительных сил, вступают в действие экономические законы социализма и создаются условия для планомерного и быстрого роста производства.

Сельское хозяйство, не достигшее такого уровня обобществления, как промышленность, не может быть сразу и полностью преобразовано в социалистическое. Диктатура пролетариата сохраняет за крестьянами их земли и экспроприирует крупных землевладельцев. Объем социалистического преобразования крупных экспроприированных хозяйств зависит от конкретных условий социалистической революции. На первых порах государство не располагает средствами для организации социалистического производства во всех таких хозяйствах. Попытки же «скороспелого» перехода к государственному ведению крупных хозяйств, — указывал В. И. Ленин, — могут лишь скомпрометировать пролетарскую власть...¹ Крупное землевладение, особенно в экономически отсталых странах, имеет некоторые феодальные черты (обработка части земли крестьянским инвентарем, парцелльная аренда и т. п.). Ликвидация пережитков феодализма предполагает передачу крестьянам земель, обрабатываемых ими². В странах, где в сельском хозяйстве преобладает крупное производство, при благоприятных условиях возможно непосредственное превращение большинства крупных хозяйств в социалистические хозяйства³. Осуществляя меры социалистического характера, рабочий класс не может не считаться и с интересами своего союзника — трудящегося крестьянства. Поэтому часть крупных хозяйств преобразуется в государственные хо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 178.

² Там же.

³ Там же, стр. 177.

зяйства, часть их передается в общественное пользование, а земли остальных хозяйств используются для наделения безземельных и малоземельных крестьян. Передача части экспроприированной земли крестьянам улучшает положение широких масс трудящихся деревни и обеспечивает с их стороны поддержку диктатуры пролетариата.

В результате раздробления крупных хозяйств расширяется сфера мелкого производства и укрепляются его позиции. Исходя из задач и условий социалистического строительства, государство воздействует на направление развития земледелия и использует возможности крестьянского хозяйства для упрочения социалистического сектора в экономике. С победой диктатуры пролетариата создаются условия для некоторого развития крестьянского хозяйства. Крестьяне освобождаются от гнета капиталистов и помещиков, ограничивается эксплуатация бедноты со стороны кулаков, государство оказывает всемерную поддержку трудовому крестьянству. Расширяющиеся связи социалистической промышленности с деревней способствуют увеличению сельскохозяйственной продукции.

Однако возможности развития крестьянского хозяйства весьма ограничены. Оно допускает лишь частичные улучшения культуры земледелия и жизни крестьянина. Для мелкого крестьянского хозяйства в общем характерны примитивная техника, низкая урожайность, малопродуктивное животноводство, непроизводительная растрата массы человеческого труда; оно не обеспечивает необходимого достатка и обуславливает культурную отсталость крестьянина; процесс дробления хозяйств понижает их уровень производства и товарность; мелкое хозяйство не может удовлетворить растущих потребностей промышленности и городского населения в сельскохозяйственных продуктах, оно ограничивает применение машин в земледелии, отход сельского населения в промышленность, и в результате всего этого углубляется противоречие между крупным промышленным производством и мелким крестьянским хозяйством; мелкое товарное производство порождает и капиталистические элементы в деревне. Социализм нельзя построить и его строительство не может долго продолжаться на двух различных основах — на основе крупной социалистической промышленности и на основе мелкотоварного крестьянского хозяйства. Исчерпывая возможности своего развития, крестьянское хозяйство становится тормозом общественного прогресса. Для успешного строительства социализма, ликвидации эксплуататорских элементов, подъема материального благосостояния и культурного уровня народа необходимо преобразование мелкого крестьянского хозяйства в крупное социалистическое производство.

Рассматривая отношение диктатуры пролетариата к крестьянству, К. Маркс и Ф. Энгельс в общих чертах определили путь и условия обобществления крестьянского хозяйства. Пролетариат, писал К. Маркс, «должен в качестве правительства принимать меры, в результате которых непосредственно улучшится положение крестьянина и которые, следовательно, привлекут его на сторону революции; меры, которые в зародыше облегчают переход от частной собственности на землю к собственности коллективной, так чтобы крестьянин сам пришел к этому хозяйственным путем...»⁴. Этот переход может быть осуществлен путем добровольного объединения крестьян в производственные товарищества при всемерном содействии государства. «Наша задача по отношению к мелким крестьянам, — указывал Ф. Энгельс, — состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство, их собственность перевести в това-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 612.

рическую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели»⁵. Таким же путем могут быть обобществлены и хозяйства средних и крупных крестьян, создание производственных товариществ позволит устранить эксплуатацию наемного труда⁶.

Важным условием объединения крестьян в производственные товарищества является их убеждение в преимуществах кооперативного производства. Облегчая переход крестьянина к новой форме хозяйства, государство может «дать ему острижку для размышления на своей парцелле, если он не может еще принять такого решения»⁷. Однако оно не может сохранять парцелльную собственность в течение длительного времени. Существенное значение имеют земельные товарищества, образованные в экспроприированных крупных имениях, в деле убеждения крестьян в выгоде кооперативного хозяйства⁸. Производственные товарищества, обеспечивающие улучшение жизненных условий крестьян, с помощью государства и под его воздействием преобразуются в высшую форму производства⁹.

В. И. Ленин, основываясь на опыте социалистической революции в России, развил идеи К. Маркса и Ф. Энгельса об обобществлении крестьянского хозяйства и разработал план социалистического кооперирования деревни. Ленинский план исходит из сущности кооперации при диктатуре пролетариата и предусматривает преобразование крестьянского хозяйства на социалистических началах посредством создания кооперативных форм производства.

Раскрыв существо кооперации при диктатуре пролетариата, В. И. Ленин указал на громадное, исключительное ее значение для вовлечения крестьян в социалистическое строительство и для построения социализма. При капитализме кооперация «является коллективным капиталистическим учреждением»¹⁰. После завоевания власти пролетариатом положение кооперации принципиально меняется. «Кооператив,— писал В. И. Ленин,— если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм»¹¹. Кооперативные предприятия, основанные на земле, при средствах производства, принадлежащих пролетарскому государству, не отличаются от социалистических предприятий; в этих условиях кооперация «сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом», и ее «простой рост... тождественен... с ростом социализма...»¹². Кооперирование крестьянского хозяйства в условиях диктатуры пролетариата означает создание социалистической формы производства в сельском хозяйстве.

Кооперация является таким объединением, которое позволяет соединить интересы общества с частными интересами отдельных его членов. Обобществляя средства производства и труд крестьян, кооперация в той или иной мере сохраняет элементы частного, личного хозяйства, что обеспечивает участие крестьян в кооперации и дальнейшее ее развитие. Вместе с тем общественные начала кооперации, имеющие социалистиче-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 518.

⁶ Там же, стр. 522—523. В письме к А. Бебелю в 1886 г. Ф. Энгельс подчеркивал: «А что при переходе к полному коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство,— в этом Маркс и я никогда не сомневались» (там же, т. 36, стр. 361).

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 520.

⁸ Там же, стр. 522—523.

⁹ Там же, стр. 519.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 374.

¹¹ Там же, т. 36, стр. 161.

¹² Там же, т. 45, стр. 375—376.

ский характер, создают условия для проверки и контроля частных интересов государством, подчинения их общественным интересам, развития и упрочения социалистических отношений. В кооперации, отмечал В. И. Ленин, «мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов»¹³.

Исключительное значение имеет кооперация для перехода крестьян к общественному хозяйству. Она, подчеркнул В. И. Ленин, обеспечивает этот переход «путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*»¹⁴. Кооперация учитывает условия крестьянского хозяйства и в наибольшей мере отвечает интересам крестьян. Ее выгоды понятны, очевидны для них. Участвуя в простейших формах кооперации, крестьяне приобретают навыки коллективного ведения дел. Это облегчает переход к высшей — производственной — форме кооперации.

Существенные черты кооперации при диктатуре пролетариата — ее социалистический характер, правильное сочетание в ней общественных и частных интересов и доступность ее для крестьян — определяют ее роль в социалистической перестройке деревни. Она является основным путем преобразования мелкого, разрозненного крестьянского хозяйства в крупное социалистическое производство.

Кооперирование крестьянского хозяйства означает коренную перестройку способа производства в земледелии. Эта перестройка может быть осуществлена при наличии определенных материальных и культурных условий. Рассматривая перспективы строительства социализма в СССР, В. И. Ленин указывал, что переход от единоличного крестьянского хозяйства к общественной обработке земли не может быть осуществлен сразу¹⁵. Равным образом нельзя преобразовать крестьянское хозяйство в общественное производство административным путем или искусственно ускорить переход крестьян к общественному хозяйству¹⁶.

Материальные и духовные предпосылки кооперирования крестьянского хозяйства создаются в переходный период. Опираясь на союз рабочего класса с трудовым крестьянством и укрепляя его, социалистическое государство осуществляет ряд мер, подготавливающих переход крестьян к общественному хозяйству. Важнейшими из них являются: помощь бедноте и средним крестьянам в ведении их хозяйства, ограничение и вытеснение кулачества, создание государственных хозяйств и производственных сельскохозяйственных товариществ, социалистическая индустриализация, всемерная поддержка государством кооперативных форм хозяйства, культурная революция, убеждение крестьян в преимуществах общественного хозяйства. Помощь со стороны государства и социалистического сектора в деревне, улучшающая положение трудящихся крестьян, расширение связей социалистической промышленности с крестьянским хозяйством, высвобождение беднейших крестьян из-под гнета и влияния кулачества, ознакомление с новыми приемами земледелия и выгодами крупного коллективного хозяйства развивают самостоятельность крестьян и приобщают их к кооперативным формам производства.

Кооперирование крестьянского хозяйства предполагает создание определенной материально-технической базы, снабжение сельского хозяйства необходимыми машинами. Касаясь позиции среднего крестьянства, В. И. Ленин говорил: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклас-

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 370.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, т. 37, стр. 175—176, 356—357, 360—362.

¹⁶ Там же, стр. 144.

сных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: „Я за коммунию, (т. е. за коммунизм)»¹⁷. Техническая база для обобществления мелкого производства создается в результате индустриализации и электрификации страны. Особое значение в деле перестройки крестьянского хозяйства придавал В. И. Ленин электрификации¹⁸.

Важнейшим условием кооперирования крестьян является материальная и организационная помощь кооперации со стороны государства. «Каждый общественный строй, — отмечал В. И. Ленин, — возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса... Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный»¹⁹. Эта поддержка оказывается путем предоставления кооперации материальных и финансовых средств на льготных условиях и сочетается с организационной помощью.

Переход крестьян к общественному хозяйству связан и с культурным уровнем крестьянства. «...Условие полного кооперирования, — писал В. И. Ленин, — включает в себя такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции»²⁰.

Меры социалистического государства и наглядный пример убеждают крестьян в преимуществах коллективного хозяйства, и на этой основе возникает кооперативное движение. Социализм, — указывал В. И. Ленин, — нельзя навязывать крестьянам насильно, здесь надо рассчитывать лишь на силу примера и на усвоение крестьянами житейской практики²¹. Всякого рода принудительные меры могут только затормозить и затруднить переход крестьян к коллективному хозяйству. Поэтому добровольное объединение крестьян составляет неперемнное условие обобществления их средств производства и труда. Оно определяет и значение новой формы хозяйства. «Лишь те объединения ценны, — писал В. И. Ленин, — которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих проверены ими на практике»²².

Важное значение для кооперирования крестьянского хозяйства имеет национализация земли. В. И. Ленин отмечал, что в СССР в результате отмены частной собственности на землю был «создан земельный строй, наиболее гибкий в смысле перехода к социализму»²³. Национализация земли, однако, как показал опыт других социалистических стран, не есть обязательное условие обобществления крестьянского хозяйства.

Основой, обеспечивающей социалистическое кооперирование крестьянского хозяйства, является союз рабочего класса и трудового крестьянства. В сплочении крестьян, деревенской бедноты «со своими вождами, с городскими рабочими...» В. И. Ленин видел «окончательный и прочный фундамент для действительного социалистического строительства»²⁴. Союз рабочего класса и трудового крестьянства обеспечивает сближение крестьян с рабочими, их доверие к рабочему классу, вовлечение крестьян в государственное, хозяйственное и культурное строительство, развитие общественных начал в земледелии и позволяет рабочему классу оказывать воздействие на развитие крестьянского хозяйства. Задача диктатуры

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 204.

¹⁸ Там же, т. 40, стр. 109, 164.

¹⁹ Там же, т. 45, стр. 371.

²⁰ Там же, стр. 376.

²¹ Там же, т. 35, стр. 264.

²² Там же, т. 38, стр. 208.

²³ Там же, т. 37, стр. 326.

²⁴ Там же, стр. 144.

пролетариата и коммунистической партии состоит в том, подчеркивал В. И. Ленин, чтобы «использовать союз городских рабочих и беднейших крестьян... для постепенного, но неуклонного перехода к общей обработке земли и к крупному социалистическому земледелию»²⁵.

Социалистическое кооперирование крестьянского хозяйства представляет собой закономерное явление. Однако оно не может произойти стихийно, самоотеком. Товарно-капиталистические тенденции крестьянского хозяйства, усиливающиеся при стихии и ослабляющиеся под воздействием социалистического сектора, могут быть преодолены лишь путем планомерного социалистического преобразования. Перестройка крестьянского хозяйства на социалистических основах осуществляется под руководством рабочего класса и его партии. Только рабочий класс как последовательно революционная сила может повести крестьян за собой по пути социалистического строительства; он поддерживает борьбу беднейшего крестьянства против кулаков, помогает крестьянам в организации и укреплении кооперативного хозяйства, руководит всем делом социалистической перестройки деревни.

По мере создания предпосылок для обобществления земледелия происходит кооперирование крестьянского хозяйства. Простейшими формами кооперации являются сбытовая, потребительская и кредитная. Сбытовая кооперация (маслодельная, льноводческая и т. д.) заключает в себе элементы общественного хозяйства (общие посевы, подсобные предприятия, машины и т. п.). Она расширяет и упрочивает связи крестьянского хозяйства с социалистической промышленностью, в значительной мере обеспечивает его средствами производства. Потребительская кооперация укрепляет торговую смычку между городом и деревней и вытесняет из сферы обмена частную торговлю.

Опыт убеждает крестьян в выгоде и производственного кооперирования. Возникает низшая форма производственной кооперации — товарищество по совместной обработке земли. Последнее преобразуется в высшую форму — сельскохозяйственную артель, в которой за некоторым исключением обобществляется все хозяйство и весь труд крестьян. Вместе с тем завершается и процесс ликвидации эксплуататорских классов.

В результате этого создается единая социалистическая база в городе и деревне, расширяется сфера действия экономических законов социализма и обеспечиваются условия для дальнейшего развития социалистического общества.

Кооперативный план В. И. Ленина является большим шагом в развитии теории социалистического строительства. Исходя из закономерностей переходного периода, он раскрывает пути и способы социалистической перестройки деревни. Руководствуясь им, КПСС успешно осуществила коллективизацию сельского хозяйства и ликвидировала последний эксплуататорский класс — кулачество. Важную роль в развитии и укреплении колхозного строя сыграли совхозы и МТС²⁶.

Ленинский кооперативный план и творческое его претворение в жизнь в Советском Союзе имеют международное значение. Практика социалистической перестройки крестьянского хозяйства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, МНР, КНР, КНДР, ДРВ и Республике Куба полностью подтвердила применимость ленинского плана как в экономически отсталых, так и в высокоразвитых странах и обогатила теорию социалистического строительства новыми положениями.

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 71; т. 38, стр. 89.

²⁶ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС». Политиздат, 1967, стр. 14—15.

Ко времени установления народно-демократической власти Чехословакия и Восточная Германия имели высокоразвитое промышленное и сельскохозяйственное производство. Польша, Венгрия, Югославия, Румыния и Болгария были аграрно-индустриальными странами со средним уровнем развития капитализма. В Албании, некоторых районах Югославии и других стран сохранялись значительные остатки феодализма; в Китае, Корее, Вьетнаме господствовали полуфеодалские отношения. Характерными чертами аграрного строя этих стран, за некоторым исключением, было сосредоточение в руках сравнительно небольшого числа крупных и средних владельцев громадного количества земли (хозяйствам свыше 50 га принадлежало в Румынии 32,2%, в Восточной Германии — 36,8%, в Чехословакии — 41,3%, в Венгрии — 46,4%, в Польше — 47,3% всех земель)²⁷ и острое малоземелье широких масс крестьянства. Крупное и среднее землевладение имело феодальные черты (майоратные владения в Польше и Венгрии, кметские отношения и колонат в Югославии, полуфеодалские формы землепользования в Китае и т. д.).

В ходе народно-демократических и социалистических революций было упразднено частное крупное и среднее землевладение. В МНР была осуществлена национализация земли. В других странах, где существовали длительные и прочные традиции частной собственности, в интересах победы революции сохранялась мелкая и частично средняя земельная собственность. Большая часть конфискованных и отчужденных земель²⁸ (в Югославии — 50,9%, Болгарии — 55%, Венгрии — 58,2%, ГДР — 67,2%, Румынии — 75%) передавалась в собственность безземельным и малоземельным крестьянам безвозмездно в Албании (здесь крестьяне возмещали только стоимость инвентаря), Югославии (за некоторым исключением), Румынии, КНР, КНДР и ДРВ; за определенную, в общем небольшую, плату и частично бесплатно в Болгарии, Венгрии, ГДР и Чехословакии. Земли, перешедшие к крестьянам, освобождались от прежних долгов и обязательств и их нельзя было делить, продавать, закладывать или сдавать в аренду вообще (Румыния, Албания, ГДР, Болгария), или в течение 10 лет (Венгрия), 15 лет (Югославия), или без согласия Национального земельного фонда (Чехословакия). В Китае разрешалась продажа и сдача в аренду таких земель. На Кубе крупные плантации национализировались и земли сверх установленного размера отчуждались²⁹. Часть земельного фонда реформы (в Югославии — 2,6%, Венгрии — 7,6%, ГДР — 30%) была передана в общественное пользование. Остальные земли этого фонда были национализированы, и на них создавались государственные сельские хозяйства³⁰.

В результате революционных аграрных преобразований был ликвидирован класс помещиков, крупной и частично средней сельской буржуазии, упразднены остатки феодализма, нуждающиеся крестьяне получили участки земли, произошло осереднячивание деревни, ограничились возможности кулацкой эксплуатации, укрепился союз рабочего класса и трудового крестьянства, образовался социалистический сектор в сельском хозяйстве, были созданы условия для некоторого роста сельскохозяй-

²⁷ «Социалистические преобразования в сельском хозяйстве европейских стран народной демократии». М., 1963, стр. 35.

²⁸ За отчуждаемые земли в Болгарии, Венгрии (до 570 хольдов), ГДР и Югославии предусматривалось вознаграждение. Частичный выкуп производился и в ДРВ.

²⁹ «Мировая социалистическая система хозяйства», т. 1. М., 1966, стр. 185.

³⁰ Удельный вес государственного сектора в посевных площадях составлял в 1959 г. в Болгарии 6,6%, ГДР — 7,3%, Польше — 12%, Венгрии — 13,4%, Румынии — 15,5%, ЧССР — 19,5%. На долю госхозов в Китае в 1957 г. приходился 1% сельскохозяйственной продукции («Победа ленинского кооперативного плана в странах социализма». М., 1963, стр. 109).

ственного производства и развития кооперативного движения в деревне.

Одной из важнейших предпосылок социалистической перестройки сельского хозяйства являлась национализация промышленности, транспорта, средств связи, финансов и торговли. Сосредоточение в руках государства основных средств производства позволило ему использовать их для развития и упрочнения социалистической экономики и общественных начал в крестьянском хозяйстве.

Исходя из ленинского кооперативного плана, опыта СССР и конкретных условий своих стран, коммунистические и рабочие партии осуществляли меры, обеспечивающие постепенный переход крестьян от мелкого хозяйства к крупному общественному производству. В странах экономически отсталых проводилась социалистическая индустриализация, в промышленно развитых — реконструкция промышленного производства, большое внимание уделялось электрификации деревни, государство предоставляло крестьянам сельскохозяйственный инвентарь и минеральные удобрения, предоставляло кредиты, повышало закупочные цены на сельскохозяйственные продукты и снижало оплату за услуги машинно-тракторных станций, содействовало развитию снабженческо-сбытовой и кредитной кооперации; широкое распространение получила контрактация продуктов сельского хозяйства, ограничивался гнет кулачества, увеличивались кадры рабочих и специалистов в деревне, усиливалось влияние рабочего класса на крестьян. Укрепляющиеся связи социалистической промышленности с земледелием, всемерная помощь государства, улучшение положения широких масс крестьянства и повышение их культурного уровня, пример общественного хозяйства, политическая и организационная работа коммунистических партий способствовали развитию кооперативного движения среди крестьян.

В первые годы народной власти широкое развитие получили производственные формы сельскохозяйственной кооперации — сбытовая, снабженческая, кредитная и другие. Создание таких объединений в ряде стран (Болгарии, ГДР, Чехословакии, Польше и др.) облегчалось давними традициями кооперативного движения. Эти традиции были использованы для организации кооперативов на началах, соответствующих интересам трудового крестьянства и социалистического государства. Крестьяне, участвуя в таких кооперативах, получали определенные выгоды и приобретали навыки коллективного ведения хозяйства; через кооперацию укреплялась смычка между городом и деревней.

В те же годы в ряде стран началось и производственное кооперирование крестьянских хозяйств. Однако существование частной собственности на землю, обуславливавшей сильную привязанность крестьянина к своему хозяйству, и отсутствие достаточных предпосылок для производственного кооперирования затрудняли обобществление мелкого хозяйства. С развитием социалистической экономики создавались материальные и культурные предпосылки для хозяйственного объединения крестьян. Вместе с тем на основе ленинского кооперативного плана и с учетом условий отдельных стран были определены формы производственной сельскохозяйственной кооперации, соответствовавшие степени подготовки крестьян к общественному хозяйству и облегчавшие их переход к коллективному земледелию. В 50-х — начале 60-х годов производственное кооперирование приобрело массовый характер.

Широкое развитие получили низшие формы производственной кооперации: единые сельскохозяйственные кооперативы (ЕСХК) I и II типов в Чехословакии, сельскохозяйственные товарищества трудящихся крестьян по совместной обработке земли в Румынии, производственно-кооперативные группы в Венгрии, производственные сельскохозяйственные

кооперативы (ПСХК) I типа и сельскохозяйственные кружки в Польше, группы взаимопомощи в социалистических странах Азии и т. д. В кооперативах этого типа в той или иной мере обобществлялись труд и пользование средствами производства. Общественная собственность образуется здесь из отчислений членов кооператива на приобретение сельскохозяйственных машин и другого имущества для коллективного пользования.

В кооперативах второго типа — в трудовых кооперативных земельных хозяйствах (ТКЗХ) в НРБ начала 50-х годов, ПСХК II типа в ПНР, ЕСХК II и III типов в ЧССР, сельскохозяйственных производственных кооперативах (СХПК) I, II и III типов в ГДР, в подобных кооперативах в КНР, ДРВ, КНДР и в других странах — объединялись земли, обобществлялся скот и инвентарь (посредством выкупа) и доходы распределялись по труду (от 60 до 80%) и земельному паю членов кооператива (от 20 до 40%)³¹. В некоторых странах при распределении доходов учитывался размер паевого взноса (участок земли, инвентарь, рабочий скот). По мере развития кооперативного хозяйства доля доходов, распределяемых по паевым взносам, сокращалась, и оно превращалось в производственное объединение высшего типа. В ряде стран наряду с кооперативами низшего типа создавались и кооперативы высшего типа. Удельный вес последних все более возрастал. В кооперативах Албании, ДРВ и КНДР доходы за небольшим исключением распределялись по труду.

Высшей формой производственной кооперации являются ТКЗХ в Болгарии, СХПК IV и частично III типа в ГДР, коллективные сельские хозяйства (КСХ) в Румынии, СХПК в Венгрии, ЕСХК III и IV типов в ЧССР, ПСХК III типа в Польше, производственные кооперативы в Албании, ДРВ и КНДР. Эта форма, основанная на обобществлении всех средств производства и распределении доходов по труду, обеспечивает сочетание личных и общественных интересов и отвечает требованиям развития социалистического общества. По своей сущности они близки к сельскохозяйственной артели в СССР.

В результате мер, принятых государством, и развернувшегося среди крестьян движения за обобществление своего хозяйства производственное кооперирование крестьянства было полностью или в основном завершено в конце 50-х — начале 60-х годов в большинстве социалистических стран. Это была большая победа коммунистических и рабочих партий, рабочего класса и трудового крестьянства в социалистическом строительстве. Она знаменовала торжество ленинского кооперативного плана и обеспечивала успешное завершение строительства социализма. Социалистическое кооперирование сельского хозяйства покончило с нищетой и бескультурьем в деревне, значительно улучшило условия жизни крестьян и подняло их культурный уровень, создало условия для быстрого роста сельскохозяйственного производства.

В ПНР производственным сельскохозяйственным кооперативам принадлежит 1,2% обрабатываемой площади. Широкое распространение получили сельскохозяйственные кружки, охватывающие свыше 80% всех деревень. Важное значение имеют государственные сельские хозяйства, использующие 12,7% всех сельскохозяйственных угодий. Социалистический сектор в сельском хозяйстве Югославии занимает 15% сельскохозяйственной площади³².

При решении такой сложной и трудной задачи, как социалистическая перестройка сельского хозяйства, не удалось избежать некоторых оши-

³¹ «Основные законодательные акты по аграрным преобразованиям в зарубежных социалистических странах». Вып. I—V. М., 1957—1960.

³² «Мировая социалистическая система хозяйства», т. I, стр. 198—199.

бок. Были случаи нарушения принципа добровольности вступления крестьян в кооперативы, поспешности в организации производственных объединений, роспуск части или большинства земледельческих кооперативов.

В ходе производственного кооперирования сельского хозяйства производилась ликвидация кулачества как класса. В отличие от СССР, где сопротивление кулачества было особенно сильным и пришлось его экспроприировать, в других социалистических странах экспроприация применялась по отношению только к кулакам, активно выступавшим против народной власти и кооперативного движения. В основном кулачество было ликвидировано посредством политики экономического ограничения и вытеснения. Кулаки вынуждены были передавать средства производства кооперативам и обеспечивать свое существование личным трудом. В индивидуальном порядке разрешался и прием кулаков в производственные объединения, однако они не могли занимать там руководящие должности.

Мощным рычагом перестройки крестьянского хозяйства на социалистических началах, как и в СССР, являлись МТС. Они оказывали помощь крестьянам в ведении их хозяйства, а затем в большей или меньшей мере обеспечивали производственно-техническое обслуживание кооперативов. Деятельность МТС, увеличение парка тракторов и других сельскохозяйственных машин стимулировали развитие общественных форм хозяйства и способствовали их укреплению.

Успешному проведению социалистического обобществления сельского хозяйства в странах Европы и Азии благоприятствовала международная обстановка, сложившаяся после второй мировой войны. Победа социализма в СССР и его пример, становление мировой социалистической системы хозяйства, взаимная поддержка и использование опыта социалистических стран во многом облегчали осуществление этой задачи и способствовали сравнительно быстрому утверждению социалистических производственных отношений в земледелии.

Социалистическая перестройка сельского хозяйства проводилась и проводится во всех странах в соответствии с ленинским планом производственного кооперирования. «Ленинский кооперативный план,— указывается в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий,— доказал свою великую жизненность как для тех стран, где существовала длительная традиция глубокой привязанности крестьянства к частной собственности на землю, так и для стран, недавно покончивших с феодальными отношениями»³³. Творческое применение ленинского плана, учет исторических, экономических и политических условий страны обеспечивают успешное построение социализма.

³³ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». Госполитиздат. 1961, стр. 47

БОИЮ АНГЕЛОВ

О РУССКО-БОЛГАРСКИХ СВЯЗЯХ В XV—XVII вв.

Русско-болгарские литературные связи, возникшие много веков тому назад, имели важное значение в жизни болгарского народа, особенно в тяжелые годы турецкого ига, затормозившего его культурное и политическое развитие. Турецкое порабощение не способствовало литературному подъему, задерживало развитие литературы, в значительной степени уничтожило богатую литературную продукцию, созданную ранее. Однако, несмотря на все это, было бы неправильным утверждать, что турецкое иго полностью уничтожило болгарскую литературу, что оно оборвало культурные связи нашего народа с русским. Некоторые ученые даже высказывали мысль, что в первые два-три века после порабощения Болгарии турками болгарский народ в России был забыт вообще, что там о нем ничего не знали и лишь со времени Цетра Великого русские вновь стали проявлять интерес к болгарам. А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович в своей «Истории славянских литератур» писали: «С турецким завоеванием всякая умственная жизнь стала застывать в Болгарии и, наконец, совершенно заглохла под двойным гнетом: турецкая власть давила варварским произволом и насилием, греки — „духовным попечением“ о болгарской пастве»¹.

Этой неправильной точки зрения придерживались позже и другие исследователи истории болгарского народа и болгарской литературы периода первых веков турецкого ига. Исходя из утверждения о слабом развитии или даже «полном» прекращении развития болгарской литературы в XV—XVII вв., некоторые ученые делали вывод и о прекращении русско-болгарских литературных отношений. Акад. Н. С. Державин, например, писал: «Непосредственного влияния на развитие болгарской литературы быстро развивавшаяся в XVI — XVII вв. русская литература оказать не могла по той простой причине, что болгарская литература за века турецкого владычества, вплоть до начала XIX в., почти прекратила свое существование»². В 1945 г. проф. Д. Ангелов писал: «Связи между болгарскими и русскими в период долгого рабства замерли, естественно, почти полностью. Последний более или менее значительный контакт между двумя народами имел место в начале XV века, когда, после порабощения болгарского царства турками, ряд болгар сумел перебраться в соседнюю Сербию и Россию... Однако влияние бежавшей болгарской интеллигенции не было особенно сильным, чтобы на долгое время укрепить нарушенные связи и поддержать у порабощенных народов исторические традиции»³.

¹ А. Н. Пыпин, В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. I, изд. 2-е. СПб., 1879, стр. 96.

² Н. С. Державин. Племена и культурные връзки между болгарскими и русскими народами. София, 1945, стр. 82.

³ Д. Ангелов. Руси и българи в историята. София, 1945, стр. 33—34. (Курсив мой. — В. А.)

Другая неправильная постановка вопроса о русско-болгарских культурных и литературных отношениях в XV—XVII вв. состоит в том, что русский народ будто бы ничего не знал о болгарях, что русские считали греков едва ли не единственным православным населением Балканского полуострова, что о сербах и болгарях, особенно о последних, они узнали поздно. Пыпин и Спасович писали: «Словом, со времени падения царства в конце XIV века, болгары были окончательно забыты Европой. Внутри они были подавлены; как внутренняя провинция отрезаны от остального мира; они почти не напоминали о себе восстаниями, или слух о восстаниях и турецких репрессалиях не доходил до Европы. *О них едва знали даже* в единоверной России; когда в век Екатерины родилась мечта об изгнании турок из Европы, эта мечта выразилась в форме „греческого проекта“, в котором славяне были забыты, и исполнение „греческого“ проекта было бы для них великим бедствием»⁴.

Третья группа ученых считает, что политический интерес России к балканским христианам зародился во времена Бориса Годунова по инициативе Западной Европы, которая до этого всегда и последовательно вела борьбу за «освобождение» этих христиан. Такую позицию занимал Е. Карнович: «Опираясь твердо на свидетельство истории и почерпая, притом, сведения исключительно даже из русских источников, нельзя не признать, что мысль об освобождении христиан из-под турецкого ига пришла к нам с Запада Европы, что такая мысль не только никогда не нарождалась в великокняжеской, а потом и в царской Москве без внешнего влияния, да и заявленная там не встречала прежде к себе никакого сочувствия, которое стало обнаруживаться только тогда, когда представителем власти явился в государстве Московском человек, не чуждавшийся Западной Европы, и резко проявилась, когда престол московский заняла неразгаданная доселе личность, заявившая свое стремление и к религиозному и к умственному сближению с Западом»⁵.

Правильно поставлен и освещен этот важный вопрос только в академической «Истории Болгарии». В ней убедительно доказывается, что эти связи «не прерывались и после завоевания Болгарии турками — теперь они даже усилились. Они развивались одновременно и на религиозной, и на политической основе»⁶. Фактов, подкрепляющих эту точку зрения, довольно много. Они приводились, главным образом, русскими учеными, встречаются в различных изданиях и больше всего в ценном труде А. Муравьева «Сношения России с Востоком по делам церковным»⁷. Новые и очень важные исследования в этом направлении проделали акад. М. Н. Тихомиров⁸ и акад. И. Снегаров⁹. Я бы хотел подчеркнуть следующее высказывание М. Н. Тихомирова: «Сношения России с южнославянскими странами кажутся явлением чисто культурного порядка, но за ними скрывались большие политические интересы. Сербь и болгарь обращали взорь к Москвь не потому только, что их церкви и монастыри получали оттуда богатые дарь, не только в силу естественного тяготе-

⁴ А. Н. Пыпин, В. Д. Спасович. Там же, стр. 104. (Курсив мой. — Б. А.) См. также: Д. Ангелов. Там же, стр. 36.

⁵ Е. Карнович. Об участии России в освобождении христиан от турецкого ига. — «Отечественные записки», 1878, № 1, стр. 140.

⁶ «История на България», т. II, изд. 2-е, София, 1961, стр. 286.

⁷ А. Муравьев. Сношения России с Востоком по делам церковным, ч. 3, СПб., 1858; ч. 2, СПб., 1860.

⁸ М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. — В кн. «Славянский сборник». М., 1947.

⁹ И. Снегаров. Культурни и политически връзки между България и Русия през XVI—XVII вв. София, 1953.

ния к единственному славянскому государству, получившему полную независимость от „агарян“, т. е. мусульман, но и потому, что это государство достигло высокой степени могущества и славы и сделалось естественным покровителем поработанных южнославянских народов»¹⁰.

Поскольку этот вопрос очень важен, я приведу некоторые факты, которые ярко свидетельствуют о том, что русское общество проявляло интерес к жизни и культуре болгар и в XV—XVII вв., что и в то время существовали тесные русско-болгарские отношения, игравшие важную роль в духовной и политической жизни нашего народа. Такие факты можно встретить и в дипломатических документах, и в посланиях русского царя балканским народам (болгарам, сербам, грекам), и в посланиях болгарских монастырей русскому царю и русской церкви; встречаются они и в русских литературных произведениях (житиях, службах, повестях, летописях, хронографах, полемических сочинениях, посланиях), русских путевых заметках и пр. Нет никакой необходимости приводить все соответствующие источники. Их немало, и они имеют разнообразный характер.

Вполне естественно, что материалы подобного рода хранятся преимущественно в советских государственных архивах и библиотеках. Радостным фактом является то, что некоторые из них доступны для научной работы и у нас в виде микрофильмов, которыми располагает Государственный исторический архив в Софии¹¹. Среди этих материалов есть и документы, относящиеся к XV—XVI векам¹². По словам П. Панайотова, «во многих документах за указанные годы (1584—1673 гг. — Б. А.) говорится о посещении Москвы торговцами из Тырново, Пловдива и других городов, об освобождении русских из турецкого плена, о радости болгарского населения в связи с успехами русских войск в борьбе против татар, о выкупе битольской семьи Петра Васильева из турецкого плена, о надеждах болгар на освобождение с помощью России и о совместной борьбе всех славянских народов против Турции»¹³. Эти документы, хотя большинство из них (одни — фрагментарно, а другие — в более целостном виде) уже давно известны, заслуживают специального изучения и опубликования.

Именно в это время, в XV—XVII вв., в России переписывается особенно много сочинений болгарских писателей — Климента Охридского, Константина Преславского, Иоанна Экзарха, Черноризца Храбра, патриарха Евфимия, Григория Цамблака и др., там переписываются и получают широкое распространение жития Кирилла и Мефодия, Ивана Рылского и других болгарских деятелей. Именно этому обстоятельству мы обязаны сохранением самых ценных творений древней болгарской литературы. Многие русские оригинальные сочинения пишутся под влиянием сочинений видных древнеболгарских писателей. Болгары, главным образом монахи, которые посещают Россию, знакомят русскую общественность с жизнью своего народа, его страданиями, настроениями, надеждами. В 1539 г. в Новгород прибыли представители Зографского монастыря — монахи Митрофан и Прохор, которые рассказали о мученической смерти болгарина Георгия Нового Софийского, сожженного турками в Софии в 1515 г. за то, что он отказался принять магометанство. Под впечатлением рассказа зографских монахов псковский священник Илья

¹⁰ М. Н. Тихомиров. Там же, стр. 187—188.

¹¹ П. П а н а й о т о в. Микрофильмы на съветски документи за българската история, получени в Централния държавен исторически архив. — «Известия на Държавните архиви», 8, София, 1964.

¹² Коллекция микрофильмов, 1, оп. 1, № 1—33 (П. П а н а й о т о в. Там же, стр. 244).

¹³ Там же.

написал житие этого болгарского мученика, получившее значительное распространение в русской и южнославянской письменности. Другой русский автор — пресвитер Василий пишет службу о Георгии Софийском, которая также получила большое распространение. В обоих русских сочинениях с восхищением рассказывается о болгарине Георгии, о его твердости в отстаивании веры. Авторы не скрывают своего отношения к турецкому султану Селиму, во время правления которого Георгия пытали и сожгли¹⁴.

Русская летопись широко заимствовала сведения и из южнославянских литературных памятников, в связи с чем в ней часто встречаются данные о болгарях — об их политической, церковной и культурной истории, важные моменты деятельности отдельных царей и пр. Например, летопись Никона включает абзацы из болгарского перевода Манасиевой хроники; в ней целиком, слово в слово, помещены даже некоторые из замечаний болгарского переписчика хроники¹⁵.

Вероятно, заслуживают внимания слова русского летописца, сказанные им по поводу печальной судьбы балканских народов, попавших в тяжелое турецкое рабство. Призывая в 1480 г. своих соотечественников к борьбе против татар, он в качестве примера приводит судьбу балканских народов: «О, храбрии мужествении сынове Русии! — восклицает неизвестный автор, — потщитесь съхранити свое отчъство, Рускую землю, от поганых; не пощадите своих глав, да не узрят очи ваши разплнения и разграбления домов ваших, и убиения чад ваших, и поругания над женами и дщерми вашими. Якоже пострадаша инии велиции и славнии земли от Турков, еже глаголю Болгаре, и Серби, и Греци, и Трапезон, и Амореа, и Арбонасы, и Хрвбаты, и Босна, и Манкуп, и Кафа и инии мнози земли, иже не стаха мужествене, и погибоша и отчъство изгубиша и землю и государство, и скитаются по чюжим странам бедне в истинну и странне, и много плача и слез достойно, укоряеми, поношаеми и оплюваемы, яко не мужествени; инии же избегоша, котории с именми многими и с женами и з детми в чюжие страны, вкупе с златом и душа и телеса своя загубиша и ублажают тех, иже тогда умерших, неже скитатися по чюжим странам яко бездомком»¹⁶. Автор является очевидцем печальных событий, происшедших после покорения Константинополя в 1453 г.

О тяжелой участи рассеянных по миру греков, постигшей их как справедливая божья кара за причиненные ими несчастья, рассказывает Максим Грек в одном своем послании Ивану Грозному. Для нас, однако, в данном случае важнее другая фраза этого послания, в которой говорится об одной подробности болгарской истории. Максим Грек дает такой совет русскому царю: «Чти себе частее послание блаженнаго Фотия патриарха Царяграда, егоже посла к болгарскому царю Михаилу, и велику премудрость и пользу отуду исчерпнути имаши, аще послушаешь его»¹⁷.

Далее Максим Грек пишет: «Благовернейший царю самодержец! Летьми глаголати истину пред царствием твоим, яко ни единыя иныя ради вины уничижены быша от всех владыки и творца иже по нас греков пос-

¹⁴ П. Динков. Из истории русско-болгарских литературных связей XVI—XVIII вв. — «Груды Отдела древнерусской литературы», XIX, 1963, стр. 318—324; Б. Ст. Ангелов. Стари славянски текстове. — «Известия на Института за българска литература», кн. VIII, 1959, стр. 274—286.

¹⁵ Ср. А. Чертков. О переводе Манасиевой летописи на славянский язык по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар. М., 1842, стр. 28—38, 157; А. Попов. Обзор хронографов русской редакции. Вып. 1, М., 1866, стр. 157 и сл.; вып. 2, М., 1869, стр. 25 и сл.

¹⁶ М. Н. Тихомиров. Там же, стр. 184.

¹⁷ В. Г. Григорович. Собр. соч. Одесса, 1916, стр. 279.

леднии царие и державу свою погубиша, точию за превелию их гордость и превозношение и сребролюбие иудейское имиже побеждены бывше, хищачу неправедне имения подручников, презираху своя боляры, в скудости и лишении потребных живущих, вдовицы обидимыя и нищия неотмщающа обидящих я... и ныне обходим оставлени, алчуще и жаждуще и наготующе и от всех поношаеми и гонимы есме»¹⁸.

Благодаря таким сведениям и собственной начитанности, Ивану Грозному были известны и другие факты болгарской истории.

В 1464 г. московский митрополит Феодосий отмечает, что турки завладели «Булгариею»¹⁹. Посланники различных болгарских монастырей часто посещают Россию (Москву, Киев) для получения материальной помощи. Эти посещения учащаются в XVII—XVIII вв. Надо упомянуть и прошение Рыльского монастыря от 7 XII 1627 г., посланное русскому царю Михаилу Федоровичу. В нем открыто говорится о «насилиях великаго агарянского рода», высказывается пожелание победы русскому царю над любым врагом — «под ноги твоей царской милости» и пр. У монастыря были дарственные грамоты XVI в. от царей Ивана Грозного и Федора Иоанновича, но «сии книги царския, грех ради наших, утонули в реке Дунае»²⁰.

Русские авторы понимали также и отрицательную роль греческого духовенства в отношении Болгарии. В русском памятнике XVII в. находим следующие важные мысли, которые одновременно раскрывают и позицию русских властей: «Прежние великие князья» (русские), «видя в греках суетнаго ради прибытка полolzновение и непостоянство, конечное от них имели опасение и ни в чем на них в вере и в книжном правлении не полагалися, да и впредь на них в вере и в книжном правлении полагаться не сметь, занеже они греки обманчивы и ни мало непостоянны и не крепки и собрания ради имения удобь полolzновенны и скоропреложны и не продаемую духа святаго благодать обыкоша и з да в на купечески на мзде продавать, якожь о них, греках, в книге Печатной Кормчей (лист 5) достоверно свидетельствует яко они еще в добрую пору до турецкаго пленения златолюбия ради многия в вере неправды содеваху и благодать божию корчемствующе на мзде продаваху, церкви божия не апостольски содеваху, к болгарскому царю и ко инем странам вселенския их патриархи из Цареграда митрополитов и епископов на мзде поставляху, и того ради они, болгарския цари, от них, вселенских патриархов, отступили, не благочестия бо рече отступающе, но тех греческих властей сребролюбнаго нрава и неправды бегающе и оттоле начаша поставление творить в своей болгарской земле своими митрополиты»²¹.

Регулярно оказываемая Россией помощь болгарским церквам и монастырям (рукописные и печатные книги, церковно-богослужебные предметы, деньги на восстановление зданий и пр.) определенно свидетельствует о живом интересе в русском обществе к близкому ему по вере и языку болгарскому народу. Бесспорно, что на этой базе между русскими и болгарями создавалось взаимное литературное и церковное сотрудничество, которое иногда находило отражение и в официальных договорах между отдельными монастырями. Примером такой крепкой дружбы и взаимной помощи двух братских монастырей может служить договор между Рыльским монастырем и русским монастырем Пантелеймона на

¹⁸ В. Г. Григорович. Собр. соч., стр. 279.

¹⁹ А. Муравьев. Сношения России с Востоком..., ч. 1, стр. 8.

²⁰ П. Ивандов. Св. Иван Рилски и неговият манастир. София, 1917, стр. 155—156; А. Муравьев. Сношения России с Востоком..., ч. 2, стр. 57—60.

²¹ В. Ламанский. О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене, с филологическими и историческими примечаниями. СПб., 1864, стр. 118. (Разрядка В. И. Ламанского, курсив мой. — В. А.)

Святой горе. Заключенный в 1466 г., вскоре после покорения Константинополя, во время политического апогея Турецкой империи, этот договор бесспорно имел своей целью сохранение имущества монастырей, поощрение их на продолжение проповеднической деятельности²².

О постоянном интересе России к балканским христианским народам свидетельствует та информация, которую она получает от своих посланцев или от южнославянских духовных деятелей. Паисий, игумен Хилендарского монастыря, сообщает в 1551 г. московскому митрополиту Макарию данные о святогорских монастырях, об их состоянии, о расстоянии между отдельными монастырями, а также и о других селениях в южной части Балканского полуострова²³. Десятью годами позже Макарий получает другую информацию о святогорских монастырях.

Значительно подробнее сведения русских, посещавших балканские земли в качестве богомольцев или посланцев. Иона Маленький, русский монах-путешественник, посетивший в 1648—1652 гг. Иерусалим и Константинополь, описывает свои впечатления о болгарских землях, через которые он прошел, — Силистре, Добрудже, Варне. Он пишет: «Мы же милостию божиею, идоша в путь 159 (1651) году в великий пост, на благовещение пресвятыя Богородицы, и дошедшим нам (Мунтьянскою землею) до реки Дуны, то есть граница турская с мунтьянским, и привезохомся Дуну под Селистром городом турским. Ту берут со всякаго чернца по два яфимка, а со всякаго товару и с денег пошлины десятое емлют; и в том граде христиане (живут) *болгаре*, и подворье патриарха иерусалимскаго, храм пресвятыя Богородицы. Тут живут чернцы, собирают милостыню на гроб господень; мы же у них прехыхом двенадцать дней. От Селистра же града до Варны города идоша пеши шесть дней, и приидохом на страстной недели в среду... А тот город Варна стоит на краи Чернаго моря, и пристанище корабленое ту, и христиан в нем много грек, и в том граде митрополит»²⁴.

Неизвестный русский автор, долгие годы проведенный в турецком плену, в своем «Описании Турецкой империи» XVII в. пишет о болгарях в Одрине, Силистре, Видине, Скопле и др.: «А иза Аньдранополя (sic!) тут почнутя уездные люди те *болгарские*: веры христьянской словенскаго языку оне; по турские тут те люди зовутся серны; множествам зело многа их болгарских людей, а все оне земледельцы»²⁵; «А уездные люди все болгарские люди: словенскаго языку оне»²⁶.

Об авторитете, которым пользовалась болгарская книга в России, свидетельствует замечание в так называемой Пересопницкой рукописи, написанной на украинском языке в 1561 г.: «А иже есть прекладана таято светаа евангелиа изь языка бльгарскаго на мову рускую, то для лепшога вырозумленя люду христьянского посполитого»²⁷. Книга «Щит веры» была напечатана в конце XVII в. «ради ведения всем православным христианом болгаром, сербом...»²⁸. О болгарях говорится в одном грамма-

²² И. И в а н о в. Там же, стр. 153—154.

²³ «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1881, кн. 2, стр. 60—63. Здесь Паисий сообщает, что между Хилендарским и Пантелеймоновским монастырями существовал договор.

²⁴ См. «Хождение в Иерусалим и Царьград черного дьякона Троице-Сергиева монастыря Ионы по прозвищу Маленького 1648—1652», СПб., 1882, стр. 2—3. («Памятники древней письменности», вып. 35) (Курсив мой. — Б. А.)

²⁵ См. «Описание турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII века». Под ред. П. А. Сырку. — «Православный палестинский сборник», вып. 30 (т. X, вып. 3), СПб., 1890, стр. 28. (Курсив мой — Б. А.)

²⁶ Там же, стр. 32.

²⁷ «Груды III археологического съезда в России», т. II. Киев, 1878, стр. 222.

²⁸ И. С н е г а р о в. Культурни и политически връзки между България и Русия през XVI—XVIII вв., стр. 109—110.

тическом сочинении «О буквах, сиречь о словах» по рукописи XVII в.²⁹ Дьякон Исай, посланный польским и литовским королем к царю Ивану Грозному, сообщает, что в Москве он хотел найти библию из «царского книгохранилища», которую собирались напечатать и распространить не только среди русского народа, но и повсюду всем православным христианом, иже в болгарех и сербех, в мулянех и волосех»³⁰. В знаменитой Острожской библии (1581) указывается, что издатели и в болгарских землях искали годные рукописи, на основе которых можно было подготовить печатное издание библии. На третьем листе говорится: «Посланными и писанными своими много стран далеких вселенныя проходя, яко римския пределы, тако и кандийския острова, паче же много монастырей грецких, сербьских и болгарских...».

Усиление русского государства в XV—XVII вв. находит отражение во все возрастающем его интересе к балканским народам, а также и в укреплении веры этих народов в него. Эта исторически создавшаяся вера базируется на реальных положениях, она является плодом многовековой русской внешней политики. Иван Грозный, который даже стремился к установлению дипломатических отношений с балканскими славянами, говорил, что он ратует против неверных и впредь готов бороться против них. На этом основании русские авторы возвеличивают свое государство и столицу его Москву, называя ее «Матери градовом, преименита и преславуща Москва», третьим новым Римом в мире. Русский царь объявляется царем всех христиан, как об этом пишет старец Филотей в 1526 г.: «Един ты во всей поднебесней христианом царь»³¹. Все это явилось естественной предпосылкой создания у балканских народов твердой веры в Россию как их избавительницу от турецкого ига, о чем имеются многочисленные сведения. Естественными поэтому являются также обращения к русскому царю, как, например, обращение хилендарских монахов к Ивану Грозному в 1548 г.: «Умилосердися, покажи милость, оборони нас, пошли до турецкого султана своего посланца, оборонить нас своим царским словом. Мощно тебе, царю и государю, солнцу христианскому, второму Константину на земли, сие дело доспеть своим царским приказом»³². Надежда на избавление непрерывно растет, балканские народы уже проявляют нетерпение, они готовятся встретить освободительные русские войска и в то же время упрекают Россию за то, что она до сих пор не предпринимает необходимых действий. В 1688 г. они отправляют послание русскому царю, в котором говорится: «Всякия государства и власти... возстали на Антихриста..., а царство Ваше дремлет. Все благочестивые святаго Вашего царствия ожидают: сербы и болгары, молдаване и валахи; возстаните, не дремлите, придите спасти нас!»³³. В докладе 1678 г. царю Федору Алексеевичу говорится, что русским войскам после перехода ими Дуная по пути в Константинополь будут активно помогать болгары и сербы.

²⁹ М. Петровский. Старинное рассуждение О буквах, сиречь о словах. СПб., 1888, стр. 14—16 («Памятники древней письменности и искусства», 73).

³⁰ П. А. Сырку. Из истории сношений русских с румынами.— «Известия Отделения русского языка и словесности», I, 1896, кн. 3, стр. 498.

³¹ А. А. Шахматов. Путешествие М. Г. Мисюря Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г.— «Известия Отделения русского языка и словесности», т. IV, 1889, кн. 1, стр. 210.

³² А. Муравьев. Сношения России с Востоком..., ч. 1, стр. 67; см. также: «Споменик», XXXIX, 1903, стр. 23.

³³ А. Кочубинский. Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румынами.— «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1872, кн. 2, стр. 6—7.

Западноевропейские посланники в Константинополе, быстро заметившие связь между Россией и балканскими народами, информируют о ней свои правительства. Венецианский представитель Сораццо пишет в 1576 г. Сенату: «Москвитяне внушают опасение султану ввиду того, что великий князь принадлежит к тому же греческому исповеданию, что и народы Болгарии, Сербии, Боснии и Греции. Народы эти, по этой причине, весьма преданные его имени, всегда будут расположены взяться за оружие и восстать, чтобы сбросить турецкое иго и подчиниться власти московского князя»³⁴.

Опасения западноевропейских государств по поводу большого влияния России на балканские народы и, прежде всего, на болгарский народ лучше других фактов свидетельствуют о том, что болгары были известны русским, подтверждают постоянно проявлявшийся интерес к ним России. Наряду с политическим влиянием наблюдается проникновение и русской литературы в Болгарию, особенно усилившееся в XVII—XVIII вв. Ярким выражением этого является большое число русских печатных книг, рассылаемых по церквам и монастырям в различных частях Болгарии. Возросший интерес России к болгарскому народу, действительно наблюдавшийся в XVIII в., коренится в длительных вековых традициях.

³⁴ Н. С. Д е р ж а в и н. Русский абсолютизм и южное славянство. — «Известия Ленинградского университета», т. I, 1928, стр. 51.

МИРОСЛАВ ЛАЦИОК

РУССКАЯ СЛАВИСТИКА И СЛОВАЦКИЙ ЯЗЫК

Русско-словацкие связи первой половины XIX в. наиболее конкретно проявились в отношении русских славистов к словацкому языку. Хотя существует богатая литература по проблематике русско-словацких связей, тем не менее вопросу об отношении русских славистов к словацкому языку не уделялось такого внимания, которого этот серьезный вопрос заслуживает. Данной проблемы касается лишь Я. Станислав в статье «Литературный словацкий язык и русские»¹, где он отметил новые моменты и факты. Поскольку эта статья была составной частью труда иного характера, автор не мог дать анализ всего материала. Словацко-русские культурные и литературные связи штуровского периода исследовал А. Попович². В последнее время данная проблематика стала привлекать внимание и венгерских славистов³. При изучении связей основное внимание уделялось заграничным поездкам русских ученых, которые посещали и Словакию в 40-х годах XIX в. (О. М. Бодянский, П. И. Срезневский, П. И. Прейс, М. П. Погодин, В. И. Григорович). Об их предшественнике П. И. Кеппене и его интересе к языковой ситуации в Словакии писалось мало и лишь в работах, дающих общую оценку характера и значения его деятельности⁴.

Материал, на основе которого можно проследить эволюцию взглядов русских славистов на словацкий язык, относительно велик. Это, прежде всего, письма П. Шафарика⁵ и Л. Штура⁶ русским ученым. Особенно ценным источником является материал, собранный во время поездки по Словакии Срезневым⁷. Важными свидетельствами являются также заметки о словацком языке, опубликованные по разным случаям русскими славистами⁸. Они отличаются конкретностью и объективностью. Интересным источником могли бы быть записи университетских лекций Бодя-

¹ См. J. Stanislav. Z rusko-slovenských kultúrnych stykov v časoch Jána Hollého a L'udovíta Štúra. Bratislava, 1957, s. 41—45.

² См. его работы: «Slovensko-ruské styky u štúrovcov. Príspevok k poznávaniu slovensko-ruských kultúrnych a literárnych vzťahov v počiatkoch štúrovského obdobia národného obrodenia». Рукопись, 1955 (Университетская библиотека в Братиславе).

³ E. A r a t ó. A magyarországi szlávok és az oroszok kapcsolatához a reformkorban. — В кн. «Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből», I. Budapest, 1961.

⁴ С. Г. П о т е п а л о в. Путешествие П. И. Кеппена по славянским землям. — В кн. «Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.», М.—Л., 1963.

⁵ V. A. F r a n c e v. Korespondence P. J. Šafaříka. С. I, II. Praha, 1927.

⁶ J. A m b r u š. Listy L'udovíta Štúra. Bratislava, I, 1954, II, 1956.

⁷ ЦГАЛИ, ф. 436, ф. 216.

⁸ Чаще всего сообщения о словацком языке появлялись в «Библиографических листах» П. И. Кеппена, а также, благодаря И. И. Срезневному, в «Журнале Министерства народного просвещения».

ского и Срезневского. Пока нам известна лишь вводная лекция Прейса о словаках и словацком языке⁹.

Первые контакты со словаками в этот период установил Кеппен, у которого мы наблюдаем и явное стремление разобраться в словацкой языковой ситуации. Со словацким языком он, вероятно, ознакомился уже во время путешествия из России в Вену. Желание непосредственно изучить этот язык влекло его в Словакию. Поэтому посещение Словакии он включил в план путешествия по славянским странам¹⁰. Кеппен говорил о словацком языке с Я. Колларом¹¹ и проф. Ю. Палковичем¹². Эти словацкие деятели рассказали ему о разделении словацкого языка на наречия: 1) чисто словацкие, 2) моравско-словацкие, 3) польско-словацкие, 4) сербско-словацкие, 5) наречия словакизированных венгров. В своем дневнике Кеппен отметил в соответствии с разъяснением Коллара различие позиций проф. Палковича и каноника Палковича по вопросу о словацком языке¹³. Заметки Кеппена о разделении словацких наречий, об отношении словацкого и чешского языков и др. свидетельствуют о том, что он неслучайно занимался этими вопросами. Он просил Коллара и Шафарика написать подробные обзоры о словацком языке. От Коллара он получил «Заметки о словацких диалектах» еще будучи в Вене¹⁴. Шафарик рекомендовал Кеппену посмотреть его статью о словацком языке в книге «История славянского языка и литературы»¹⁵. О словацких наречиях Кеппен спрашивал и Медвянского¹⁶. Интерес к словацкому языку у него не ослаб и после возвращения в Россию. Прежде всего он продолжал следить за развитием бернолаковского движения, о котором ему общался в своих письмах Шафарик. Из них Кеппен узнал о новых успехах словацкого языка, а также о том, что Шафарик не согласен с тем путем создания литературного словацкого языка, который предложил Бернолак¹⁷.

О постоянном интересе Кеппена к словацкому языку говорят и другие факты. Так, например, он стремился как можно быстрее раздобыть «Словарь» Бернолака¹⁸. Его славистически ориентированные «Библиографические листы» приносили восточным славянам первые сообщения о бернолаковской литературе. Язык этой литературы Кеппен называл народным, т. е. языком, на котором говорит словацкий народ, живущий в Татрах¹⁹. Примечательно, что под «чисто словацким» наречием (собственно словацким) он понимал действительно словацкий язык. Термин «чисто словацкий» Кеппен употреблял уже в том смысле, как его объяснил Шафарик²⁰. На страницах «Библиографических листов» Кеппен рассуждал и о подходящем русском эквиваленте для наименования сло-

⁹ Лекция находится в Архиве АН СССР, ф. 106, оп. 1, № 11, 13—18.

¹⁰ 9 X 1822 г. он написал Медвянскому, что готовится к поездке к словакам. Непубликованные письма Кеппена Медвянскому находятся в Országos Széchényi Könyvtár, Levelzés в Будапеште.

¹¹ У Я. Коллара в Пеште он был 13—31 мая и 1—2 сентября 1822 г.

¹² Проф. Ю. Палковича он посетил в сентябре 1822 г.

¹³ См. А. А. З а й ц е в а. Ян Коллар и русско-чешские литературные связи первой половины XIX в. — «Литература славянских народов», вып. 8, 1963, стр. 105.

¹⁴ Письмо Кеппена Медвянскому от 25 X 1822.

¹⁵ Письмо Шафарика Кеппену от 30 V 1825 (V. A. F r a n c e v. Ibid., I, s. 296).

¹⁶ От него он узнал о чистоте наречий в окрестностях Тренчина.

¹⁷ Вопросом об отношении Шафарика к словацкому языку в последнее время занимался Э. Йона. См. E. J ó n a. Otázky slovenského jazyka v diele P. J. Šafárika. — «Jazykovedný časopis», roč. XII, č. 2, 1961.

¹⁸ В письме от 18 IV 1827 г. он попросил В. Караджича прислать ему последний том этого словаря.

¹⁹ «Библиографические листы», 1825, № 26, стлб. 370.

²⁰ P. J. Š a f á r i k. Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Ofen, 1826, S. 377.

вацкого языка. Кепшен защищал термин «словацкое наречие», а термин «словенское наречие в Венгрии», который поддерживал Шафарик, он отвергал как невыразительный и неточный по содержанию. По мнению Кепшена, название «словенское наречие в Венгрии» привело бы к стиранию необходимой дифференциации понятий «словенский» и «славянский». Словацкий язык Кепшен считал самостоятельным славянским языком и включил его в подготовительный план изучения в России славянских языков. Напомним, что А. Х. Востоков еще не говорил о самостоятельном месте словацкого языка. В проекте «Сравнительного словаря всех славянских языков», над которым Востоков работал в 1822 г., он отметил лишь 8 главных славянских языков. Чешский язык здесь указан на пятом месте наряду с наречиями словацким, моравским и силезским²¹. Шафарик, которого Кепшен приглашал в Россию, должен был читать лекции о словацком языке²². Отдельные замечания о словацком языке Кепшен изложил в «Записке о путешествии по славенским землям и архивам». В ней он предупреждал будущих путешественников о необходимости обратить внимание на русинско-словацкую диалектную границу. Языковед-слависта он уверял, что тот найдет в Словакии богатый и интересный материал. С чистым словацким языком он рекомендовал ознакомиться в окрестностях Тренчина, где, по мнению некоторых ученых, говорят на самом чистом словацком наречии²³.

Приведенные факты показывают, что Кепшен стремился получить истинное представление о словацком языке. Для этого у него были благоприятные возможности. Однако Кепшен не мог разобраться в сложной языковой ситуации в Словакии, не мог определить правильность или ошибочность бернолаковского движения и поэтому по данному вопросу он не высказывался. Тем не менее нельзя отрицать заслуг Кепшена: публикацией объективной информации он способствовал распространению знаний о словацком языке, первых наблюдений над ним.

Представители молодого славистического поколения, посетившие Словакию несколько позднее (1838—1846 гг.), опирались на опыт и знания Кепшена. Изучение словацкого языка в этот период осуществлялось главным образом на материале народной речи. Песни, изданные Колларом, были первым источником изучения словацкого языка. По ним получил первые сведения о словацком языке О. М. Бодянский. Возможность более глубокого изучения словацкого языка представилась ему во время путешествия по славянским странам, когда он посетил и Словакию. В Братиславу Бодянский приехал осенью 1838 г. В братиславском лицее он встречался с проф. Ю. Палковичем и его слушателями. Встрече с Бодянским был рад и С. Халушка, который собирался поговорить с ним «О народной поэзии славянских племен». Кроме того, он хотел ознакомиться Бодянского с гемерским наречием, которое, по утверждению некоторых ученых, является наиболее близким русскому языку²⁴. Позднее на близость новоградского наречия с русским языком внимание Срезневского обратил Л. Штур²⁵. Подчеркивая близость словацкого и русского языков, словаки выражали особое отношение к русским и в области

²¹ В. П. Ма к е е в а. Проект плана «Сравнительного словаря всех славянских наречий» академика А. Х. Востокова. — «Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка», т. XXIII, вып. 4, 1964, стр. 346.

²² И. В. Я г и ч. Новые письма Добровского, Кошпитара и других юго-западных славян. СПб., 1897, стр. 393.

²³ «Библиографические листы», 1825, № 33, стлб. 479, 481.

²⁴ См. неопубликованное письмо С. Халушки Б. Верховскому от 1 XII 1839 (Литературный архив Матицы словацкой).

²⁵ Письмо Л. Штура Срезневскому от 8 V 1843 (J. S t a n i s l a v. Ibid., s. 101).

языка. В связи с путешествием Бодянского по Словакии Б. Носак написал С. Томашику письмо, в котором предупреждает о необходимости быть осторожным с Бодянским²⁶. Аналогичные примеры опасений перед «объединенной Славией» отмечал А. Попович²⁷. Из письма Носака видно, что главным мотивом недоверия были опасения за последствия, которые мог бы повлечь панславизм для словаков прежде всего в области языка. Возможно, что ответом на подобное недоверие было письмо Бодянского штуровцам от 13 марта 1839 г., которое он заканчивал стихами: «Без языка народ во гробе, / и не воскреснет никогда! / А с языком народ всегда / открыто насмеется злобе!»²⁸. Эти слова должны были заверить словаков в том, что их стремления пользуются поддержкой со стороны русских. И действительно, из ответа на это письмо, которое написал от имени братиславского лица М. И. Гурбан (15 V 1839), видно, что словацких патриотов особенно порадовали ободряющие слова Бодянского об их родном языке. Позднее Бодянский конкретными делами подтвердил, что он не был равнодушен к судьбе словацкого языка. По возвращении в Россию он продолжал интересоваться словацким языком. О словацком языке Бодянский читал лекции студентам. Он знал бернолаковский язык, изучал и словацкие диалекты²⁹. При составлении лекций о словацком языке он опирался на произведения Я. Голлого. Бодянский, однако, сознавал, что литературный язык, узаконенный Бернолаком, не представляет собой словацкого языка в целом. Поэтому он хотел познакомить русских студентов и со словацкими памятниками, «которые содержат в себе народный язык»³⁰. В письме Штуру Бодянский жаловался, что не имеет никакого пособия, по которому он мог бы читать лекции и о словацких наречиях. Он просил Штура, чтобы его студенты собрали по несколько песен из каждой словацкой области. При этом он особо подчеркнул важность того, чтобы студенты записывали тексты песен в точном соответствии с местным произношением. Бодянский также просил Штура проверить правильность записей. Заслуги Бодянского в области преподавания словацкого языка в Московском университете уже получили положительную оценку³¹. Под его руководством русские студенты писали первые работы по словацкой тематике. Бодянский не изменил положительного отношения к словацкому языку, даже зная отрицательное мнение Шафарика по поводу попыток создания словацкого литературного языка. Поддержка Бодянским усилий штуровцев по созданию самостоятельного словацкого языка имела большое значение. Однако иногда значимость этого факта преувеличивается. Г. Турцера даже полагает, что «если бы Бодянский хотя бы одним словом успокоил разбушевавшиеся мысли, то словаки тогда бы успокоились»³². Такой взгляд является неправильным. Бодянский не смог бы остановить процесс, который имел действительно народную основу. Симпатии Бодянского по отношению к штуровскому движению отрицательно воспринимались чеш-

²⁶ «В настоящее время по Словакии путешествует г. Бодянский, профессор языков и литературы общеславянской в Московском училище. Он необычный руссоман. (Этому господину ничего не обещать, ни на грош). В соответствии с этим и обращайтесь с ним». (Письмо Б. Носака С. Томашику от 14 VI 1839, Литературный архив Матицы словацкой).

²⁷ См. его рецензию на упомянутую выше (сноска 1) книгу Я. Станислава в «Slovenská literatúra», гоґ. IV, ґ. 4, 1957, s. 502.

²⁸ J. S t a n i s l a v. Ibid., s. 117.

²⁹ Письмо Бодянского Штуру от 17 V 1843 (J. S t a n i s l a v. Ibid., s. 118).

³⁰ Там же.

³¹ Из последних работ об этом см. J. S t a n i s l a v. Ibid., s. 24—31.

³² H. T u r c e r o v á. Styky slavianofilov so Slovákmi a ich vplyv na odtrhnutie sa Slovákov od Čechov.— «Prúdy», IV, 1911—1912, s. 347.

скими деятелями. Например, Е. Гавличек-Боровский даже обвинил русских славистов в том, что они явились причиной чешско-словацкого языкового раскола³³. Бодянский лично опровергал эти утверждения³⁴. На необоснованность обвинения со стороны Гавличка-Боровского указал позднее и В. Францев в статье, посвященной шутовскому юбилею³⁵.

Особого внимания заслуживает пребывание в Словакии Срезневского. Посетить словаков его пригласил Янко Шафарик. В письме от 25 сентября 1841 г., посланном из Нови Сада, он советовал Срезневскому поехать в Словакию. Он особенно подчеркнул необходимость посещения Липтовской стóлицы, рекомендовал Срезневскому попросить адреса у Верховского и Коллара³⁶.

Серьезное внимание уделял Срезневский уже самой выработке плана путешествия по Словакии. Свой маршрут он выбрал после предварительного изучения положения в Словакии. О том, как протекало путешествие, известно довольно много. О поездке Срезневского подробные сведения дают его письма матери. Свое путешествие по Словакии Срезневский описал в дневнике, где точно фиксировал данные о месте и продолжительности отдельных остановок, а также свои впечатления от встреч. В адресной книге Срезневский записывал подробные сведения о лицах, с которыми ему предстояло встретиться (например, о Гроссмани он заметил, что тот был в Галле; о Штястном — что он является другом Штура).

Почти полугодовое путешествие по Словакии было для Срезневского удобным случаем собрать богатый диалектный материал. Этот материал является ценным во многих отношениях. Он говорит о значении и методе работы Срезневского и в известной мере является отражением уровня диалектологической работы в Словакии в тот период. В диалектных записях Срезневского содержатся образцы текстов из бывших Тренчанской, Турчанской, Липтовской, Гемерской, Спишской и Земплинской стóлиц. Имеются также заметки о тренчанском наречии (употреблении некоторых звуков и образцы склонения и спряжения), об особенностях мураньского наречия (сравнительно с чешским и польским языками), описание системы вокализма и консонантизма в шарипском наречии и краткое описание сотацкого наречия³⁷. Информацию Срезневский собирал сам и с помощью своих друзей (Ц. Зоха, К. Кузман, Б. Носака и др.). Они посылали ему записи слов, которые «употребляются самим людом»³⁸. Перечень всех лиц, сотрудничавших с ним, Срезневский указал во введении к подготовленному словацкому словарю³⁹. Несомненно, некоторые данные о словацких наречиях он почерпнул из литературы. Он делал также выписки из словацких регистров и собраний народных песен. Из материалов видно, что он просмотрел и «Notitia Hungariae Novae» М. Бела⁴⁰.

³³ См. его статью «Slovan a Cech». — «Pražské noviny», 1846, č. 14—21.

³⁴ В архиве Бодянского сохранился отрывок письма (с датой 9 VIII 1846) со следующим текстом: «Ложь все, что ни говорят о мне и других касательно раздвоения словаков с чехами».

³⁵ В. Францев. Чешско-словацкий раскол и его отголоски в литературе сороковых годов. (Памяти Людевита Штура 1815—1915). — «Русский филологический вестник», т. 74, 1915, стр. 84—87.

³⁶ Письмо Я. Шафарика Срезневскому от 25 IX 1841, ЦГАЛИ, ф. 436.

³⁷ ЦГАЛИ, ф. 436, № 740—749.

³⁸ Письмо К. Кузманн Срезневскому от 3 VI 1842 (ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, № 1484).

³⁹ Об этом словаре см. Н. А. К он д р а ш о в. Материалы для словаря наречий горных словаков, собранные И. И. Срезневским. — «Jazykovedný časopis», 1958, 1—2, s. 105.

⁴⁰ Срезневский охарактеризовал наречие Теплички почти точно так же, как М. Бел в «Notitia Hungariae Novae», II, Вена, 1736, стр. 564.

Примечательна техника записей Срезневского. Словацкие слова он записывал латиницей (лишь иногда русской азбукой), соблюдая все особенности произношения. Он обращал внимание на обозначение долготы, четко обозначал (например, подчеркивал) наблюдаемые явления. Это подтверждает, что его лингвистические наблюдения были целенаправленными. Его работа отличается основательностью и квалифицированностью. Значения словацких слов он объяснял по-русски и по-немецки. Чтобы облегчить понимание некоторых слов, он включал их во фразеологические выражения⁴¹.

Непосредственным записям словарного материала предшествует краткая фонетическая и морфологическая характеристика наречия с указанием его существенных признаков и особенностей. Так, например, в его материалах мы находим следующую характеристику наречия Важца: «В Важце, так сказать, ничего не акцентируют, особенно предпоследний слог всегда сокращают, а последний немного растягивают. Там, где соседние глаголы смягчают, они их произносят твердо, например, *buděte* произносят *budjete*; вместо твердого *l* у них *w* или *u*, например, вместо *bola* — *bowa*, вместо *holub* — *howub*, *chlapec* — *chwapec*, далее, вместо обычного у нас *č* они употребляют *c*, вместо *ž* — *z...*»⁴²

Подобную краткую характеристику Срезневский дает и другим словацким наречиям. Его метод записи диалектного материала показывает, что он сопоставлял и оценивал сведения уже в процессе их сбора. Например, параллельно с земплинскими формами наречия *teraz* (*ceper*, *ceperočka*) он указал формы из Новограда (*trpaw*) и из Гемера (*trpau*). Диалектные различия он стремился рассматривать во взаимных связях и пытался дать их объяснение (он правильно сравнивал турчанское *čušati* с гемерским *tjušati*). Наблюдаемое явление он оценивал, исходя из контекста. Он особо отмечал случаи явного отклонения от структуры соседних наречий⁴³. Срезневский хотел уточнить некоторые сведения, имеющиеся в литературе. С этой целью он обследовал группу согласных *d + l* в словацких наречиях. Состояние этой группы он записал на Ораве, в Липтове и Турце. Подобную же цель преследуют его замечания о произношении в словацком языке слогового и конечного *l*. Наблюдения над отдельными явлениями были основой для обобщающих выводов. Так, на основе обследования произношения *l* в словацких наречиях (Тренчин, Турец, Важец, Липтов) он получил представление о произношении *l* в словацком языке в целом и мог сформулировать более широкие выводы⁴⁴.

Указанные примеры свидетельствуют о высоком уровне знаний Срезневского в области словацкого языка. Можно сказать, что его знание словацкого языка было исключительным, и никто другой из иностранных славистов того периода не имел такого солидного представления о словацком языке. Это признавали и сами штуровцы. Л. Штур высоко ценил знания Срезневского и был убежден, что он лучше всех подготовлен к тому, чтобы высказать научное суждение о словацком языке. Русский славист придавал большое значение изучению словацкого языка с точки зрения задач славянского языкознания и поэтому во время путе-

⁴¹ Слово *obida* из Гемера он объяснил следующим образом: «*obida = mrzutost'*, *prišiel mi na obidu = zum Argernis*» (ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, № 45).

⁴² Там же.

⁴³ Например, в окрестностях Жилина он зафиксировал несистемную форму род. п. мн. ч. *mnoho rokoch* и отметил, что правильное было бы *rokou*. (Там же).

⁴⁴ «*L* у всех словаков выговаривается как *u* в конце слога. В нитран. может и *l*: *ога — bola*» (Там же).

шествия по Словакии он «особое внимание обращал на наречия и народность словаков» и глубоко понимал значение еще необследованного словацкого диалектного материала⁴⁵. Хорошее знание словацкого языка (во многих случаях детальное) давало Срезневскому право высказывать собственные суждения о нем и полемизировать с другими славистами по вопросам, касающимся словацкого языка. В качестве примера можно привести его полемику с Шафариком⁴⁶.

Срезневский выступил как решительный защитник самостоятельности словацкого языка и не согласился с Шафариком, присоединявшим словацкие наречия к чешскому языку. При этом он не отрицал близости словацкого и чешского языков, однако ясно подчеркивал, что словацкий язык сохраняет собственный характер. В трихотомической классификации славянских языков он поместил словацкий язык вместе с польским, полабским, лужицким и чешским в группу северо-западных наречий, отведя ему самостоятельное место. Срезневский поддерживал также возвышение словацкого наречия в ранг литературного языка. Есть основания предполагать, что он говорил об этом со штуровцами еще накануне штуровской реформы литературного языка. В записках Срезневского находятся, например, копии прошения словаков к императору о защите их национальных и языковых прав от посягательств венгров⁴⁷. Еще один довод находим в дневнике Срезневского, в который Е. Р. Краус записал следующие слова: «Народ без национальности есть тело без кости»⁴⁸. Штуровец тем самым обратил внимание Срезневского на то, что словаки осознают необходимость собственного языка для жизни нации. Срезневский понял их стремление и позже положительно оценил будительскую деятельность и заслуги штуровцев в отношении словацкого языка. Особенно теплое отношение сохранил Срезневский к Л. Штуру. В связи со смертью Штура он написал статью, в которой дал оценку основных работ Штура и показал значение его деятельности⁴⁹.

В тот же период, что и Срезневский, с целью разобраться в языковой ситуации, Словакию посетил и другой представитель русской славянской филологии — П. И. Прейс. Будучи больным, он долгое время находился в Б. Штявнице и Б. Быстрице, где был гостем К. Кузмани. В том же году он уехал из Словакии⁵⁰. О путешествии Прейса по Словакии другие сведения нам неизвестны. Об его отношении к словацкому литературному языку мы можем составить представление по краткой лекции о словаках и словацком языке, которую он прочитал в Петербургском университете⁵¹. Сохранилась и студенческая запись этой лекции⁵². Свою лекцию, написанную на трех страницах, Прейс составил точно по книге Шафарика «Славянская этнография». Ареал и признаки словацкого языка он охарактеризовал так же, как Шафарик. По Шафарика были указаны 12 различительных признаков между словацким и чешским языками. Прейс отошел от Шафарика лишь во взглядах на будущее словацкого языка. Он не верил в возможность более широкого применения словацкого ли-

⁴⁵ Письмо Срезневского В. Ганке от 10 VIII 1842 (J. Stanislav. Ibid., s. 97).

⁴⁶ См. рецензию Срезневского на книгу П. Шафарика «Slovánský národopis». — «Журнал Министерства народного просвещения», ч. XXXVIII, 1843.

⁴⁷ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, № 771.

⁴⁸ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, № 45.

⁴⁹ ЦГАЛИ, ф. 216, оп. 1, № 957.

⁵⁰ О пребывании Прейса в Б. Быстрице упоминает К. Кузмани в письме Срезневскому от 3 VI 1851 (ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, № 1484).

⁵¹ См. сноску 9.

⁵² Архив АН СССР, ф. 106, оп. 1. В лекции словацкие примеры записаны латиницей, в студенческой записи — русской азбукой.

тературного языка. Это является примером того, что у славистов из одной и той же страны могло сложиться разное отношение к словацкому литературному языку. Различие позиций Срезневского и Прейса могло быть обусловлено помимо субъективных впечатлений и точек зрения также тем обстоятельством, что Срезневский имел возможность лучше узнать закономерности словацкого языка, как и всю атмосферу в период подготовки выступления Штура. Выводы Срезневского о деятельности Штура могли быть более независимыми. Прейс же этих преимуществ не имел, и его позиция по вопросу о словацком языке в значительной мере могла быть определена взглядами той части словацкой интеллигенции, которая выступала за дальнейшее использование чешского языка в словацкой литературе.

Особое значение с точки зрения поддержки словацкого языка со стороны русских славистов имело посещение Словакии М. П. Погодиным. Он приехал к словакам относительно поздно (1847 г.), однако еще до этого он был информирован о культурной и национальной жизни словаков. Информацию о Словакии ему регулярно посылал Шафарик. Погодин решил поехать в Словакию потому, что в Праге, где он остановился во время путешествия по славянским странам, он услышал резкие протесты Шафарика и Палацкого против реформы Штура. Погодин справедливо оценивал выступление Штура. Он знал, что при кодификации литературного словацкого языка Штур исходил из объективного анализа развития словацкого общества. Свое положительное отношение к словацкому языку он не изменил и в последующий период. Если мы просмотрим богатую переписку Шафарика с Погодиным, то не найдем там той острой критики штуровской кодификации литературного словацкого языка, с которой часто встречаемся в письмах Шафарика Бодянскому.

Стремление понять развитие языковых отношений в Словакии привело сюда в том же году и В. И. Григоровича. Однако его пребывание в Словакии было очень коротким (всего 3 дня) и ограничилось лишь посещением Братиславы. Уже этот факт говорит о том, что он не мог достаточно хорошо разбираться в сложной словацкой языковой проблематике. О языковом размежевании он говорил с проф. Палковичем и Б. Носаком. На основе беседы с ними Григорович отрицательно отнесся к выступлению Штура, однако признавал, что ему неизвестно мнение широких национальных кругов. О словацком литературном языке он хотел поговорить в Праге с Шафариком. Зная отношение Шафарика к реформе Штура, мы можем себе представить, что отрицательное отношение Григоровича к словацкому литературному языку после бесед с Шафариком не изменилось.

Русская славистика, таким образом, внесла значительный вклад в дело пропаганды словацкого языка и признания его в славистической литературе. Интерес русских славистов к словацкому языку, их положительное отношение к нему как в теории, так и на практике с удовлетворением принимались в Словакии. Одобрительное отношение со стороны русских славистов к словацкому литературному языку поддерживало передовых идеологов нации в осуществлении поставленных целей. Значение этой поддержки еще больше возрастает, если учесть сложность развития словацкого литературного языка, на пути применения которого в литературе были препятствия старые и новые (традиция чешского языка, идея славянской взаимности Коллара). Ситуация осложнялась и нерешительностью и колебаниями некоторых крупных авторитетов в славистике. Позитивное отношение русской славистики к зарождавшемуся словацкому литературному языку было результатом научного анализа общественной жизни славянских народов.

С. О. ВЯЛОВА

К ВОПРОСУ О РУССКО-СЛОВАЦКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ 60—70-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Связи русской общественности с деятелями словацкого национального движения носили разнообразный характер. В частности, русские славянские комитеты и благотворительные общества оказывали поддержку словацким национальным гимназиям и студентам, ряду словацких газет, словацкому национальному культурно-просветительному обществу «Словацкая матица». Поддержка эта выражалась в снабжении словаков книгами (что способствовало их знакомству с русскими классиками) и периодическими изданиями, а также в оказании денежной помощи.

В шестидесятые годы XIX в. словацкие национальные деятели добились разрешения основать три национальные гимназии. Для словаков, не имевших до этого ни средних, ни высших национальных школ, открытие гимназий в Великой Ревуце, Турчанском святом Мартине, Клашторе под Знийовом было событием чрезвычайной важности. Эти национальные гимназии воспитали новое поколение словацкой интеллигенции, которая встала во главе национального движения последней четверти XIX и начала XX в. Об их значении для словацкого национального движения газета «Народние новины» — орган словацкой буржуазии — писала следующее: «...в национальной жизни наиболее могущественным и наиболее важным фактором являются гимназии: они воспитывают нашу надежду на будущее, они готовят для нас неустрашимых бойцов, они являются условием силы и мощи народа... На это направлена деятельность двух прогимназий и гимназии в Великой Ревуце. Эта последняя уже воспитала для народа более всего знаменитых сынов, ее существование нельзя оценить на вес золота»¹.

Хранившаяся в архивах Москвы и Ленинграда корреспонденция 60—70-х годов, адресованная русским славистам представителями словацкой интеллигенции, содержит интересные сведения, касающиеся словацких национальных гимназий. Главным образом это письма словаков к В. И. Ламанскому и Н. А. Попову. Большой интерес также представляют письма-отчеты М. Ф. Раевского — протоиерея православной церкви при русском посольстве в Вене — членам Славянского комитета. Эта не опубликованная нигде до сих пор корреспонденция дает нам дополнительный материал для изучения русско-словацких культурных связей второй половины XIX в. и истории словацких национальных гимназий.

Малочисленной и весьма небогатой словацкой интеллигенции приходилось преодолевать большие трудности, чтобы поддерживать существование своих национальных гимназий.

Положение этих гимназий было самым жалким: содержались они исключительно на народные средства — добровольные пожертвования, никакой субсидии от правительства не получали, учебников и литературы почти не было, жалование преподавателям составляли сущие гроши. Однако, несмотря на все трудности, организация этих

¹ «Narodnie Noviny», 28 I 1873.

гимназий была поставлена столь хорошо, что их воспитанники оказывались потом лучшими студентами университета»².

Профессор физики и математики И. Зох, преподававший в гимназии в Великой Ревуце, после очередной правительственной инспекции пишет Нилу Попову в Москву: «Мадьяры удивлялись тому, как мы можем содержать нашу гимназию (8 классов), когда фонда нет, а деньги у нас видели. Они не знают, что мы жертвуем все, что можем. Гимназия наша содержится на ежегодные и пожизненные пожертвования наших деятелей и церкви и мы уже имеем 10 000 форинтов капитала, но что это для учреждения?»³

В самом начале 1867 г. в великоревуцкой гимназии было пять преподавателей. Жалование их было таким скудным, что на него едва можно было прожить⁴. К концу года преподавательский состав увеличился до девяти человек: «трое получают по 700 форинтов, двое по 500 форинтов, двое по 400 и двое по 300»⁵. Число же учеников-пансионеров в этой гимназии доходило до 120 человек. Средств на их содержание почти не было. Пища была такова, что не позволяла лишь умереть с голоду.

Что касается программы обучения, то наряду с такими предметами, как физика, естественные науки и проч., преподававшимися на словацком языке, в гимназии читали общеславянскую литературу, в программу курса которой входило ознакомление учеников и с русской литературой на языке оригинала, изучали русский язык.

В связи с этим преподаватели гимназий, имевшие личные контакты с русскими учеными-славистами, обращались в Россию с многочисленными просьбами о присылке им русских книг: беллетристики, учебников, периодических изданий. «...Если бы Вы нас одарили некоторыми произведениями вашей литературы, я имею в виду нашу словацкую гимназию в Великой Ревуце. Вам известна наша бедность, наши бои с мадьярами, известно Вам, что русскую книгу у нас не достать. Но у нас в гимназии преподается история общеславянской литературы и нет русских книг, чтобы познакомить с ними наше юношество», — сообщает И. Зох в письме к И. С. Аксакову⁶.

Паулины-Тот просит прислать сочинения Гоголя, Тургенева: «Если можно, просим Вас, — обращается он к В. И. Ламанскому, — пришлите нам... беллетристические сочинения (Гоголь, Тургенев, Сологуб и др.), мы бы их прислали срочно. И русские буквари (abesebücher), книги для чтения (lesebücher) для детей, новые Законы (neue Testamente) и вообще подобные произведения, по которым наша молодежь могла практически учить русский язык»⁷.

Обращается с той же просьбой и Зох к Н. Попову: «...не могли ли бы Вы поддерживать нас произведениями вашей литературы? Мы преподаем в нашей школе общеславянскую литературу, но русских книг для учеников в нашей библиотеке нет, а то, что у нас есть в частном пользовании, это Пушкин, Хомяков». Одновременно он сообщает, что братья Чехи нам в этом смысле очень помогают, в прошлом году в Праге собрали 400 томов книг, которые и послали библиотеке нашей гимназии. Посылают нам даром и венские журналы „Жива“ и „Часопис Музея Чешского“. О том Вас просим, ... не могли бы вы сделать так, чтобы некоторые венские журналы приходили к нам бесплатно, и

² А. Б у д л о в и ч. О современном общественном положении словаков в Венгрии. — «Известия С.Петербургского славянского благотворительного общества», 1883, № 3, стр. 19.

³ Отдел рукописей Гос. б-ки СССР им. Ленина, ф. 239, п. 9, № 19 (далее — ЛБ).

⁴ См. газ. «Москва», 1867, 15 марта.

⁵ ЛБ, ф. 239, п. 9, № 19.

⁶ Письмо И. Б. Зоха к И. С. Аксакову от 9 XI 1867. ЛБ, ф. 239, п. 9, № 19. В рукописном отделе это письмо описано как письмо Зоха к Нилу Попову. По мнению автора, оно адресовано И. С. Аксакову, о чем свидетельствует следующая фраза письма: «...чтобы Вы так благосклонны были несколько сочинений, в том числе и редактируемую Вами газету „Москва“, нам прислать...». Редактором же «Москвы» был И. С. Аксаков. В то же время о Ниле Попове Зох пишет в третьем лице: «...писал уже высокоблагородному господину профессору Нилу Попову, с которым познакомился в Вене...».

⁷ Письмо Вильяма Паулины-Тота к В. И. Ламанскому от 7 апреля (26 марта) 1867 г. Скалица. Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 35, оп. 1, № 1426.

послать для нашей библиотеки в виде дара некоторый выбор книг из русской литературы?»⁸

Просьбы эти не оставались без ответа. Михаил Раевский, через которого шел основной поток литературы из России (не только для гимназий, но и для редакций газет, матиц и отдельных лиц), в апреле 1869 г. сообщал Нилу Попову: «7 ящ[иков] книг для гимназий и матиц получил и, приложив к ним почти столько же разной накопившейся литературы, отослал по назначению...»⁹.

Поддержка со стороны русских и чехов заключалась не только в снабжении гимназий литературой, но и в оказании им финансовой помощи. Неоднократно денежные суммы гимназии получали от славянских комитетов из России. Деньги, как и книги, обычно пересылались через М. Раевского. Об этом также свидетельствуют письма (ЛБ, ф. 239, п. 17, № 12, 16).

Сведения эти тем более интересны, что до сих пор в литературе не встречалось упоминаний о поддержке, оказываемой словацким национальным гимназиям русской общественностью.

⁸ ЛБ, ф. 239, п. 9, № 19.

⁹ ЛБ, ф. 239, п. 17, № 14

И. В. ГАЛАКТИОНОВ

ПИСЬМА А. Л. ОРДИНА-НАЩОКИНА Ф. И. ШЕРЕМЕТЕВУ

Публикуемые ниже письма А. Л. Ордина-Нащокина датируются первой половиной 40-х годов XVII века. Они составляют небольшую часть довольно обширной переписки, хранящейся в делах Посольского приказа, и характеризуют главным образом русско-польские отношения того времени.

Ранние письма А. Л. Ордина-Нащокина известны давно, но материал, содержащийся в них, в большинстве своем не стал достоянием науки, если не считать кратких журнальных заметок о поездке молодого дипломата в Молдавию в 1642—1643 гг. и упоминаний о его службе в Яссах и Пскове в книге А. А. Новосельского и популярной брошюре И. Галактионова и Е. Чистяковой¹. Мало или почти совсем не раскрыта, например, в этих работах основная внешнеполитическая проблема России того времени — проблема русско-польских отношений, занимающая ведущее место в переписке дипломата с Москвой.

Письма А. Нащокина из Молдавии адресованы царю Михаилу Федоровичу и его приближенным — боярину Ф. И. Шереметеву и казначею Б. М. Дубровскому. Они хранятся в Центральном государственном архиве древних актов². Здесь собраны зашифрованные подлинники писем А. Нащокина, написанные в столбец буквенным шифром, и их расшифровка, проделанная, вероятно, для доклада царю и переписанная набело разными почерками скорописью XVII века. Всего в деле сброшюровано 196 листов. Однако качество расшифровки было невысоким, оказалось необходимым сличить текст с подлинниками. Составитель дела, не вдумываясь в смысл документов при брошюровке, допустил в ряде мест путаницу листов, что также потребовало исправления. Разночте-

¹ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948; И. В. Галактионов. Тайная миссия А. Л. Ордина-Нащокина в Молдавию в 1642—1643 годах. — «Научный ежегодник СГУ за 1954 год», Саратов, 1955, стр. 81—83; его же. Молдавское посольство А. Л. Ордина-Нащокина в 1642—1643 годах. — «Ученые записки СГУ», т. 66, Саратов, 1958, стр. 164—179; И. Галактионов, Е. Чистякова. А. Л. Ордин-Нащокин — русский дипломат XVII в. М., 1961; Ю. В. Курсков. Из истории русско-молдавских отношений в XVII веке. — «Известия Молдавского филиала Академии наук СССР», № 2, 1959, стр. 81—87. Вызывает удивление утверждение Ю. В. Курскова, что он первый вводит в научный оборот материал молдавского посольства А. Л. Ордина-Нащокина.

² ЦГАДА, ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1643, д. 2, л. 1—196. «Отписки в цыфрях посланнаго в Молдавию дворянина Афанасья Нащокина для розведания о делах турецких и польских. Тут же и письма его к боярину Шереметеву и к Дубровскому с ответами их на оныя. 7151, декабрь — август» (Далее — Дела молдавские, 1643, д. 2).

ния даны в подстрочных примечаниях. Заголовки и даты писем даны издателем.

Богатством и разносторонностью отличались сведения А. Нащокина о Турции. Из его писем в Москве знали о тяжелом внутреннем положении Оттоманской Порты, где росло недовольство правительством султана Ибрагима и зрел заговор против везира Аззема Мустафы-паши.

В тех же письмах подчеркивались внешнеполитические трудности султана, созданные готовящейся войной за Крит, противоречиями Крыма с Польшей и поражением турок под Азовом. «Мошно де государю ныне с турским миритца и крепость с ним и с начальными людьми ево учинить на чем надобно. Острашал де ево гораздо Озов!» — писал царский агент в Москву 19 февраля 1643 года¹.

Успех посольства И. Д. Милославского, отправившегося весной 1643 года в Турцию, свидетельствовал о правильности вывода А. Нащокина.

№ 1

А. Л. Ордин-Нащокин Ф. И. Шереметеву

После 22 ноября 1642 года

Государя царя и великого князя Михаила Фёдоровича всеа Русии боярину Фёдору Ивановичю⁽¹⁾ Офонька Нащокин челом бьёт.

В нынешнем, государь, во 151² году, ноября в 5 день приехал я в Густынской манастырь⁽²⁾. И тово, государь, манастыря игумен ермонарх⁽³⁾ государевым делом промышлял и проводить меня велел своему человеку в коих местех чаёт³ дурна. И говорил: только де государь изволит впредь посылать с⁴ своими государевы грамоты в Молдавскую землю⁵ и указал бы де государь в манастыре мне отдавать, а яз де учну с⁶ своими людьми тайно посылать. А в литовских де городех по дороге в Молдавскую землю заказ крепкой: велено русских людей перенимать. И я, государь, то видел и сам едучи — во многих местех страх большой был, невидимо бог заступил.

И ноября, государь, во 12 день приехал я в литовской город князя Вишневецкого⁽⁴⁾ в Боршаук, от⁷ Киева два дни ездку к Днестру реке⁸, и тут, государь, пришли желнёры⁹ с пятьдесят человек. И я спрашивал про вести. И оне сказали: были де оне х крымскому рубежу для обереганья; а быть де им зимою в киевских местех по городом, а всех де их пятьсот человек. А в великой де пост⁽⁵⁾ быть им на рубеже к Путимлю, потому што¹⁰ московские де люди хотят¹¹ города многие к Путимлю заступить и ратных де людей в Путимле много. А в ьных литовских городех збору ратным людем¹² нет.

И ноября ж, государь, в 17 день в Молдавскую землю я пришол совсем в целе и в 19 день у Василья воеводы был и государеву грамоту и соболи подал. И о том я писал ко¹³ государю царю и великому князю Михаилу Фёдоровичю всеа Русии с ефеским¹⁴ митрополитом, которой поехал из Яс к Москве⁽⁶⁾. И што, государь, ему — митрополиту дано письмо и то запечатано в столбец и на особом ерлычке¹⁵ подписано: отдать¹⁶ Богдану Дубровскому⁽⁷⁾.

И ноября же, государь, в 21 день велел мне Василей воевода у себя¹⁷ быть. И как, государь, я у него был и он ис полаты всех выслал — только оставил толмача старца Селивестра¹⁸, и спрашивал: о чём мой к нему приезд?

И я сказал, государь, ему против указу.

¹ Дела молдавские, 1643, д. 2, л. 98.

² сто пятьдесят первом (7151 — 1642 г.); ³ чаать; ⁴ с пропущено; ⁵ земло; ⁶ с пропущено; ⁷ а от; ⁸ реки; ⁹ желныри; ¹⁰ што пропущено; ¹¹ хотятят; ¹² ратных людей; ¹³ ко пропущено; ¹⁴ ефейским; ¹⁵ ярлычке; ¹⁶ отдати; ¹⁷ собя; ¹⁸ Селивестра.

И Василей воевода сказал: яз де обещался по своей крстьянской вере душёю своею богу так и ему благочестивому государю до веку своею служить, потому што у всех де у нас хрстьян ¹ во всём свете один православной государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии самодержец. И против де ² обещанья моево ³ служба моя и не дохаживала к нему, государю, а он де, государь, призирает меня сво им жалованьем. Дивлюся де ⁴ тому, по какому извещенью такая ево государева милость?

И я, государь, сказал: царёво сердце в руке божии, где твоё обещанье богу радеть и добра хотеть великому государю нашему ево царскому величеству, тут и извещение о твоём желании ему государю. И вся конца вселенныя ⁵ непремолчно, благодарят великово ⁶ государя нашево ево царское величество — единого хрстьянского ⁷ царя и непорочныя ⁸ истинныя веры хранителя!

И Василей, государь, воевода встал и, на образ Спасов смотря, молился за великово государя нашево ево царское величество и за благоверного царевича и великого князя Алексея ⁹ Михайловича и обещанье своё вспоминал: должен де з духовным чином и ¹⁰ со всеми хрстьяны ¹¹ за нево ¹², великово ¹³ государя, бога молити ¹⁴ и во веки ему, государю, работать.

И мне, государь, сказал: пиши де к великому государю, што жить де тебе у меня в Молдавской земле ¹⁵ до ево государева указа. И какие де будут вести и яз де учну ко ¹⁶ государю писати ¹⁷. А турской де дожидает от государя послон, и што де в те поры об'явитца и мне де ведом ¹⁸ будет.

А коли де великий государь ево царское величество для такова дела изволил ко мне тебя ¹⁹ прислать — и не токмо де в котором государстве какие вести, хотя де лист потрясётца ²⁰ и мне де ведом ²¹ будет.

А приказано де у меня о тебе Исаю Остафьеву (⁸), и што де какое дело надобно — и ты де с ним ²² говори.

И ноября ж ²³, государь, в двадцать вторый ²⁴ день сказывал мне Исая Остафьев: велел де Василей воевода сказать, посылает гонца ко ²⁵ государю к Москве и ²⁶ пишеть де: бьет челом на государеве желованье ²⁷ и о приезде моём пишеть.

Да ведом де, государь, ныне есть, што турской царь на христов день (⁸) выдет ²⁸ ис Царягорода; а итять де ему в свой город Адранополе ²⁹ к Дунаю ³⁰, ис Царягорода три дни ходу. И я, государь, спрашивал для чево идет? И он сказал: прежние де цари в тот город хаживали, а войско с ними только цареградское бывает. А только де быть у них с кем войны, и в том де городе ратных людей пересмотря, сами ходят или посылают ково. А покамест де государевы послы будут в Царегороде и до тех де мест не часть ³¹ ничево.

А про Озов, государь, говорят, што де казаки ныне засели (¹⁰). А те де вести в Ясах ³² от турчан и из ыных мест и ³³ Василей де послал в Озов для подлиннаго ³⁴ ведома.

Да сказывал, государь, мне Офонасей ³⁵ греченин: (¹¹) которая де государева грамота с ним, Офонасьем ³⁶, к Василью воеводе прислана, как он со мною отпущон ³⁷, и тое де государеву грамоту Василей в Царьгород послал.

И што ³⁸, государь, впредь ³⁹ об'явитца — учну писати ⁴⁰.

На л. 1 об. адрес: Государя царя и великого князя Михаила Фёдоровича всеа Русии боярину Фёдору Ивановичю ⁴¹. Отметка о получении: 151 году, декабря 26 дня подал. Автограф. Расшифровка письма на л. 6—8, адреса — на л. 6 об.

¹ хрстьян; ² и против де повторено дважды; ³ моего; ⁴ де я; ⁵ вселенныя; ⁶ великого; ⁷ едина хрстьянского; ⁸ непорочные. ⁹ Алексея; ¹⁰ и пропущено; ¹¹ хрстьяны; ¹² него; ¹³ великого; ¹⁴ молить; ¹⁵ земли; ¹⁶ ко пропущено; ¹⁷ писать; ¹⁸ ведомо; ¹⁹ тебя; ²⁰ потрясётца; ²¹ ведомо; ²² Ысаем и; ²³ же; ²⁴ фторый; ²⁵ ко пропущено; ²⁶ и пропущено; ²⁷ жалованьи; ²⁸ выдет; ²⁹ Драпополе; ³⁰ Дунцю; ³¹ чаять. ³² Ясет; ³³ а; ³⁴ подленаго; ³⁵ Офанасей греченин; ³⁶ Офанасьем; ³⁷ отпущен; ³⁸ что; ³⁹ вперед; ⁴⁰ писать; ⁴¹ адрес зашифрован.

№ 2

А. Л. Ордин-Нащокин Ф. И. Шереметеву

30 декабря 1642 года

Государя царя и великого¹ князя Михаила Фёдоровича всеа Русии боярину Фёдору Ивановичю Офонька Нащокин челом бьёт.

В нынешнем, государь, во 151 году декабря в пятый надесять² день писал я к государю против посольсково отпуску в Посольской приказ. А к тебе, государеву боярину, по государеву указу писал о вестовых делах з греченином с Кирилом Юрьевым, что в Ясе³ ведом про то подлинно⁴. Озова казаки не взяли, а литовских воинских людей в зборе ни в котором литовском городе нет.

И после, государь, тово декабря ж⁵ в шестыи надесять день пришли в Яса ис Крымю литовской и крымской послы. И я проводывал, для чево ходил литовской посол в Крым и крымской о чом⁶ идёт в Литву? И мне, государь, ведом учинился: был преж⁷ нынешнего⁸ крымсково посла в Литве крымской посол два годы, а литовской в Крыме был многое время. И нынешней де литовской посол сево лета шол в Крым для тово, што послы в Литве и в Крыме позадержаны и впредь бы ссоры не было.

А крымской де посол с литовским ныне идёт к королю для тово, что де⁹ сее осени шли с Москвы в Крым послы государевы и крымской, которой был на Москве, и литовские де казаки крымсково посла и людей ево побили и государева де посла⁽¹²⁾ и людей пограбили и казна, што с ними была, всее взяли.

И я, государь, то сведав, говорил Исаю Остафьеву, штоб¹⁰ он Василья воеводу¹¹ доложил: велел бы мне перед собою быть. А про то б¹² Василей воевода ведом от себя¹³ в Царьгород учинил, слыша про крымские вести, што литовские люди послов побили и казну поимали. И за тем с Москвы в Царьгород послом отпуск продлитца, что от литовских людей проезд де страшен; штоб¹⁴ то ведаая, турской не отчаял бы тово, што послом государевым у нево быть и ведал бы то, што за какою ссорою продлитца.

И декабря, государь, в девятый надесять¹⁵ день Исай Остафьев мне сказал: Василью де воеводе он извещал, што слышат от послов, которые ис Крымю в Литву идут, какая учинилась¹⁶ ссора. И Василей де воевода ему Исаю сказал, а велел мне сказать: то де слышал¹⁷ и я, что подлинно¹⁸ литовские люди послов побили и казну поимали. А што де ведом в Царьгород учинить про то дело, штоб¹⁹ чаяли впредь — одноконешно будут государевы послы в Царьгород, и яз де к везирию отпишу подлинно²⁰. А мне де то самому гораздо²¹ надобно и для себя писать, штоб де мне в ложь не поставили, что²² государевых послов долго в Царьгород нет и надеялись²³ бы што будут.

И декабря ж²⁴, государь, в двадесять третий день приехал ко мне Исай Остафьев и сказал: велел де Василей воевода к себе мне быть. И я, государь, тово же числа у Василья воеводы был и ему говорил, штоб²⁵ велел проведать: у краковсково гетмана корунново и в литовских городех нет ли в²⁶ зборе где ратных людей? И ныне ссылка для чево у литовсково короля с крымским? И не советуют ли какова дурна к земле царства Московсково?²⁷

И Василей воевода сказал: идет де крымской посол с литовским послом к королю для тово, што де ты ко мне с Ысаем приказывал. А советовать де литовскому королю с крымским нечево к Московскому царству никакова дурна — рат²⁸ де литовской король, штоб²⁹ крымской я самово ево не воевал. Пишут де ко мне ныне из Литвы гетманы³⁰ корушной и польной⁽¹³⁾, штоб³¹ де мне ведом им учинить не учнет ли крымской воевать литовской земли?

¹ великово; ² 15; ³ Ясех; ⁴ подлено; ⁵ же; ⁶ чем; ⁷ преже; ⁸ нынешняго; ⁹ де пропущено; ¹⁰ штобы; ¹¹ так в подлиннике; ¹² бы; ¹³ собя; ¹⁴ чтобы; ¹⁵ 19; ¹⁶ учинилась; ¹⁷ слышал; ¹⁸ подлено; ¹⁹ штобы; ²⁰ подлено; ²¹ горазно; ²² што; ²³ надеялися; ²⁴ же; ²⁵ штобы; ²⁶ в пропущено; ²⁷ дурна на Московское государство; ²⁸ рад; ²⁹ штобы; ³⁰ гетман; ³¹ чтобы.

И яз ¹ де к ним писал, што люди мои в Крыме есть, а как ко мне будут и мне де в те поры о том ведом будет.

А душу де я и веру дал богу и благочестивому государю одному, што во всём служить и оберегать ево государева здоровья ото всех государств и ведом ему государю чинить о всяких делах и помогать де рад головой своей ².

И я, государь, сказал: которые владетели были преже тебя в Молдавской земле ³ и раденье их и служба к великому государю нашему ево царскому величеству не бывала. А как тебя ⁴ бог избрал на владетельство ⁵ Молдавские земли и ты по своей правдой вере, как настоит православным государям ⁶, показал своё раденье и совет к великому государю нашему ево царскому величеству. И то твоё раденье государю нашему ево царскому величеству ведомо и надеятца ⁷ на тебя и впредь, что ты ево государеву здоровью и ево государева российсково царствия православным крестьяном учиёшь добродейные чинить, поборая по христианской ⁸ нашей истинной вере. И не токмо в своей земле ⁹ врага московскому царствию не хочешь слышать ¹⁰ и ты и бессерменскую ¹¹ злобу хочешь своим раденьем и промыслом укротить, а проваславных ¹² христиан ¹³ от их агарянскова ¹⁴ насилия ¹⁵ беспечальных хочешь видеть.

А которые во окресных государствах ¹⁶ короли совет содержат и приклоняютца к великому государю нашему ево царскому величеству, а великий государь наш ево царское величество так им не верит, што тебе, потому што ты единовверен — истинные ¹⁷ наши крестьянские веры. А те короли по своим розным верам, как веры их не пристоят к нашей православной вере ¹⁸, потому их и правда явна.

Тебе ведомо, Василью воеводе, как литовской король крест сам целовал ¹⁹ великого государя нашего при его царского величества великих послах. И Польские Коруны и Княжества Литовсково ²⁰ всё духовенство и рады паны утверженье вечное учинили, што быть миру и покою меж обоих великих государств неподвижно навеки (¹⁴). И тое свою правду только на письме держат, а делом ни в чём не исправляют: великого государя нашего ево царского величества путимские многие земли позасели и острошки после тово мирново утверженья поставили. И за тое свою неправду сами ж ²¹ хотят войну всиянать; делают по неслуханному ²² варварскому обычаю, чевон не ведётца меж крестьянских государей ²³.

И Василей воевода сказал: как де мощно ныне та обида потерпеть, штоб ²⁴ де наперёт ²⁵ то дело зделать, што зачато ²⁶ — с турецким царём мир довершить. Яз де дожидаю ис Царягорода к себе своево боярина, а приказано де у меня о всём подлинно ²⁷ росмотреть и доведатца ²⁸, што для утверженья миру почесть учинить везирию. А как де ко мне приедет тот боярин и яз ²⁹ де пошлю тот час к великому государю и то де прикажу, чтобы росказал послом, што им говорить царю и везирию. Яз ³⁰ де о том ведом дам, ведая турской прав, а московские люди тово де не знают: иное надобно смирно говорить, а к иному и жестоко надобно, штоб де не во всем потдаватца ³¹.

А ныне де я писал к везирию, которой больши всех власти имеют ³², што государевы послы будут в Царьгород к лету, а ³³ по весне как вода вскрыетца с Москвы пойдут. А мотчанье де ³⁴ им ныне стало за тем: литовские казаки послов крымских побили, кои с Москвы в Крым отпущаны ³⁵. Да с чаушом ³⁶ де турецким (¹⁵) государева грамота послана была в Царьгород и тот де чауш ³⁷ с теми ж ³⁸ послы ехал и только де сам упол от литовских людей, а што де с ним было — всё пограблено. И я де чаю, што и тое государеву грамоту литовские люди взяли. И по тому де моему письму царю турецкому и везирию ведомо будет, што государевы послы одноконешно будут.

А надобно, штоб де от меня подлинново ³⁹ о всём ведома дожждать на Москве послом. А то де ведомо, што турской и сам миру укрепленья дожидает с великим государем, а

¹ я; ² своєю; ³ земли; ⁴ тобя; ⁵ владетельство; ⁶ государем; ⁷ надеятца; ⁸ крестьянской; ⁹ земли; ¹⁰ слышет; ¹¹ бесерменскую; ¹² православных; ¹³ христиан; ¹⁴ агарянсково (мусульмансково); ¹⁵ насилия; ¹⁶ государствах; ¹⁷ истинные; ¹⁸ веры; ¹⁹ целовал; ²⁰ литовсково; ²¹ же; ²² несмытаному; ²³ господарей; ²⁴ штобы; ²⁵ наперёд; ²⁶ зачато; ²⁷ подленно; ²⁸ доведётца; ²⁹ я; ³⁰ я; ³¹ поддаватца; ³² имеет; ³³ и; ³⁴ ди; ³⁵ отпущены; ³⁶ чеушем; ³⁷ чеуш; ³⁸ же; ³⁹ подленново.

укрепясь ¹ хочет де ити или послать на литовсково. А крымской де и за то на лето учнёт воевать, што посла крымсково литовские люди убили и казну взяли. И ныне де для тово посол крымской х королю пошол, штоб² король тое казну пограбленную всее заплатит и за тех побитых людей платил даньгами.

А про себя, государь, молвил Василей воевода: только де изволит бог и впредь быти мне в Молдавской земле ³ и покамест де я жив — праведному ⁴ государю слуга. И о миру с турским царём укрепление всегда де рад держать. А крымской де в руках у турсково — только де крепок будет турской, не может де крымской ничево учинить (¹⁶). А и малое де што будет и от меня де не может ништо утайтца.

А с литовским де королём лёжечи ⁵ я играю. И нрав де литовской таков: правды оне так не держатца, как страсти берегутца. Страшен де ныне добре король, што де я мир чиню меж великово государя и турсково царя.

А миру де постоянно и впредь с Литвою быть не уметь, што де Литовское государство безначально — главы нат ⁶ собою не имеют: великие люди короля не слушают, а середние люди великих не блюдутца. И ⁷ в таком де непостоянстве где быть правде?

Да у меня, государь, спросил Василей воевода: и за тое де литовскую неправду хочет ли великий государь своих ратных людей посылать и тое занетую ⁸ землю своей ратью очищать? И я, государь, сказал: великий государь паш ево царское величество никак тово не учинит, што послать своих государевых ратных людей и кроволитие учинить. А по ево государеву указу о той спорной земле ⁹ с'езжаютца ¹⁰ ево государевы думные люди с литовскими ¹¹ межевыми судьями и выговаривают их литовские неправды безо всякие зацепки и задору, правдою.

А коли от литовские земли война и будет и великий государь наш ево царское величество во все окресные государства их литовскую неправду и в креслом целованье ¹² их нарушенье пошлёт об'явить, штоб ¹³ во всех государствах та их неправда была явна и ¹⁴ ведома.

А твоё, Василья воеводы, раденье и вспоможенье великому государю нашему ево царскому величеству ведома.

И Василей воевода сказал: где ни услышу де какое дурно к ево царскому величеству, или што де мне укажет ¹⁵ ево царское величество и яз де готов ему, государю, головой своей ¹⁶ служить. Только б де нынешнее дело с турским довершить, а с Литвою де о той земле ¹⁷, чаю милости божьей ¹⁸, всё исправитца по ево государеве благочестивой вере.

А ныне де я посылаю боярина своево верново Исаю Остафьева в Литовскую землю к гетману польному на свадьбу, а тут де будет краковской корунной ¹⁹ гетман и Вишневецкой князь. А для де тово и посылаю ево, Исаю Остафьева, штоб ²⁰ повыведасть их мысли: как оне учинят о путимской земле ²¹ и о всяких делах, которые надобны царскому величеству ведать.

И как де приедет Исай от литвы и боярина де ис Царьгорода дожду и яз де учну о том писать к великому государю.

Да писал, государь, я в прежних своих отписках, што та государева грамота, которая к Василью воеводе прислана с Офонасьем греченином, которой со мною с Москвы отпущон ²², послал Василей воевода в Царьгород. А сказывал мне тот же ²³ Офонасей ²⁴. И ныне, государь, мне сказывал Исай: писал де от себя ²⁵ Василей воевода к царю и к везиру ²⁶, а тое де государевы грамоты не послал.

А поехал, государь, Исай в Литву декабря в двадесять восьмий ²⁷ день.

И што, государь, впредь ²⁸ каких вестей об'явитца и я учну писать.

Автограф. Расшифровка на л. 43—50

¹ укрепяся; ² штобы; ³ земли; ⁴ а праведному; ⁵ лёжачи; ⁶ над; ⁷ А; ⁸ занятую; ⁹ земли; ¹⁰ с'езжаютца; ¹¹ людьми с добавлено; ¹² целованьи; ¹³ штобы; ¹⁴ явна и пропушено; ¹⁵ укайжет; ¹⁶ своею; ¹⁷ земли; ¹⁸ божий; ¹⁹ карунной; ²⁰ штобы; ²¹ земли; ²² отпущен; ²³ тоже; ²⁴ Офонасей; ²⁵ себя; ²⁶ везиру; ²⁷ 28; ²⁸ вперёд.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Федор Иванович Шереметев (1573—1650 гг.) — крупный политический деятель при дворе Михаила Федоровича. В 1642—1645 гг. возглавлял приказ Большой казны, являлся «тайнейшим и начальнейшим боярином в царстве» и почитался первым дипломатом. По его заданию кроме А. Л. Ордина-Нащокина, отправленного в Молдавию, в 1643 г. для сбора сведений в Европу был командирован придворный врач В. Сибелиста.

При царе Алексее, с приходом к власти боярина Б. И. Морозова, Ф. И. Шереметев попадает в опалу и отстраняется от участия в государственных делах. См. А. Барсков в. Род Шереметевых, т. 1, СПб., 1881, стр. 446; т. 3, СПб., 1883, стр. 163, 230, 242, 256—258; С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII века. М., 1946, стр. 25.

(2) Густынский (Густенской, Густеньской, Густыской) православный монастырь в Прилуках на Украине. См. «Летопись монастыря Густынского». М., 1848.

(3) Илья Торский. См. «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею». (Далее — Акты ЮЗР), т. 3, СПб., 1861, стр. 59.

(4) Иеремия Вишневецкий (Еремей Вишневецкой) (1612—1651 гг.) староста перемышльский, каневский и праснышский, воевода русский. Крупнейший магнат Речи Посполитой: только на Левобережье Украины ему принадлежали города Полтава, Хорол, Лубны, Прилуки, Золотоноша, Пирятин, Лохвица, Ромны, Глинск и др. и около сотни сел. По инвентарю 1641 г. в его имениях числилось 39 837 крепостных хозяйств, с населением 288 450 чел. См. А. И. Баранович. Украина накануне освободительной войны середины XVII в. М., 1959, стр. 128, 146; «Воссоединение Украины с Россией», т. 1, М., 1954, стр. 447, 479, 495.

(5) Великий пост в 1643 г. приходился на февраль — март месяца.

(6) Мелентий — митрополит греческого города Эфеса (Малая Азия). В Москву прибыл 16 января 1643 г. См. Дела молдавские, 1642, д. 2, л. 19 об.

(7) Богдан Минич Дубровский был помощником Ф. И. Шереметева. 4 апреля 1643 г. пожалован в казначеи и думные дворяне; работал в Казенном приказе до 1661 г. Выполнял отдельные дипломатические поручения — ездил в Молдавию послом к Василию Лупу. См. П. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. 4. СПб., 1857, стр. 396; Акты ЮЗР, т. 3, стр. 50; С. К. Богоявленский. Там же, стр. 70; Дела молдавские, 1640, д. 1.

(8) Исая Астафьев (Остафьев) — «главный администратор», доверенное лицо господаря Василия Лупу. Неоднократно бывал в Москве с посольскими поручениями. Был сторонником сближения и дружбы с Россией. См. Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв. — «Ученые записки МГУ», вып. 94, т. 2, М., 1946, стр. 65—66; Дела молдавские, 1642, д. 3; 1643, д. 3, л. 11—12; Акты ЮЗР, т. 3, стр. 56—57.

(9) 25 декабря 1642 года.

(10) В 1641 г. после 4-х лет героической обороны донские казаки по распоряжению русского правительства оставили Азов, захваченный ими в 1637 г. В Москве не желали тогда войны с Турцией и всячески сдерживали активность казаков. Этим именно объясняется повышенный интерес А. Нащокина к событиям на Дону и его спешная информация царю, оказавшаяся ошибочной, о новом захвате донскими казаками Азова в 1642 г. См. Н. А. Смирнов. Там же, стр. 75—80.

(11) Афанасий Иванов — посол Василия Лупу, доверенное лицо Исая Астафьева, через которого «главный администратор» держал связь с Москвой. См. Дела молдавские, 1640, д. 2; 1641, д. 2; 1642, д. 9; 1643, д. 1.

(12) 21 сентября 1642 г. в Крым был послан Борис Васильевич Приклонский. Нападение казаков на посольский поезд Приклонского и ехавших с ним крымских и турецких послов произошло 13 ноября на р. Тор. См. Дворцовые разряды..., т. 2, СПб., 1851, стлб. 694; Н. Бантыш-Каменский. Переписка между Россией и Польшею..., ч. 3, М., 1862, стр. 124.

(13) Польский гетман Николай Потоцкий (ум. в 1651 г.) — воевода брацлавский, крупный магнат Речи Посполитой, активный участник борьбы с восставшими казаками в 30-х годах XVII в. Станислав Конецкий (1591—1646) — каштелян краковский, великий коронный гетман. Один из богатейших магнатов Речи Посполитой, владелиц 170 городов и местечек, 740 сел и деревень на Украине. См. «Воссоединение Украины с Россией», т. 1, стр. 245, 345, 359, 418, 498, 499.

(14) Речь идет о Поляновском мирном договоре 1634 года.

(15) Чауш (чуш) — турецкий дипломатический посланник. Им был в Москве Хуссейн. Прибыл в Москву 7 сентября, а 20 сентября отпущен из Москвы в Крым с посольским поездом Приклонского. См. Дворцовые разряды..., т. 2, стлб. 691, 693; А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами..., стр. 311.

(16) Василий Лупу, а за ним и А. Л. Ордин-Нащокин явно преувеличивают зависимость крымского хана от политики турецкого султана. См. А. А. Новосельский. Там же, гл. 7, §§ 2—3.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

И. Б. ПЕРЦИГЕР

ДОМБРОВЦЫ В ПОЛЬСКОМ ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ

В антифашистском движении Сопротивления в годы второй мировой войны активное участие принимали поляки — бойцы Интернациональных бригад в Испании¹. Большинство из них сражалось в бригаде им. Ярослава Домбровского.

В сентябре 1939 г., после нападения гитлеровской Германии на Польшу, находившиеся во французских концлагерях домбровцы обратились к правителям Польши с просьбой принять их в польскую армию. 15 сентября для проведения регистрации добровольцев прибыли два представителя польского консульства из Тулузы. Но было уже поздно².

В начале Великой Отечественной войны на территории СССР находилась большая группа польских граждан, участвовавших в войне в Испании. Они обратились к Генеральному секретарю Исполкома Коминтерна Г. Димитрову с просьбой разрешить им участвовать в войне против гитлеровцев. Их просьба была удовлетворена. Группа домбровцев в составе 90 человек готовилась к участию в войне в специальном центре в районе станции Сходня Московской области. После этого они были направлены в Польшу, в тыл гитлеровской армии³.

Примерно в это же время находившиеся на территории СССР польские коммунисты-эмигранты М. Новотко, П. Финдер, Я. Турлейский и домбровцы Я. Александрович, А. Мицал, П. Каргин и др.⁴, возвратились на оккупированную гитлеровцами польскую землю. После переговоров с членами подпольных коммунистических групп в начале 1942 г. была образована Польская рабочая партия (ППР). Это явилось началом нового этапа в развитии польского рабочего движения и освободительной борьбы польского народа.

С момента своего создания ППР приступила к организации народных вооруженных сил — Гвардии Людовой (ГЛ). Был создан Главный штаб ГЛ⁵. ППР потребовались опытные военные специалисты. Часть из них можно было найти среди домбровцев, находившихся во Франции. ППР установила с ними связь, и многие стали прибывать в оккупированную гитлеровцами Польшу уже весной 1942 г. «...Во время второй мировой войны, — вспоминает домбровец, в дальнейшем командир ГЛ, Ф. Ксенжарчик, — закаленные в сражениях домбровцы, частью контуженные, с еще невывлеченными ра-

¹ Об участии поляков — бойцов интернациональных бригад в гражданской войне в Испании см. «Polacy w wojnie hiszpańskiej (1936—1939)», Warszawa, 1933; «Wojskowy Przegląd Historyczny», 1967, № 3.

² S. A j z n e r. Dąbrowszczacy w walce z hitleryzmem w latach 1939—1945. — «Wojsko ludowe», 1961, № 9, s. 42.

³ «Za wolność i lud», 1966, № 1, s. 8.

⁴ M. M a l i n o w s k i. Grupa inicjatywna PPR. — «Z pola walki», 1965, № 4, s. 61.

⁵ Территория Польши была разделена на 6 округов, подчиненных штабу. В округ I входили районы: город Варшава, Левая Подмейская, Правая Подмейская. Командиры этих районов находились в непосредственном подчинении Главного штаба. Округ II — Люблинский, округ III — Радомско-Келецкий, округ IV — Краковский, округ V — Силезский, округ VI — Лодзинский.

нами, разными дорогами возвращались на измученную родину, чтобы снова выступить против того же врага, на сей раз в защиту своей родной земли»⁶. Путь из Франции в Польшу был очень трудным. В Париже, в мастерской Романа Мельхиора, домбровцев снабжали поддельными документами, чтобы они могли пробраться в Польшу. На пути из Франции в Польшу, в Германии, были арестованы и расстреляны Юзеф Грушка, Станислав Ульяновский и другие. В Варшаве многие домбровцы останавливались на конспиративной квартире по ул. Винцетого, 30, кв. 8⁷. Всего из Франции в Польшу пробралось около 40 домбровцев⁸. Прибытие домбровцев влило новые силы в освободительную борьбу польского народа. В одном из первых приказов Главного командования ГЛ от 10 июля 1942 г. говорится: «Гвардейцы, идите вслед за теми, кто пять лет тому назад оставил страну и после больших трудов добрался до Испании, чтобы пролить свою кровь в борьбе с врагом, угнетающим сегодня нашу Родину. Их дело бесценно. Внуки и правнуки наши будут слушать о них героические легенды. Вы сегодня подвигались на такое же важное дело, как и домбровцы. Сегодня вы сражаетесь на собственной земле за свою свободу»⁹.

Первой отряд I округа ГЛ под командованием члена ППР Ф. Зубжицкого отправился из Варшавы в Петровские леса. Военным советником отряда был домбровец Юзеф Мрозек¹⁰. «Вы сражались в Испании, — сказал Генеральный секретарь ЦК ППР М. Новотко, — у вас опыт борьбы; вы должны повести отряд на боевые действия»¹¹. В первом бою, под Полихнем, Мрозек был ранен. Это сражение стало сигналом к вооруженной борьбе польского народа с гитлеровцами.

Командиром ГЛ города Варшавы был бывший врач батальона им. Мицкевича Хенрик Стеренхель. Он возглавлял группу ГЛ, которая 23 апреля 1943 г. уничтожила в Варшаве на улице Фрета автомашину с гитлеровцами. Это был ответ ГЛ на варварскую расправу гитлеровцев с населением Варшавского гетто. В 1943 г. Стеренхель участвовал в распространении первомайских листовок, а в июле 1943 г. руководил нападением на отряд гестаповцев в Варшаве¹². Стеренхеля выдал в руки гестапо провокатор, и он был расстрелян фашистами в варшавской тюрьме Павяк¹³. После гибели Стеренхеля командиром ГЛ города Варшавы стал домбровец Ф. Ксеянжчик.

Командиром ГЛ района Левая Подмейская был Антоний Грабовский (Черный Антек). Под руководством Грабовского в августе 1942 г. было организовано крушение поезда на линии Варшава — Вена. В ноябре 1942 г. партизаны отряда Грабовского пустили под откос поезд на линии Скерневицы — Колюшки¹⁴. В октябре 1943 г. Грабовский организовал нападение на гминное управление в Лубянке.

Командиром ГЛ района Правая Подмейская был домбровец Юзеф Домбровский (Гишпан). Под его руководством в г. Станиславе партизаны уничтожили полицейский участок, почту и гмину¹⁵. Домбровский был арестован гестапо 16 июля 1943 г. в Варшаве. Погиб он в Павяке. «Домбровский, — пишет активный участник партизанского движения в Польше Зыгмунт Душиньский, — был преданным делу партии ра-

⁶ F. K s i ę ż a r c z y k. Droga w ogniu. Warszawa, 1964, s. 166.

⁷ Ibid., s. 181.

⁸ «Polacy w wojnie hiszpańskiej», s. 83.

⁹ W. S u l e w s k i. Dąbrowszczyacy. — «Za wolność i lud», 1966, № 8, s. 10.

¹⁰ Ю. Мрозек — сын бедного крестьянина из Жешовского воеводства. В молодости участвовал в революционном движении в Польше. В 1937 г. нелегально перешел границу Чехословакии и пробрался в Испанию, где командовал первым батальоном им. Домбровского. В ноябре 1941 г. Мрозек вернулся в оккупированную Варшаву. Был членом Главного штаба ГЛ («Wspomnienia żołnierzy GL i AL». Warszawa, 1962, s. 24).

¹¹ Ibid., s. 25.

¹² «Komunikaty Dowództwa Głównego Gwardii Ludowej i Armii Ludowej». Dokumenty. Warszawa, 1961, s. 97, 108, 131.

¹³ S. S o w i Ń s k a (Barbara). Lata walki. Warszawa, 1957, s. 202.

¹⁴ Ibid., s. 199.

¹⁵ «Komunikaty Dowództwa...», s. 28, 41, 49.

ботником с большим боевым опытом, накопленным на фронтах Гражданской войны в Испании»¹⁶.

Для работы в Варшавском гетто партия направила домбровца Петра Картина¹⁷. Здесь он был известен под именем Анджея Шмидта¹⁸. Картин участвовал в организации ППР, всей душой был предан делу освобождения. Вместе со старым коммунистом Левартовским П. Картин много сделал для создания антифашистского блока в гетто. Об этом вспоминает коммунист Юзеф Барский¹⁹. Однако к началу восстания Анджея Шмидта уже не было в живых: он погиб в июне 1942 г. при попытке переправить за пределы гетто типографию, предназначавшуюся для ППР²⁰.

Гвардия Людова в 1944 г. была преобразована в Армию Людову (АЛ). Начальником оперативного отдела Главного штаба АЛ был домбровец Гжегож Корчиньский. Домбровец Хенрик Вожняк (Гишпан) был начальником отдела Главного штаба АЛ, руководил подпольной печатью. Во время Варшавского восстания Вожняк командовал отрядом АЛ. Третьим отделом Главного штаба АЛ руководил Павел Кузницкий. В Испании он был известен под именем Павла Шклинажа, командовал батальоном им. Домбровского.

На территории II округа, Люблинщине, действовал домбровец Стефан Кильянович²¹. Летом 1942 г. по (Гжегож Корчиньский) поручению Главного командования ГЛ он приступил к созданию первого в южной Люблинщине партизанского отряда. Вместе с домбровцем Кубатом (Кубусь) Кильянович создал отряд, который действовал в районе Красника. Летом 1942 г. он возглавлял отряд им. Тадеуша Костюшко²². 14 сентября этот отряд уничтожил железнодорожные сооружения на станции Шастарка и Жечяце. Движение было остановлено на 4 часа. На следующий день партизаны подожгли эшелон, груженный авиационными моторами, который следовал на Восточный фронт. Движение было остановлено на 30 часов²³. В Краснике партизаны напали на тюрьму и освободили 40 человек заключенных²⁴. 7 ноября 1942 г. отряд освободил 500 заключенных из лагеря Янышев. Были конфискованы из лагерной кассы 200 тыс. золотых²⁵.

В период выселения поляков из Замошцины ЦК ППР и Главное командование ГЛ создали Оперативную группу им. Тадеуша Костюшко. Командовал группой С. Кильянович, комиссаром был домбровец Юзеф Спира, секретарем ППР — домбровец Ян Славиньский (Тыф)²⁶. Оперативная группа приступила к боевым действиям в феврале 1943 г. К этому времени в ней насчитывалось 172 человека. Партизаны уничтожали линии связи, поджигали немецкие склады с продовольствием, карали фашистских при-

¹⁶ «Люди, факты, размышления», М., 1963, стр. 63.

¹⁷ П. Картин родился в 1912 г. в Лудке. В 1934 г. поступил в Варшавский университет. Для того чтобы попасть в Испанию, он переводится в Сорбоннский университет в Париже. В Испании, сражаясь в бригаде им. Домбровского, был ранен в ногу. В 1940 г. прибыл в СССР. В оккупированную Польшу вернулся 28 декабря 1941 г. вместе с М. Новотко.

¹⁸ В. M a r k. Walka i zagłada warszawskiego getta. Warszawa, 1959, s. 53, 77, 78.

¹⁹ J. B a r s k i. O niektórych zagadnieniach warszawskiego getta. — «Biuletyn Żydowskiego instytutu historycznego», 1964, № 49, s. 37.

²⁰ L. W a n t. Za murami Pawiaka. Warszawa, 1960, s. 222—223.

²¹ С. Кильянович родился в 1915 г. в семье рабочего в Варшаве. Получил среднее образование. Был членом революционной молодежной организации, сражался в Испании, участвовал в движении Сопротивления во Франции («Wspomnienia żołnierzy...», s. 204).

²² W. C z y ż e w s k i. Więc zarepetuj broń. Warszawa, 1964, s. 94.

²³ «Komunikaty Dowództwa...», s. 28.

²⁴ S. S o w i Ń s k a (Barbara). Rozszumiały wierzby. Warszawa, 1961, s. 58.

²⁵ «Komunikaty Dowództwa...», s. 54.

²⁶ Я. Славиньский родился в бедной крестьянской семье на юге Польши. Эмигрировал во Францию, где долгое время работал на шахтах, вступил в члены компартии Франции. В начале гражданской войны уехал в Испанию. Там он командовал ротой, был ранен. Участвовал во французском движении Сопротивления. В начале 1942 г. вернулся в Польшу («Gwardia Ludowa i Armia Ludowa na Lubelszczyźnie. 1942—1944». Źródła. Lublin, 1960, s. 56.

служников. Так, 23 марта 1943 г. в районе станции Звезинец было подорвано 2 паровоза и 10 вагонов, 7 апреля совершено нападение на вражеский эшелон и т. п.²⁷. Одновременно под руководством комиссара Ю. Спира партизаны развернули большую агитационную работу среди местного населения. Ю. Спира погиб 4 апреля 1943 г.²⁸ В марте 1944 г. на хуторе Казанув погиб Ян Савинский. В его лице ППР потеряла одного из пламенных пропагандистов своих идей в оккупированной гитлеровцами Польше.

К моменту создания ГЛ на севере Люблинщины, в Парчевских лесах, действовал отряд под руководством Федора Ковалева. Комиссаром отряда был домбровец Юзеф Бальцежак (Альманзор)²⁹. В декабре 1942 г. отряд разгромил гарнизон фашистов в городе Острове. В дальнейшем Бальцежак руководил боевой группой в Варшаве, там он и погиб.

Хорошо сражался также на Люблинщине отряд ГЛ домбровца Якуба Александровича (Аргентинчик, Алек)³⁰. В июле 1942 г. этот отряд захватил оружие и конфисковал деньги в сберкассе г. Ломазы. Под руководством Александровича была создана первая организация ППР в районе города Бяла Подляска. На счету отряда Александровича много разгромленных полицейских участков и взорванных эшелонов врага. Позднее Александрович был назначен командиром ГЛ Седлецкого района. В декабре 1943 г. он погиб от рук фашистов.

Активно сражался в рядах Гвардии, а затем Армии Людовой на Люблинщине домбровец Игнаци Борковский (Вицек)³¹. Сначала он возглавлял небольшой отряд партизан в Парчевских лесах. В феврале 1944 г. отряд Борковского вошел в состав первой бригады АЛ им. Люблинской земли. Борковский был назначен командиром батальона. В приказе командира Люблинского округа от 31 марта 1944 г. говорилось: «За боевые заслуги, организационную работу и обучение предлагаю поручика испанской армии Вицека назначить капитаном»³². Позднее Борковский командовал бригадой. Участвовал в самом крупном сражении партизан с гитлеровцами на польской земле, в лесах Яновских и Лицких. В этих боях, продолжавшихся с 10 по 25 июня, было уничтожено около 2 тыс. карателей³³. Три немецкие дивизии накануне летнего наступления Советской Армии в Белоруссии не попали на Восточный фронт, а были вынуждены бороться с партизанами. Командование Люблинского округа представило Борковского к ордену «Крест Грюнвальда».

В III, Радомско-Келецком округе действовал отряд под руководством домбровца Августа Лянге (Стах). Он принимал участие в нападении 30 ноября 1942 г. на сберегательную кассу в Варшаве, где было конфисковано в пользу подполья более 1 млн. злотых. В дальнейшем Лянге был назначен командиром III округа. Здесь же, в III округе, действовали домбровцы Антони Грабо夫斯基 и Людвик Готновский. В IV, Краковском, округе прославился домбровец Августин Мицал (Густав)³⁴. В январе 1942 г.

²⁷ Ibid., s. 55, 56.

²⁸ Ю. Спира родился в г. Хшанове. С 1930 г. участвовал в революционном движении. Был активным членом югославской компартии; в Испании был комиссаром, участвовал во французском движении Сопротивления. Вернулся в Польшу в конце 1942 г. («Wspomnienia botwinisty». Warszawa, 1964, s. 74—75).

²⁹ С 18 лет Бальцежак покинул Польшу, работал шахтером во Франции, вступил в компартию Франции, оттуда уехал защищать свободу Испании. В Испании получил звание офицера (K. S i d o r. Trzeci front. Warszawa, 1955, s. 138—141).

³⁰ Я. Александрович родился в 1909 г., в 16 лет уехал в Аргентину и там участвовал в революционном движении. В Испании сражался на разных фронтах. С 1940 г. Александрович находился в СССР. 4 января 1942 г. он вернулся в оккупированную гитлеровцами Польшу. Осенью 1942 г. был арестован фашистами, а в 1943 г. партизаны напали на эшелон, в котором гитлеровцы везли заключенных, и Александрович был освобожден. Погиб в декабре 1943 г. («Za wolność i lud», 1964, № 18, s. 10).

³¹ Рабочий из Минска-Мазовецкого, И. Борковский в 1936 г. уехал из Польши в Испанию. В 1941 г. из Франции прибыл в СССР. Он был в составе группы, которая уже в первые недели Отечественной войны переправилась в тыл к фашистам.

³² «Gwardia Ludowa i Armia Ludowa na Lubelszczyźnie...», s. 176.

³³ «Люди, факты, размышления», стр. 88—89.

³⁴ Августин Мицал родился в 1912 г. в Жешевском воеводстве, в семье бедного крестьянина. В Испании был комиссаром роты им. А. Мицкевича («Kazetomowcu». Zbiór szkiców i biograficznych wspomnień. Warszawa, 1963, s. 282).

он был переброшен в Польшу и приступил к созданию групп ППР. Мицал был первым секретарем ППР Жешовского района. В январе 1943 г. Мицал был арестован и отправлен в Освенцим. Там он участвовал в движении Сопротивления и погиб при попытке к бегству.

Домбровцы Антоний Грабовский (с января по апрель 1943 г.) и Ф. Ксенжарчик (с марта по август 1944 г.) командовали Краковским округом ГЛ и АЛ. Ф. Ксенжарчик сыграл большую роль в период образования так называемой «Пинчовской Республики» — партизанского края в Польше³⁵.

Первым командиром V, Силезского, округа был домбровец Станислав Лациньский (Томек). Здесь сражался домбровец Стефан Францишек (Роберт). Он прибыл в Польшу в апреле 1943 г. и был назначен представителем ЦК ППР в Силезии. Францишек установил связь с немецкими коммунистами. В документе гитлеровской полиции во Вроцлаве говорится: «Особенный интерес вызывает связь ППР с кругами КПГ. Главным руководителем был некий Стефан Францишек рождения 20 12 1900 в Торуне, он действовал под псевдонимом Роберт Франке и Функ»³⁶. Помимо этого на территории Польши сражались бывшие бойцы Интернациональных бригад в Испании: Ян Бельцер, Людвик Котас, Ян Ковалик, Станислав Лянгер, Вацлав Стец, Казимеж Сандецкий и др.

Домбровцы составляли значительную часть офицерского состава ГЛ. Польский народ не забыл о них. Ежегодно в день победы над фашизмом, 9 мая, командование Войска Польского обращается с призывом помнить тех, «кто впервые увидел угрозу фашизма, преградил ему путь в далекой Испании, под стенами Мадрида, домбровцев, героев Сюдад Университарья, Каса дель Кампо, Гвадалахары, Гуэско, Сарагосы, Эбро. Честь их памяти!»³⁷

³⁵ Ф. Ксенжарчик родился в 1906 г. в Хшановском повяте в семье рабочего. С молодых лет он был связан с революционным движением. Эмигрировал во Францию, где работал на шахте и вступил в компартию. В Испании командовал батальоном им. Мицкевича («Wspomnienia żołnierzy...», s. 407).

³⁶ «Polityka», 1966, № 5.

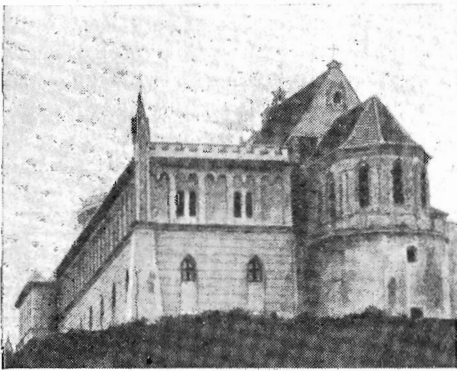
³⁷ Z. Z a ł u s k i. Przepustka do historii. Szkice o żołnierskich drogach czasu II wojny światowej. Warszawa, 1965, s. 373.

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А. И. РОГОВ

ЛЮБЛИНСКИЕ ФРЕСКИ 1418 ГОДА

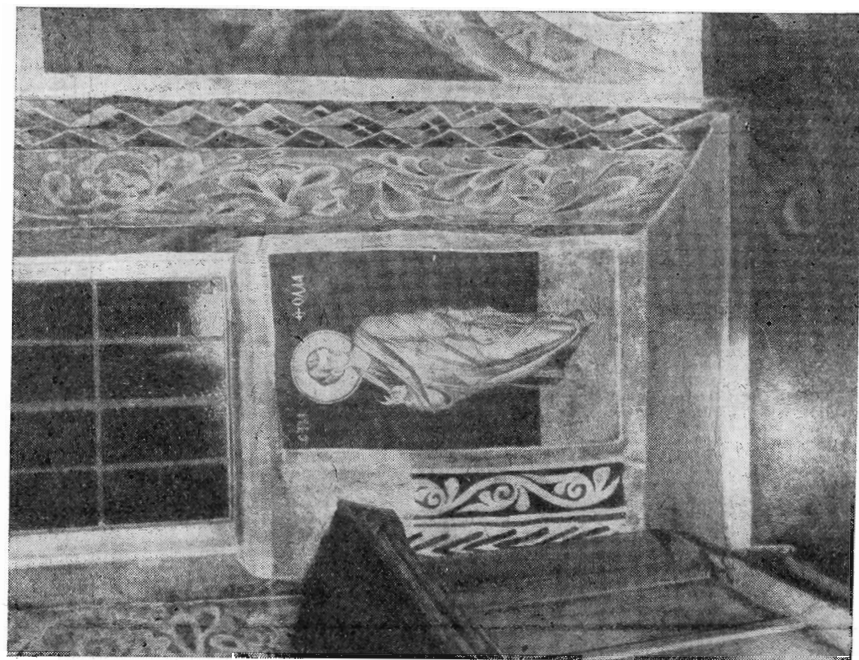
В центре Люблина, в знаменитом королевском замке возвышается костел Св. Троицы, сооруженный в 1395 г. польским королем Владиславом-Ягайло. Выросший в условиях господства русской культуры, бывший великий князь Литовский в 1418 г. призвал расписать костел своего замка мастеров из Руси. Как свидетельствует надпись, сохранившаяся на стене костела, во главе этих мастеров стоял мастер Андрей. Люблинские фрески были частично раскрыты из-под позднейших наслоений в 1899 г., а полностью в 1903—1914 гг. Эти фрески сразу же вызвали к себе живейший инте-

рес историков и искусствоведов. Подобно так называемым русским фрескам на Вавеле, в Вислице и в Сандомеже люблинские фрески являются одним из древнейших памятников украинского искусства и вместе с тем ярчайшим свидетельством русско-украинско-польских культурных связей в эпоху средневековья.

По своей архитектуре чисто готический костел (несколько перестроенный снаружи во второй четверти XVI в). ставил перед мастерами, воспитанными на традициях древнерусской живописи, сложнейшую задачу: сочетать совершенно незнакомую в древней Руси готическую архитектуру интерьера костела с ее чрезвычайно дробными непрерывно пересекаемыми пространствами, предназначенными для фресок, с принципами монументальной, рассчитанной на крестово-купольную конструкцию, системы росписи. Мастер Андрей блестяще и творчески решил эту задачу. Более того, особенности готической архитектуры позволили ему еще более углубить идейное содержание и сделать еще более тонким его художественное раскрытие. Андрей противопоставил в люблинский росписи мир небесный миру земному, но так, что не оторвал при этом один от другого. Соединяющим звеном для него послужила столь излюбленная в древней Руси композиция деисиса, т. е. моления. Обращенные к находящемуся в своде Пантократору святые в то же время незаметно сливаются в общей художественной композиции со всеми изображениями, размещенными по стенам костела. Между ними и Пантократором бескрайнее звездное небо.

Исключительное внимание было уделено сценам Страстей. Эти сцены в высшей степени насыщены бытовыми деталями. Особенно поражает в этом отношении сцена бичевания и осмеяния Христа. В ней мы видим музыкантов с инструментами XV в., шутов, стоящих на головах.

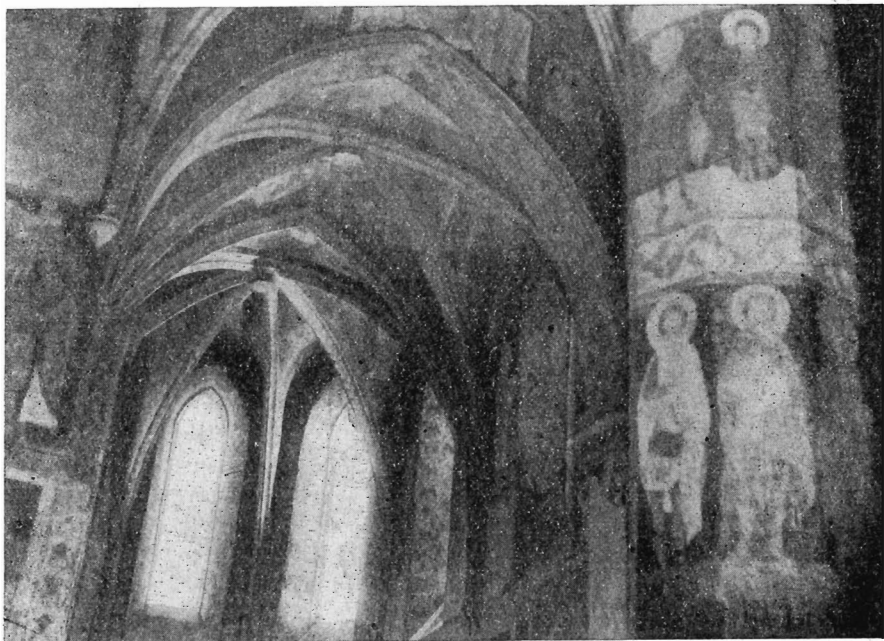
Обращает на себя внимание изображение на башне, ведущей на хоры костела. Тут мы видим короля Владислава-Ягайло, стоящего перед богородицею в окружении свя-

Апостол Фома

Фрески на столе и сводах костела

Интерьер костела

тых. Это изображение поражает своей близостью к аналогичным донаторским портретам в балканском искусстве. Вообще совершенно несомненно, что среди мастеров, работавших под руководством Андрея, были художники из Сербии, Болгарии и, может быть, Валахии. Именно их следует считать мастерами афонских святых, размещенных по стенам нефа костела. Но и среди «русских» (т. е. украинских) художников можно различить представителей нескольких художественных школ и традиций. Особенной утонченностью и изысканностью отличаются работы самого мастера Андрея. Ему, по-видимому, помимо рассмотренных выше главных изображений свода принадлежат композиции Сретенья, Богоявления и, может быть, Благовещенья. Вместе с тем мы видим на стенах люблинского костела несколько простоватые, выполненные с неповторимой непосредственностью, изображения ветхозаветной Троицы в виде трех юноней, сидящих за столом со скатертью, напоминающей украинские рушники. Фигуры их мелки, а красочная гамма очень пестра, напоминает скорее произведения народного искусства, чем работы искусственного живописца.

Во многом остававшиеся неразгаданными фрески люблинского костела были в 1930 г. впервые изучены и изданы недавно скончавшимся выдающимся польским историком искусства М. Валицким. Но и теперь еще многие композиции и тем более стилистический анализ их требуют кропотливой и тщательной работы ученых. В первую очередь возникает задача сопоставления памятников украинской иконописи, находящихся в хранилищах СССР, и в особенности в музеях Польши (Краков, Санок, Перемышль и т. д.), ибо только тогда будет вполне раскрыта богатейшая художественная жизнь украинских земель в XV в., находившихся на стыке культуры древней Руси, западных и южных славян. Самые предварительные работы в этом направлении уже показали, как близки некоторые изображения люблинского костела к иконам XV в., находящимся в музеях Санока.

Несомненно, что замечательные люблинские фрески не только всегда будут привлекать к себе внимание историков искусства, но и вызовут живейший интерес у всех интересующихся культурой славянских народов.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ДИМИТЪР СИРКОВ. В защита на Испанската република. 1936—1939. София, 1967, 270 стр.

Д. СИРКОВ. В защиту Испанской республики. 1936—1939

Болгарский историк Д. Сирков в течение длительного периода занимался проблемами движения солидарности болгарского народа с борьбой Испанской республики против фашизма и германо-итальянской интервенции в 1936—1939 гг. По этому вопросу он опубликовал ряд интересных статей. Итоги своего исследования Д. Сирков подвел в рецензируемой монографии. Автор использовал материалы фондов Центрального партийного архива при ЦК БКП, Центрального государственного исторического архива и Архива Министерства внутренних дел Болгарии (ныне Архив Комитета государственной безопасности), а также болгарскую прессу различных политических направлений, мемуары и другие источники.

Монография состоит из четырех глав. В первой рассматривается характер антифашистской войны испанского народа и ее международное значение. Вторая посвящена анализу отношения различных политических сил Болгарии к испанским событиям. Подробно в ней рассказывается о деятельности Болгарской коммунистической партии в поддержку Испанской республики. Третья глава содержит данные о болгарских добровольцах в Испании. В четвертой главе анализируется влияние борьбы испанского народного фронта на развитие антифашистского движения в Болгарии. К книге приложен список болгарских добровольцев в Испании, включающий 466 фамилий, причем автор раскрывает многие псевдонимы, под которыми сражались болгары на испанской земле. Весьма интересны также карты, показывающие участие болгарских добровольцев в гражданской войне.

Проблемы, рассматриваемые в работе, автор осветил достаточно глубоко и убедительно. На основании многочисленных документальных данных он показал, что сразу же после начала гражданской войны в Испании фашистское правительство Кьяосеиванова стало на сторону

мятежников и их покровителей — германо-итальянских интервентов. Оно запретило торговлю оружием с Испанской республикой, установило и расширило связи с мятежниками, запретило правдивую информацию об испанских событиях. Д. Сирков объективно осветил отношение некоммунистической оппозиции к войне в Испании. При анализе этой проблемы он столкнулся со значительными трудностями, так как сохранилось мало документов о деятельности буржуазных партий Болгарии после 19 мая 1934 г. Автор пришел к выводу, что за исключением некоторых крайне правых кругов буржуазная и мелкобуржуазная оппозиция придерживалась благосклонного нейтралитета к Испанской республике, не понимая предательской сущности политики невмешательства.

Большой интерес представляет анализ деятельности БКП — наиболее последовательного защитника Испанской республики в Болгарии. В книге приведены интересные данные о выступлениях в поддержку испанского народа представителей демократической интеллигенции, писателей и поэтов Л. Стоянова, Н. Вапцарова, М. Исаева, М. Грубешлиевой, К. Белева, С. Минкова (стр. 76—77, 89—90). К сожалению, этот материал автор не сконцентрировал в одном месте, что привело к неизбежным в таких случаях повторам.

Особенно детально Д. Сирков рассматривает вопрос об участии добровольцев-болгар в национально-революционной войне народа Испании. Несмотря на то что фактический материал пришлось собирать буквально по крупицам, в работе нарисована яркая картина прямой помощи болгарских революционеров героическому испанскому народу. Автору удалось собрать подробные данные о 334 добровольцах, определить социальное происхождение, профессию, партийность, степень их военной подготовки. Проведенный автором анализ свидетельствует о том, что добровольцы принад-

лежали к тем социальным слоям, которые подвергались фашистским насилиям. 70% их составляли коммунисты, 26,64% — беспартийные. Несколько добровольцев по своим взглядам были анархистами и социал-демократами. Значительная часть добровольцев прибыла в Испанию из СССР. Автор приводит малоизвестные данные о деятельности представительства БКП в Испании (созданного в мае 1937 г.), которое возглавил видный деятель партии Сыби Димитров, об участии болгар в формировании испанских и интернациональных частей, их работе в санитарной службе республики и в военной промышленности. В книге рассказывается о деятельности Карло Луканова (начальника центральной базы формирования интернациональных бригад в Альбасете), Георгия Михайлова (начальника отдела кадров этой же базы), Рубена Аврамова (руководителя школы политкомиссаров республиканской армии в Мадриде), Петра Коларова (руководителя отдела дирекции санитарной службы), Стойчо Маринова (начальника секции по производству артиллерийских снарядов Министерства обороны) и многих других.

Определенные трудности представляло выяснение участия болгар в боевых операциях. Дело в том, что в отличие от добровольцев других национальностей болгары не были сконцентрированы в определенных частях, а воевали в различных боевых подразделениях. Д. Сиркову пришлось поэтому рассказать о тех основных сражениях, в которых участвовали болгарские добровольцы: под Мадридом, Харамой, Гвадалахарой, Теруэлем и др. С большой симпатией пишет автор о мужестве болгар — бойцов и командиров испанских и интернациональных частей и соединений, многие из которых отдали свою жизнь за свободу испанского народа. Следует, однако, отметить, что в некоторых местах книги автор преимущественно занимается описанием общего хода той или иной битвы. Несмотря на это, книга богата конкретными данными, подтверждающими вывод о том, что

болгарские добровольцы с честью выполнили свой интернациональный долг.

Специально в монографии рассматривается и вопрос о воздействии испанских событий на антифашистское, демократическое движение в Болгарии. Автору удалось убедительно показать, что БКП широко использовала опыт народного фронта в Испании в своей борьбе за сличение антифашистских сил. Д. Сирков рассказал также о связях болгар-интернационалистов в Испании со своей родиной, об их помощи антифашистской борьбе в Болгарии, которая осуществлялась через действовавшую в Испании радиостанцию «Демократическая Болгария», бюллетень представительства БКП в Испании и другими путями.

Интересная монография Д. Сиркова не свободна, на наш взгляд, от некоторых недостатков. В частности, говоря о болгаро-добровольцах, автор далеко не всегда сообщает об опыте их революционной борьбы до прибытия в Испанию. Ничего не сказано о прошлой деятельности С. Димитрова, Г. Михайлова, Ц. Радойнова и многих других интернационалистов. Вызывает чувство неудовлетворенности отсутствие в монографии научного введения (автор ограничился крайне скатым предисловием). Нет обзор литературы по теме монографии и анализа использованных Д. Сирковым источников. Не ясно, почему автор не использовал ряда мемуарных работ¹. Возможно, они не дают новых сведений по сравнению с архивными и другими использованными автором материалами. Но в книге это никак не объясняется. Хотелось бы, чтобы в списке болгар-добровольцев было указано, какое служебное положение занимал каждый из них в испанской республиканской армии.

Разумеется, эти недостатки не снижают ценности труда Д. Сиркова.

¹ Например, Н. Маринов. Стоманията вззел. Спомени. София, 1955; В. Иванов. В концлагерите на Франция. София, Профиздат, 1961 и др.

Г. И. Черняевский

КНИГА О ЧЕХОСЛОВАЦКОМ ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ¹

Чехословацкие историки в своих монографиях и статьях осветили основные этапы национально-освободительной борьбы в Чехословакии и в первую очередь проблемы Словацкого национального восстания 1944 г. и Майского восстания в Праге 1945 г. Вместе с тем в изучении этой важнейшей темы новейшей истории Чехословакии имеется ряд пробелов:

в частности, отсутствуют серьезные работы о борьбе чешских коммунистов под руководством подпольного ЦК компартии Чехословакии в 1943—1944 гг. Этот пробел отчасти восполняется книгой воспоминаний одного из руководителей подпольного ЦК КПЧ Рудольфа Ветишка².

² Р. Ветишка, член КПЧ с 1921 г., член ЦК КПЧ с 1929 г., на VII съезде КПЧ был избран членом Политбюро КПЧ. После освобождения из гитлеровской

¹ R. V e t i š k a. Skok do tmy. Praha, 1966, 384 s.

К книге дано небольшое предисловие чехословацкого историка Ф. Беера, в котором он дает краткую и яркую характеристику личности мемуариста и показывает, какое большое место в истории коммунистического сопротивления занимает еще слабо изученная историками деятельность III подпольного ЦК КПЧ.

В первой части мемуаров автор подробно описывает свое возвращение из Москвы в Чехословакию весной 1943 г., куда он был послан московским руководством КПЧ для оказания помощи коммунистическому подполью. Описывая прощание со Швермой, который провожал чехословацких коммунистов на московском аэродроме, Ветишка вспоминает, как этот выдающийся деятель КПЧ говорил о том, что у чехословацких патриотов имеется великий союзник — Советский Союз. Указывает Ветишка и на братскую помощь, которую оказывали ему и его товарищам польские антифашисты. Рискуя своей жизнью, они помогали им добраться до границ Чехословакии.

Большой интерес представляют те страницы книги Ветишка, где он рассказывает о налаживании связи с рядом партийных организаций и ячеек на пражских заводах Колбенка, Валторовка, Рингоффера, Шкодовка и других в течение первых четырех недель нелегального пребывания в Праге.

Здесь же автор повествует о заводских коммунистах: Шнейдере, Матушке, Шефре и других, которые информировали Ветишка о подпольной борьбе чехословацких рабочих (стр. 83—115). Наглядно показывает автор, как резко изменилось настроение рабочих после побед Красной Армии. Они благодаря «победе Красной Армии под Сталинградом подняли головы, выпрямили походку...» (стр. 77). Особый интерес представляет глава, посвященная первой встрече Ветишка в Бероуне (под Прагой) с руководством III подпольного ЦК КПЧ. Его тогдашний руководитель Иозеф Молак рассказал Ветишке о всех перипетиях борьбы коммунистического подполья в течение последних двух лет. В свою очередь Ветишка познакомил руководителей чехословацких коммунистов с итогами побед Красной Армии на Волге и директивами московского руководства КПЧ на развертывание партизанской борьбы в стране — таково было содержание инструкции «О политической линии и самых ближайших задачах компартии Чехослова-

тии» в 1945 г. Ветишка в течение ряда лет был секретарем РК КПЧ в Страконнице и в Либерце. В последние годы он был ректором Высшей партийной школы при ЦК КПЧ. Умер Р. Ветишка 3 июля 1966 г. J. Novotný. Skok do tmy. — «Přispěvky k dějinám KSČ», 1966, № 4, s. 580.

тии», составленной 5 января 1943 г.³ (стр. 121—146).

Интересны и те страницы воспоминаний Ветишка, которые посвящены Иозефине Файмановой — брненской работнице и комсомолке 20-х годов, ставшей пламенной коммунисткой, самоотверженно более 4-х лет действовавшей в коммунистическом подполье в качестве инструктора ЦК КПЧ.

В мемуарах имеются и характеристики других героев коммунистического сопротивления: Вашека Курка, Карла Аксамита, Карела Выдра, ставших впоследствии членами III ЦК КПЧ.

Много места отводится в книге детальному изложению заседания III подпольного ЦК КПЧ 9 июля 1943 г. в Бероуне. На этом заседании было принято решение усилить саботаж и диверсии на производстве и на железных дорогах и еще более широко развратить партизанское движение на территории Чехии и Моравии. Широкое развитие партизанского движения, по словам автора, в то время стало возможным, благодаря изменению всей военно-политической обстановки в результате побед Советской Армии. Об этом свидетельствовал опыт партизанской борьбы в таких густонаселенных промышленных странах, как Франция, Голландия, Бельгия и др.

В своих мемуарах Ветишка сообщает и о деятельности центрального аппарата коммунистического подполья, который стремился к усилению конспирации путем децентрализации руководства и создания на местах в Праге, Пльзне, Брно и других районах сильных подпольных групп. Была создана также молодежная группа «Пршедвой», с руководителем которой Карлом Хиршлом Ветишка неоднократно встречался (стр. 220, 221). «Пршедвой» издавала коммунистическую литературу и после ареста III состава ЦК КПЧ сумела сплотить вокруг себя ряд подпольных организаций. С конца лета 1943 г. гестапо стало наносить коммунистическому подполью один удар за другим. Объясняет это автор, в частности, и тем, что в состав III ЦК КПЧ сумел пробраться опытный провокатор — Фила. В конце июня 1944 г. после ареста ряда членов и активистов III ЦК КПЧ был арестован и Ветишка.

В третьей части мемуаров автор описывает свое пребывание в гитлеровской тюрьме на Панкраце, тяжелые допросы в Печковом дворце; их вели палачи, которые за два года до этого мучили Юлиуса Фучика и убили Яна Зика — руководителей II подпольного ЦК КПЧ.

³ Инструкция московского руководства КПЧ, переданная Ветишкой III ЦК КПЧ устно, напечатана в приложении к книге (стр. 330—340).

Знаменательным является тот факт, что Ветишка одну из своих последних глав озаглавил «На востоке светает», в которой с горячей симпатией пишет о победах Советской Армии, приведших к окончанию второй мировой войны.

Книга Ветишки интересна для историков, в частности, и тем, что в приложении к ней опубликованы документы III подпольного ЦК КПЧ, в том числе и материалы 8 номера нелегального «Руде Право», вышедшего с конца июля 1943 г. по май 1944 г.

Она содержит также значительное количество фотографий деятелей всех трех составов подпольного ЦК КПЧ, а также ряд фотографий тех памятных мест, которые были связаны с деятельностью III ЦК КПЧ.

Безусловно, мемуары Ветишки, в которых ярко воссоздана обстановка самоотверженной борьбы чехословацких коммунистов с фашистскими оккупантами, передают читателям весь пафос героической эпохи и не могут не заинтересовать советских людей.

Ф. А. Молок

І. С. ДЗЮБКО. Розв'язання національного питання в Чехословаччині — закономірність будівництва соціалізму. Друге, доповнене та перероблене видання. «Наукова думка», Київ, 1966, 336 стр.

И. С. ДЗЮБКО. Решение национального вопроса в Чехословакии — закономерность строительства социализма

Рассматриваемая книга является вторым, дополненным и переработанным изданием работы, опубликованной в 1963 г.¹ Автор улучшил структуру книги, собрал и обобщил много новых материалов, поновому осветил ряд принципиальных вопросов, уточнил оценку отдельных событий и явлений. В книге И. С. Дзюбко показано, как Коммунистическая партия Чехословакии разработала программу по национальному вопросу применительно к условиям своей страны и осуществляла ее на практике, обогатив своим опытом сокровищницу марксизма-ленинизма. Автор рассказывает, как в настойчивой и непримиримой борьбе с оппортунистическими элементами в КПЧ победили ленинские принципы национальной политики и как они проводились в жизнь в период освободительной борьбы против фашистского рабства, в процессе становления, укрепления и дальнейшего развития народно-демократического Чехословацкого государства вплоть до победы социализма в стране.

Как известно, народная власть получила от старой Чехословакии тяжелое наследство — глубокие национальные противоречия. Главной национальной проблемой был словацкий вопрос. Придя к власти, чешская буржуазия эксплуатировала словацких трудящихся, делала все для того, чтобы Словакия осталась в роли аграрного придатка чешских земель. Подобная же политика проводилась и по отношению к Закарпатской Украине.

Национальный вопрос в книге рассматривается в неразрывной связи

с борьбой компартии и трудящихся страны за решение основных социально-экономических задач народно-демократической и социалистической революции в Чехословакии. В книге дается обстоятельный анализ форм, методов и темпов проведения социалистической индустриализации и социалистических преобразований сельского хозяйства Словакии, которая за послевоенные годы из отсталого, аграрного края превратилась в промышленно-аграрную часть ЧССР. Автор показывает также, как путем творческого усвоения всего прогрессивного, что было в прошлом, в Чехословакии создавалась действительно народная, социалистическая по содержанию и национальная по форме культура.

Большое внимание уделено в работе освещению борьбы компартии против антинаучной теории «единой чехословацкой нации» и реакционной идеологии «чехословакизма», искусственно придуманной Масариком и Бенешем для прикрытия колонизаторской политики чешской буржуазии.

И. С. Дзюбко глубоко анализирует теоретическое наследие КПЧ по национальному вопросу, рассматривает общие закономерности и специфические особенности в осуществлении ленинской национальной политики в ЧССР. В частности, в работе сделана удачная попытка показать влияние мировой системы социализма, взаимопомощи братских стран на успешное решение национального вопроса в Чехословакии. Интересны выводы о формировании словацкой социалистической нации, о новом социальном и духовном облике словаков, венгров, украинцев и поляков в составе социалистической Чехословакии.

Анализируя сложный и многогранный

¹ И. С. Дзюбко. Торжество ленинской национальной политики в Чехословакии. Изд-во Киевского ун-та, Киев, 1963, 307 стр.

процесс осуществления национальной политики, автор не оставляет вне поля зрения и допущенные при этом ошибки, особенно на пути достижения фактического равенства словаков и национальных меньшинств с экономически более развитой чешской нацией. При этом не умалчивает он и о трудностях, встречающихся на пути социалистического строительства, говорит о сопротивлении и противодействии остатков эксплуататорских классов и буржуазных националистов, показывает некоторые ошибки органов народной власти в планировании и администрировании.

К числу новых материалов, которые использовал автор в данном издании, относятся документы из Партийного архива Института истории партии ЦК КП Украины о помощи Коминтерна Коммунистической партии Чехословакии в выработке программных требований по национальному вопросу в период между первой и второй мировыми войнами. Также впервые введены в научный оборот материалы судебного процесса над лидерами украинских буржуазно-националистических партий Закарпатья — Бродийом, Фенциком и др. Изложение материала в последней главе доводится до середины 1965 г.

Автором по существу полностью переработана первая глава, в которой появился новый параграф — о борьбе КПЧ за равноправие всех наций республики в период возросшей угрозы фашизма и гитлеровской агрессии. Он содержит интересные материалы, в частности, о XIV конференции Закарпатской краевой коммунистической организации (июнь 1937 г.), разработавшей широкую и конкретную программу борьбы за расширение политических прав и национальное равноправие трудящихся Закарпатья. Вторая глава в значительной мере дополнена материалами о связи между внутренней чехословацкой реакцией и международным империализмом в 1946—1947 гг. Автор приводит новые материалы о промышленном развитии Словакии, о состоянии просвещения в национальных районах ЧССР, о расцвете братского советско-чехословацкого сотрудничества и т. п.

К сожалению, приходится признать, что и во втором, переработанном издании встречаются неудачные, а иногда и неверные формулировки и другие погрешности. Так, на стр. 14 говорится: «Подъем национального движения в империи во второй половине XIX ст. вынудил ав-

стрийское правительство провести ряд политических реформ. Самой главной из них было введение в 1867 г. дуалистического строя». Во-первых, здесь следовало бы назвать революцию 1848 г., ибо именно под ее влиянием был осуществлен ряд реформ. Во-вторых, лучше сказать не «дуалистического строя», а «дуалистической формы государственного устройства», поскольку дуалистическим (двуединным) было габсбургское государство, а не существовавший в нем строй.

Автор называет Австро-Венгрию одним «из самых больших колониальных (?) государств Европы» (стр. 19). Вряд ли с этим можно согласиться. На стр. 38 читаем: «Несмотря на безземелье и малоземелье, трудящиеся крестьянство несло на себе все бремя капиталистической эксплуатации», хотя вполне понятно, что безземелье и малоземелье несколько не содействовали уменьшению этого бремени, а, наоборот, усиливали его. В книге говорится, что одним из результатов Словацкого национального восстания 1944 г. явилось то, что «словацкий вопрос был навсегда решен революционным путем снизу» (стр. 110). Следовало бы разъяснить, в каком смысле он был навсегда решен, потому что на страницах 121, 125, 126, 132, 139—141, 168 и других речь снова идет о словацком вопросе и путях его решения. На стр. 192 сказано, что в 1900 г. в промышленности Словакии было занято 15,8% населения, а на стр. 16— что в 1910 г. в промышленности и ремесле Словакии работало менее 8% населения. Последняя цифра не соответствует действительности. Ведь сам автор отмечает, что в начале XX в. в Словакии сравнительно быстро начали создаваться новые промышленные предприятия и рос объем производства на ранее существовавших здесь рудниках, фабриках и заводах. По имеющимся у нас данным, в 1910 г. в промышленном и ремесленном производстве Словакии было занято не 8, а почти 20% населения.

Само собой разумеется, не указанные недостатки определяют общую оценку книги. Монографическое исследование И. С. Дзюбко, работающего в данной области почти полтора десятка лет, будет с интересом прочитано каждым, кто интересуется состоянием национального вопроса и практикой социалистического строительства в Чехословакии.

*А. Ф. Кизченко
П. М. Калениченко*

ДИМИТЪР АНГЕЛОВ. *История на Византия*, ч. 1—3. София, 1959—1967, стр. 344, 322, 179

Завершено издание трехтомной «История Византии» видного болгарского ученого Д. Ангелова. Автор стремился всесторонне осветить византийскую историю: экономическое развитие деревни и города, классовая борьба, административное и политическое устройство, законодательная деятельность, внешняя политика, многообразные проявления культурной жизни — все это тщательно рассматривается и характеризуется в особых параграфах и главах каждого раздела книги. Подобная структура отличает книги Ангелова от большинства обобщающих работ по истории Византийской империи. Так, в работе Г. Острогорского история культуры отсутствует совсем, а изложение социальной и административной истории дается по отдельным царствованиям¹. Тот же принцип положен и в основу книги Р. Дженкинса². Напротив, коллективная Кембриджская история Византийской империи резко распадается на две части: первая из них содержит только политическую историю Византии и ее соседей, вторая характеризует административное устройство, положение церкви и цивилизацию³; здесь, таким образом, внутренний строй и культура государства четко обособлены от его политической истории.

По своей структуре рецензируемая работа, пожалуй, ближе всего к коллективному труду советских византистов⁴, где внутреннее развитие и развитие культуры также включается в общий процесс византийской истории.

Разворачивая перед читателями картину экономической, политической и культурной жизни империи на протяжении тысячелетия, Ангелов не удовлетворяется сообщением совокупности фактов, а стремится понять закономерности исторических процессов. «Все исследователи византийской истории, — пишет он, например (II, 100, прим. 1), — признают факт упадка Византии в 1025—1081 гг.». В чем, однако же, причина этого упадка? Он не может быть объяснен, продолжает Ангелов, только тем, что византийский престол занимали в ту пору негодные политические руководители; недостаточно указать и на то, что империи пришлось

иметь дело с опасными внешними врагами: норманнами, сельджуками и печенегими. Основные причины упадка империи, по мнению Ангелова, нужно искать в характере ее общественно-экономического развития. Точно также схизму 1054 г. он характеризует как «результат закономерного общественно-экономического и политического развития» (II, 115). Самое падение Византийской империи под ударом турок он расценивает «как естественный и неизбежный результат» длительных и сложных процессов (III, 123).

Историю Византии Ангелов разделяет на четыре больших периода. Первый (IV—VI вв.) характеризуется как время разложения рабовладельческих отношений в Восточной Римской империи, или Ранней Византии; второй (VII—IX вв.) — как эпоха господства свободной сельской общины и формирования феодальных отношений. Третий период (конец IX—XII вв.) не имеет общего названия. Автор выделяет в нем три подпериода: первый охватывает 867—1025 гг. и определяется как время усиления процесса феодализации, как полоса внешнеполитических успехов; второй приходится на 1025—1081 гг. и рассматривается как время упадка Византийской империи (впрочем, Ангелов отмечает, что упадок этот был не всеобъемлющим, что, например, росло денежное обращение (II, 194, прим. 93); третий подпериод, датируемый 1081—1204 гг., охарактеризован автором как «временное укрепление Византийской империи и разгром ее под ударами крестоносцев» (II, 151). Замечу попутно, что выделение этих трех подпериодов не бесспорно. Не говоря уже о том, что в основу периодизации положены чисто политические, а не социально-экономические явления (действительно, о каких коренных общественных сдвигах можно говорить применительно к 1025 г.?), последний подпериод — как это отчетливо видно из самой формулировки Ангелова — включает два разнородных, можно даже сказать, противоречащих элемента: укрепление империи и ее разгром. Либо следует считать, что укрепление империи при трех Комнинах (1081—1180) подготовило ее разгром в 1204 г., либо выделить два различных подпериода...

Наконец, последний период (1204—1453 гг.), опять-таки не имеющий общего наименования, распадается на четыре подпериода: время территориального и политического раздробления Византии, восстановления империи, обострения классовой борьбы (где особое место уделено гражданской войне в 40-х годах XIV в.); раздел, посвященный последнему подпериоду, несколько драматически оза-

¹ G. O s t r o g o r s k y. *Geschichte des byzantinischen Staates*. 3 Aufl. München, 1963.

² R. J e n k i n s. *Byzantium: the Imperial Centuries. AD 610—1071*. London, 1966.

³ «The Cambridge Medieval History», vol. IV: «The Byzantine Empire», parts 1—2. Cambridge, 1966.

⁴ «История Византии», т. 1—3, М., 1967.

главлен: «Византия на пути к своей гибели».

Совершенно естественно, что в большой книге по истории Византии значительное место уделено славяноведческой проблематике. Одна из наиболее сложных проблем в этой связи — славянские вторжения. Ее можно рассматривать как бы в двух аспектах: фактологическом (славянизация Балканского полуострова) и теоретическом (влияние славян на общественное и политическое развитие Византии). Ангелов тщательно прослеживает ход расселения славян на территории империи (I, 111 сл., 121 сл., 145 сл., 159 сл.) и приходит к выводу, что в VII в. почти весь Балканский полуостров был занят славянами. В результате славянских вторжений в VII—VIII вв. произошла «социальная революция» которая нанесла серьезный удар крупному землевладению (I, 223).

Следует специально подчеркнуть это обстоятельство потому, что в работах некоторых западноевропейских ученых в последние годы мы встречаемся с утверждением, что тезис о коренном общественном перевороте в Византии в связи со славянским вторжением не обоснован источниками и отвергнут новейшими исследованиями⁵. Впрочем, подобное утверждение остается, на наш взгляд, чисто декларативным: авторы общих исследований, как правило, признают большую роль славянства в тех экономических сдвигах, которые пережила империя в раннее средневековье⁶. Болгария была ближайшим соседом Византии, и события болгарской истории, тесно переплетенным с событиями в государстве «ромеев», болгарский исследователь, естественно, уделяет немаловажное место. Основание Болгарского государства Ангелов относит к 681 г. (I, 249), а в спорном вопросе об отношении между протоболгарами Аспаруха и славянскими племенами принимает точку зрения М. Войнова; последний, как известно трактовал термин Феофана «пактон» как союз (I, 250, прим. 28). В этой связи Ангелов критикует работы И. Дуйчева, С. А. Никитина и некоторых других ученых. Думаю, однако, что суждение Войнова и Ангелова вряд ли соответствует действительности, поскольку в греческом языке термин «пактон» не имеет значения союз, а только дань или подать. По-видимому, все-таки славян-

ские племена были подчинены протоболгарами и обложены ими данью.

Много внимания уделяется в книге войнам Византии с Болгарией в VIII—X вв. Как известно, особенно большие споры порождал в этой связи вопрос о результатах завоевания Иоанна Цимисхия, а именно: удалось ли ему подчинить своей власти всю Болгарию или же Западная Болгария оставалась независимым от империи государством⁷. Ангелов (II, 88) признает существование Западноболгарской державы, относит ее образование (вслед за П. Петровым) к 970, а не к 969 г. Он пишет далее, что к 976 г. комитопулы сумели освободить всю Северо-Восточную Болгарию и включить ее в пределы своего государства (II, 90). Г. Г. Литаврин, например, не считает возможным безоговорочно утверждать, что комитопулы отвоевали всю Северо-Восточную Болгарию.

Ангелов касается также дискуссионного вопроса об административном устройстве болгарских земель в составе империи после подчинения Болгарии Василием II. По его мнению, в этих областях были образованы три византийские провинции: фемы: Болгария с центром Скопле, Паристрион и Сирмий (II, 97). Спорный вопрос о византийской феме Сербия, которую Т. Василевски отождествляет с Сирмией⁸, в книге Ангелова не затронут.

Подробно останавливается Ангелов на болгарском восстании и образовании Второго Болгарского царства (II, 209—213). Начало восстания он датирует ноябрем 1185 г. (добавляя, правда, слово «вероятно»). Думаю, впрочем, что более поздняя датировка М. Бахмана не может быть вовсе сброшена со счетов. Мысль о валашском происхождении Петра и Асеня, вождей восстания, Ангелов считает неприемлемой, хотя и признает участие влахов в восстании (II, 212, прим. 8). Разрыва между Петром и Асеном и даты этого события автор не касается.

Столь же детально освещается в книге и история Болгарии в XIII—XIV вв., в частности, успехи Ивана-Асеня II (III, 24—26) и турецкое завоевание Болгарии (III, 107—111).

Истории других славянских народов в книге Ангелова уделено меньше места. Очень бегло затронута, в частности, деятельность салунских братьев Константина (Кирилла) и Мефодия (I, 305);

⁷ См. обзор литературы: Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 260—263.

⁸ V. Laurent. Le thème byzantin de Serbie au XI siècle. — «Revue des études byzantines», XY, 1957; T. Wasilewski. Le thème byzantin de Sirmium — Serbie au XI—XII siècles. — Сборник радова Византолошког инст., VII/2, 1964.

⁵ Особенно резко настаивает на этом И. Караяннопулос: J. K a r a y a n n o p u l o s. Hauptfragen der Byzantinistik der letzten Jahre. — «Frühmittelalterliche Studien», Bd. 1. Berlin, 1967, s. 175—180.

⁶ Помимо указанных выше работ Острогорского и Дженкинза см. также исследование австрийского византиниста: H. H u n g e r. Reich der neuen Mitte. Graz—Wien—Köln, 1965, S. 166.

спорного вопроса об их этнической принадлежности автор не затрагивает.

Рецензируемая книга содержит обильный материал по собственно византийской истории — материал, основанный на обширном круге источников и изучении

новейшей литературы, в том числе и трудов советских византистов; она, несомненно, полезна и для историка-слависта, особенно для исследователя средневековой истории Болгарии.

А. Каждан

J. MYSLIŃSKI. Grupy polityczne Królestwa Polskiego w Zachodniej Galicji (1895—1904). Warszawa, 1967, s. 342

Е. МЫСЛИНЬСКИЙ. Политические группы Королевства Польского в Западной Галиции (1895—1904)

Под таким названием варшавское издательство «Книга и знание» выпустило исследование польского историка Е. Мыслинского. В книге, которая состоит из пяти глав, освещается деятельность политических групп Королевства Польского в Западной Галиции в 1895—1904 гг. Это был период активизации политической борьбы в Королевстве Польском. Автор стремился показать усиление идейно-политических связей польского освободительного движения, развивавшегося в условиях австрийской монархии, с революционной борьбой в царской империи вообще и в Королевстве Польском в частности.

Е. Мыслинский использовал большой круг источников, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые. В частности, большой интерес представляют материалы о деятельности Ф. Дзержинского.

В первой главе автор освещает социально-политические условия в Западной Галиции. Наряду с факторами, благоприятствовавшими развитию революционного движения польских трудящихся (наличие буржуазных свобод), здесь существовали и определенные трудности, которые объясняются отсутствием развитой промышленности и революционного пролетариата. Политические деятели из других частей Польши использовали эту территорию для транспортировки революционной и оппозиционной литературы в Королевство Польское. Одним из первых социалистов, приехавших в западную Галицию, был организатор партии «Пролетариат» Л. Варыньский. Его кратковременное пребывание здесь положительно сказалось на развитии социалистического движения. Однако, как утверждает Е. Мыслинский, в начале 90-х годов XIX в. в Западной Галиции все-таки не было организовано ни одной социалистической группы из Королевства Польского (стр. 40). Первые члены ППС появились в Кракове в 1895 г. Позже в Галиции возникла секция ППС. Во второй главе книги достаточно полно раскрывается организационная структура, численность, тактика, связи и характер деятельности галицийских групп ППС,

их воздействие на польскую социал-демократическую партию Галиции и ППС.

Много внимания автор уделил деятельности в Западной Галиции социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). Первая секция Союза социал-демократов Королевства Польского и Литвы была основана 18 января 1903 г. в Кракове Ф. Дзержинским. В книге приводится ряд документов, раскрывающих активную деятельность Ф. Дзержинского в начале XX в. (стр. 115—130).

Деятельность Лиги Народовой в Галиции освещается в третьей главе. Здесь приведены интересные данные об издании и распространении прессы Лиги Народовой (стр. 174—175), свидетельствующие о том важном месте, которое занимала Галиция в планах Лиги.

В четвертой главе рассматривается содержание публицистики угодцев в Галиции и отношении буржуазных демократов к деятельности политических групп Королевства Польского в Западной Галиции. Значительное внимание уделено анализу публицистики и политической акции неоконсерваторов. Освещается также деятельность буржуазно-либеральных ученых, эмигрировавших из России в Галицию, в частности, известного ученого Бодуэна-де-Куртене и публициста-демократа Б. Выслоуха.

Отношению политических групп Королевства Польского в Западной Галиции к революционному движению в России посвящается последняя пятая глава книги. Активизация политической жизни в Западной Галиции в начале XX в. привела к усилению связей между политическими группами Королевства Польского и других польских земель. Е. Мыслинский приводит много фактов такого рода и подчеркивает, что эти связи строились по классовому признаку. Автор рельефно и убедительно раскрыл роль политических групп Королевства Польского в Западной Галиции в политической жизни Польши на рубеже XIX—XX вв.

В целом, в книге обстоятельно показано, как складывался союз прогрессивных сил польского общества в условиях политического расчленения страны. Без учета этих моментов трудно понять от-

дельные аспекты истории Польши в последующий период, и особенно в годы первой мировой войны. В книге имеется список использованных источников, словарь политических организаций и именной указатель. Это облегчает пользование

книгой. Упущением автора, на наш взгляд, является отсутствие данных о связях польских политических групп с украинскими организациями в Галиции.

С. Н. Злупко

Р. КВАЧЕК. Nad Evropou zatáženo. Československo a Evropa 1932—1937. Praha, 1966, 450 s.

Р. КВАЧЕК. Над Европой насмурно. Чехословакия и Европа в 1932—1937 гг.

Уже длительное время чехословацкий историк Р. Квачек исследует внешнюю политику стран Центральной Европы в 30-е годы. Недавно вышла его фундаментальная монография, представляющая собой наиболее значительное комплексное исследование внешней политики Чехословакии в годы, предшествовавшие Мюнхену, а также тех стран, для которых Чехословакия представляла объект политических комбинаций. В 17 главах своей монографии Квачек исследует политику великих держав в Центральной Европе, внешнеполитическую линию Чехословакии, роль центральноевропейских союзов в дипломатической борьбе в Европе в 30-е годы. Стержневой проблемой монографии является проблема экспансии германского империализма в Дунайском бассейне и борьба Чехословацкой буржуазной республики за свой суверенитет.

Р. Квачек использовал богатый документальный материал из архива Министерства иностранных дел ЧССР, архива Института истории КПЧ, Немецкого центрального архива в Потсдаме, различные публикации и обширную литературу. Все это дало возможность чехословацкому исследователю по-новому подойти к освещению многих проблем европейской дипломатии 30-х годов.

Р. Квачек убедительно раскрывает политику попустительства агрессору, которую проводили империалистические круги Англии, Франции и США, и отмечает, что основы ее были заложены сразу же после прихода Гитлера к власти.

Для советского читателя большой интерес представляет исследование Р. Квачеком политики Советского Союза в Центральной Европе, в частности в отношении Чехословакии. В связи с этим автор монографии уделяет значительное внимание характеристике внешнеполитической линии Э. Бенеша. Он указывает, что основой внешней политики Чехословакии с момента ее возникновения был союз с Францией. Но уже заключенное в 1925 г. Локарнское соглашение показало ненадежность такого союза. Об этом, как пишет Квачек, предупреждал чехословацких дипломатов народной комис-

сар по иностранным делам Г. В. Чичерин, указывавший, что «с точки зрения самообороны Чехословакии необходима надежная опора, которую ей может обеспечить только Советская Россия, с которой у нее имеются общие интересы» (стр. 14). Это понимал, как показывает Р. Квачек, и Э. Бенеш, стремившийся к нормализации отношений с СССР. В противовес политике Англии и Франции, всячески способствовавшей усилению Германии, Бенеш, как подчеркивает автор книги, стремился к тому, чтобы «Россия заняла свое место в Европе» (стр. 13). Такая политика Бенеша объяснялась не какой-то его просоветской ориентацией, а стремлением обеспечить для чехословацкой буржуазии возможность маневрирования в сложной международной обстановке того времени.

В связи с усилением опасности германской экспансии в Дунайском бассейне после прихода Гитлера к власти Бенеш, как указывает Квачек, стремился к заключению соглашения между Малой Антантой и Советским Союзом, надеясь тем самым сохранить статус кво в Центральной Европе. Однако здесь он натолкнулся на непреодолимое препятствие со стороны реакционных режимов Югославии и Румынии. Квачек показывает, что Э. Бенеш был одним из самых последовательных сторонников Восточного пакта, для осуществления которого Советское правительство приложило максимум усилий. К поддержке этого пакта Бенеш всячески старался склонить и представителей Англии и Франции.

Заключение советско-чехословацкого договора о взаимопомощи в мае 1935 г. показало, как подчеркивает Квачек, что, хотя расчеты, которые привели чехословацкое внешнеполитическое руководство к сотрудничеству с СССР, были различными, активная заинтересованность Чехословакии в коллективной безопасности делала из нее в 30-е годы главного союзника СССР в его усилиях, направленных к сохранению мира в Европе. С этим выводом автора можно полностью согласиться.

Касааясь усилий чехословацкого правительства повлиять на ход событий

в Центральной Европе путем консолидации стран этого района, Квачек отмечает, что, наряду со стремлением к укреплению связей с СССР и планами укреплению связей с Малой Антанты, был выдвинут так называемый «план Годжи», сформулированный чехословацким премьер-министром в конце 1935 г. Но всем этим планам не суждено было осуществиться. С одной стороны, западные державы не проявляли к ним никакого интереса, в виду политики попустительства агрессору, а — с другой, германская дипломатия приложила все усилия, чтобы воспрепятствовать подобным проектам Чехословакии. Ее целью в Центральной Европе, как пишет Квачек, было изолировать Чехословакию, подорвав Малую Антанту, и подготовить путь на Юго-Восток Европы, где она могла встретить наименьшее сопротивление в виду незаинтересованности империалистов Запада в этом районе.

В этой связи нельзя согласиться с выводом автора книги о том, что «в первые месяцы 1937 г. Центральная Европа не была еще в центре внимания Германии» (стр. 361). На наш взгляд, такое утверждение неверно. Вся политика гитлеровской Германии со времени прихода нацистов к власти была направлена на усиление экспансии в Центральной Европе. Об этом свидетельствует фашистский путч в Австрии, вытеснение Италии из Дунайского бассейна после ее эфиопской авантюры и интервенции в Испании, австро-германское соглашение от 11 июля 1936 г. и др.

Книга Р. Квачека, несмотря на некоторую перегруженность фактическим материалом, читается с большим интересом. Она — заметное явление в чехословацкой историографии последних лет.

И. И. Пош

ПУБЛИЦИСТИКА СОЮЗА ПОЛЬСКИХ ПАТРИОТОВ

Сборник документов «Публицистика Союза польских патриотов 1943—1944 гг.»¹ содержит 86 статей, опубликованных в прессе этой организации — еженедельнике «Вольна Польска» и двухнедельнике «Нове виднокренги», которые в настоящее время мало доступны для исследователей. В сборник включена политическая публикация Союза польских патриотов (СПП) в СССР с марта 1943 г. по июль 1944 г. В этот период Союз выступал как организатор польских эмигрантов в СССР для борьбы за освобождение Польши от немецкого фашизма и создание демократического польского государства. В приложении к сборнику помещены важнейшие документы Союза польских патриотов в СССР: статут и идейная декларация, текст присяги 1-й дивизии им. Т. Костюшко, резолюция Главного правления Союза польских патриотов о признании Крайовой Рады Народовой законным представителем польского народа, отчет генерального секретаря Главного правления Союза польских патриотов А. Юркевича о политической и организационной деятельности Союза в 1943—1946 гг. Как подчеркнул в предисловии составители сборника, целью настоящей публикации является «показ достижений идейно-политической мысли революционно-прогрессивной польской эмиграции в Советском Союзе, которая нашла самое полное вы-

ражение в политической и организационной деятельности СПП» (стр. 5).

Основные статьи, помещенные в сборнике, написаны польскими коммунистами. Они свидетельствуют о руководящей роли коммунистов в сплочении польских эмигрантов в СССР и их огромном вкладе в дело выработки принципов внутренней и внешней политики возрожденного польского государства.

Статьи В. Василевской, А. Лямпе, С. Ейдриховского, В. Гроша и других ведущих публицистов Союза польских патриотов характеризуются страстной убежденностью и глубиной анализа рассматриваемых явлений; они отличались пламенным патриотизмом и пролетарским интернационализмом и звучали как призыв к единству всех демократических сил польского народа в борьбе против гитлеризма. Огромное внимание уделяли публицисты СПП разоблачению антинациональной политики польского эмигрантского правительства в Лондоне, тормовившего борьбу польского народа против немецкого фашизма и проводившего гибельный антисоветский курс внешней политики. На страницах прессы Союза польских патриотов были выдвинуты и обоснованы новые внешнеполитические принципы: нерушимая дружба с Советским Союзом, сотрудничество со всеми демократическими силами во всем мире, идея славянского единства, установление справедливых границ польского государства — решительный отказ от захватнических претензий на украинские, белорусские, литовские земли, возвращение исконных польских земель на Западе и на побережье Балтики и установление

¹ «Publicystyka Związku Patriotów Polskich. 1943—1944». Wybór. Wstęp i opracowanie W. Poterański i M. Wilusz. «Książka i Wiedza». Warszawa, 1967, 446 s.

западной границы Польши по Одеру. «Вольна Польска» и «Нове виднокренги» пропагандировали на своих страницах задачи перестройки внутренней жизни Польши на основе широких демократических принципов. В изданиях разоблачался реакционный характер конституции 1935 г. и содержались призывы установить в стране демократический строй, провести важнейшие прогрессивные социально-экономические преобразования, прежде всего — осуществить аграрную реформу и ликвидировать господство монополий.

Помещенные в сборнике материалы помогают глубже понять пути формирования нового демократического польского государства. Однако вклад Союза польских патриотов в строительство Народной Польши был бы показан более ярко, если бы в рассматриваемый сборник были включены материалы этой организации, касающиеся распространения ее идей среди польских эмигрантов в Советском Союзе. Сборник содержит только часть

публицистики Союза польских патриотов. Поэтому принципы отбора материала имеют важнейшее значение. На наш взгляд, не нашла достаточно полного отражения программа публицистов СПП по вопросам внутренней политики Польши. Это особенно относится к решению аграрного вопроса в освобожденной Польше, которое предлагали руководители СПП. Отсутствие таких материалов в сборнике не дает полного представления о развитии социально-экономической программы Союза польских патриотов.

Сборник снабжен индексом польских политических и военных организаций, действовавших в годы второй мировой войны, содержащим их краткую характеристику, а каждая статья имеет необходимые примечания, которые, правда, следовало бы пополнить в некоторых местах (например, текст на стр. 295 о выступлениях на сессии Верховного Совета СССР нуждается в комментариях).

В. С. Попков

НОВАЯ РАБОТА О ЧЕШСКОЙ ПОЭЗИИ

Книга чешского литературоведа Мирослава Червенки «Символы, песни и мифы. Этюды об изменении чешского лирического стиля на рубеже веков»¹ примечательна во многих отношениях. М. Червенка — сторонник литературного структурализма. На протяжении ряда лет он работает в той области, где пражский структурализм добился наибольших научных результатов: в области исследования чешского стиха.

В 1963 г. Червенка издал книгу «Чешский свободный стих девяностых годов», которая — после долгого перерыва в изучении чешской поэтики — явилась одной из первых работ в этом плане.

Новый труд М. Червенки «Символы, песни и мифы» — исследования по отдельным чешским поэтам конца XIX — начала XX в., над которыми автор работал с конца 50-х годов. Книга состоит из введения и пяти глав, посвященных творчеству А. Совы, О. Бржезины, С. К. Неймана, Ф. Гельнера и К. Томана. Эти этюды призваны, по замыслу автора, представить основную линию развития чешской поэтики приблизительно с середины 90-х годов прошлого века до конца 10-х годов нашего столетия. Подчеркивая, что отправным пунктом его методологии были традиции чешского литературного структурализма, Червенка относит свою книгу к исторической поэтике, которую определяет как «одну из

центральных дисциплин истории литературы».

Работа М. Червенки представляет интерес уже хотя бы потому, что она наглядно демонстрирует применение на практике методологии структурализма (на нынешнем этапе ее развития в Чехословакии): с известными плюсами, но, как мне кажется, и с очевидными противоречиями и минусами.

Достоинством рецензируемой книги является то, что она основана на тщательном изучении конкретного материала. Автор охватывает далеко не все творчество каждого из рассматриваемых им поэтов, но в отношении избранного им объекта исследования он доходит до мельчайших деталей, анализируя характер метафор, сравнений, эпитетов, соотношения образности и ритма, строфики, и т. д. Такой подход дал Червенке возможность увидеть немало нового в художественной структуре «Книги лесов, холмов и вод» С. К. Неймана, в поэзии К. Томана, в произведениях других поэтов. В этом — ценность рецензируемой работы. Но вместе с тем очень многое и в методологии и в выводах автора представляется весьма спорным.

На всем протяжении книги Червенка категорически отмежевывается от «идеологического толкования» произведений искусства, не различая, в сущности, с каких позиций это толкование можно вести. «Идеологическому» анализу он противопоставляет анализ художественной структуры, внутренних сдвигов и перемен в специфически-художественной об-

¹ М. Червенка. *Symbole, písně a mýty. Československý spisovatel. Praha, 1966, 173 s.*

ласти, стремясь на этой основе определить ведущие тенденции не только в поэтике, но и шире — в чешской поэзии конца XIX — начала XX в. вообще. Однако сама логика материала то и дело обращает исследователя к той самой «идеологии», от которой он старательно отгораживается; проблема взаимоотношения искусства и идеологии, может быть помимо воли автора, выдвигается в книге на одно из главных мест.

Общая концепция рассматриваемого периода сформулирована автором во введении. Он считает, что в 90-е годы происходил решительный перелом в развитии чешской поэзии: «Рожденная негацией исторически уже преодоленных ограничений и обязательств, которым стремилась подчинить поэта идеология давно распавшегося национального единства, чешская поэзия девятидесятых годов обратилась к индивидуализму; только он мог в тот момент сделать поэзию выразителем сущности современного человека...» (стр. 7). Обращение к индивидуализму воплотилось в символизме Бржезины, Сова, Неймана, Главачека и привело, в конечном счете, к «выразительному оживлению метафорического принципа на всех уровнях художественного произведения» (стр. 7). Символизм создал непреходящие поэтические ценности, но очень скоро исчерпал себя, стал препятствием для дальнейшего развития. «И вот одновременно с выступлением межпоколенного явления Безруча, который объединил в мощном синтезе противоположные черты нескольких современных ему поэтов — приходит поколение Томапа, Шрамека и Гельнера, которое на место патетической трактовки символических конструкций выдвигает непосредственно-чувственную исповедь субъекта, опрошает метафору и стих и при создании безыскусственного песенного стиля ориентируется на фольклор нового времени» (стр. 7—8).

Эту общую концепцию развивают затем главы об отдельных писателях. На примере Сова автор показывает переломность, переломность, неустойчивость этапа 90-х годов, на примере Бржезины — расцвет и преодоление символизма. В последующих главах освещаются те новые качества, которые приходят в чешской поэзии на смену отброшенному символизму: обращение к непосредственному чувственному опыту общения с природой (С. К. Нейман), к современному городскому фольклору (Гельнер), движение от общей «песенности» к современному мифотворчеству (Томап). Развитие чешской поэзии раскрывается, таким образом, как смена художественных структур, наименования которых выписаны в заглавие книги: «Символы, песни и мифы».

Однако при ближайшей рассмотрении в нарисованной исследователем картине обнаруживаются существенные пробелы

и натяжки. Так, при характеристике 90-х годов Червенка совершенно игнорирует такое крупное и значительное явление, как реалистическая поэзия И. С. Махара, оказавшая очень большое влияние на все последующее развитие чешской поэзии от Сова — Неймана — Гельнера до Незвала включительно. Вероятно, Червенка не станет отрицать отмечаемый большинством чешских исследователей «индивидуализм» Махара. Но почему же в данном конкретном случае он не привел поэта к символизму?

Оставим в стороне вопрос о том, насколько точны термины «идеология национального единства» или «индивидуализм» (эти термины вполне приняты в современном чехословацком литературоведении), но обратим внимание на то, что, определяя развитие поэзии в 90-е годы, Червенка начинает с этих «идеологических» критериев. Когда же он переходит затем к характеристике поколения Шрамека, Томапа, Гельнера, то здесь он оперирует уже исключительно критериями художественной структуры («исповедь субъекта», «опрошение метафорики», «песенный стиль» и т. д.). Что же идеологические моменты вообще перестали играть какую-нибудь роль?

В этюде о Гельнере, который был написан и впервые опубликован еще в 1959 г., когда, как явствует из текста, его автор еще не был столь рьяным противником «идеологического толкования», разрыв молодого поколения с символизмом прямо объясняется связью поэтов с рабочим движением, пусть в его анархистской разновидности: «Анархизм дал Гельнеру и его друзьям определенное осознание существования классовой борьбы и значения народных масс в развитии общества. Этого было достаточно, чтобы они отбросили философские и социально-реформистские концепции девятидесятых годов, основанные больше на индивидуалистическом жесте сильной личности, чем на познании действительности, и в значительной мере ограниченные одной лишь духовной сферой» (стр. 119). Но в общем контексте книги подобное суждение выглядит чужеродным, словно бы оставленным по недосмотру.

Иначе на тот же вопрос отвечает написанный позднее этюд о Неймане. Червенка здесь утверждает: «Путь развития лирики Неймана (как и всей чешской лирики вообще) в начале столетия не ведет через общественные темы. И далее он объясняет это следующим образом: «В истории не являются редкостью периоды без великой социальной программы, которая могла бы стать стержнем человеческого существования. Человек в такие эпохи, правится или нет это политическим вождям и моралистам, реализует себя в иных своих связях, и ценности, которые он при этом создает, свидетель-

ствуют, что это не обязательно должно быть выражением отречения и отчуждения» (стр. 84).

Здесь сразу же возникает множество возражений, прежде всего фактического характера. Категорически заявив, что «развитие чешской лирики в начале столетия не идет через общественные темы», Червенка отправил куда-то на периферию литературы такие замечательные страницы чешской поэзии, как горько-ироническое обличение буржуазного общества в сатирах Ф. Гельнера, как анти-милитаристские стихи Ф. Шрамека, а весь бунтарский пафос «Сна о толпе отчаявшихся» С. К. Неймана списал по ведомству символизма. А как быть с названием общественно-социальными «Силезскими песнями» П. Безруча, о котором Червенка упомянул во введении, но абсолютно забыл при характеристике основной линии развития чешской поэзии? И если поэты-анархисты круга С. К. Неймана в начале столетия действительно туманно представляли себе перспективы общественного развития, да и вообще не очень! сильны были в теории, то их «великой социальной программой», «стерженьем» всего их «человеческого существования» была ненависть к буржуазному миру, непримиримая борьба против его устоев. Этому миру выражал свое презрение Ф. Гельнер, ему бросал вызов «резервист, поэт и анархист» Ф. Шрамак, ему противопоставлял своего свободного бродягу К. Томап. И С. К. Нейман во время создания «Книги лесов, холмов и вод» не только «наблюдал природу», но и сражался против заскорузлых моральных аграриев и клерикалов — отсюда бунтарские нотки в его пейзажной лирике, ее темпераментная полемичность. Но Червенка решительно не хочет видеть (за исключением отдельных пассажей в сравнительно раннем этюде о Гельнере) связи развития молодой поэзии начала века, структурных сдвигов в ней с обостренным до крайности протестом против буржуазного общества и всех его инспирируемых, со стремлением это общество эпатировать, оскорбить его вкус образом наглого отщепенца, его слух — простым трактирным куплетом. Червенка настойчиво отставляет своего рода «идеологическую невинность» этой поэзии. Это четко сформулировано, например, в этюде о Томане, где автор утверждает плодотворность и жизнеспособность «лирики, исходящей из самовыражения и чувственной непосредственности, лишенной идеологических устремлений (разрядка моя. — С. III.), а с ними и космического пафоса, но тем самым более близкой конкретному человеку и его действительности» (стр. 138). По существу Червенка стремится доказать историческую необходимость и позитивный смысл происходящего, по его мнению, в XX в. освобож-

дения искусства от идеологии. Но ради доказательства этого тезиса, опорного в концепции книги, исследователь, к сожалению, не всегда считается с фактами.

Строя историческую поэтику, Червенка странным образом отвлекается и от различия этапов, через которые прошла чешская поэзия на протяжении 900-х годов. Он не учитывает подъем гражданской лирики (появление соответствующих тем, соответствующих художественных структур) накануне и во время бурного революционного 1905 года и последовавший затем спад общественного энтузиазма поэзии в кризисную эпоху всеобщей усталости и разочарования. Для него 900-е годы представляют единый монолитный период представления поэзии от символизма (и — «идеологии») к непосредственно-чувственному самовыражению... Но это — слишком выправленная история!

Неубедительные общие послышки наносят ущерб и анализу конкретных произведений. Червенка подчас очень резко отделяет мысль как элемент идеологический от воплощающей ее художественной структуры, призывая лишь за последней позитивную творческую роль. Так Червенка пишет по поводу символистского стихотворения Бржезины «Зной»: «Ни в коем случае не в результате диктата развивающегося логического рассуждения, а под воздействием эстетического закона контраста и раскрытия дисгармонии, под воздействием простой предметной логики развития центрального символа (полдень — вечер — ночь) в заключительной части стихотворения появляется новая мотивика, данная представлениями тишины, реки, улыбки, ночи» (стр. 35). Но можно ли так разрывать и противопоставлять эти две «логики»? Отказываясь разбираться в конкретном философском и эмоциональном наполнении образов, исследователь обедняет свой анализ и сводит иной раз, пусть сам того не желая, живую художественную ткань к трафарету, к оголенному приему.

Беспомощными и ненаучными были встречавшиеся в свое время попытки объяснить достоинства или недостатки произведений искусства лишь «хорошей» либо «плохой» идеей. Показатель зрелости современного марксистского литературоведения — его растущее внимание к художественной специфике искусства. Применительно к чешской поэзии в этой связи очень важно изучить и освоить опыт литературного структурализма, добившегося, прежде всего в области теории и истории чешского стиха, немалых научных результатов. Но успешное развитие традиций структурализма возможно лишь при критическом подходе к нему и при сочетании его методики с другими аспектами и методами исследования. Этой критичности и этой широты недостает, по

моему мнению, «Символам, песням и мифам». Настоячиво проводимый здесь «антиидеологизм» превращается в предвзятость, которая препятствует объективному анализу материала.

На пути к созданию исторической поэтики еще очень много перепенных проблем. В этом убеждает и книга Червенки.

С. Шерлаимова

НА ПУТИ К ФИЛОСОФСКОМУ СИНТЕЗУ

В своей новой книге украинский литературовед Валерия Веди́на¹ поставила себе целью, проследив развитие польской пролетарской прозы 20—30-х годов, выяснить ее характерные особенности, определить ее значение и место в польской литературе межвоенного двадцатилетия (1918—1939). Исследователь старается воссоздать ту обстановку, дать читателю почувствовать ту атмосферу, в которой польские передовые писатели шли к социалистическому реализму.

В первой главе своей книги В. Веди́на дает общую характеристику основных черт всей польской прозы 20—30-х годов. При этом автор определяет идейную и художественную ценность того или другого произведения в зависимости от того, является ли оно «реалистическим» или же «переалистическим». По мнению В. Вединой, все виды польской литературы межвоенного периода должны были бы или сильно приблизиться к требованиям социалистического реализма, или полностью отвечать этим требованиям; в противном случае критик дает им отрицательную оценку.

Такой метод анализа вызывает некоторые возражения. В. Веди́на придерживается взглядов польского критика Игнация Фика — автора очерков «20 лет польской литературы (1918—1938)», хотя и критиковала их в начале своей книги. Дело в том, что тогда (книга И. Фика вышла в 1939 г.) некоторые вопросы эстетики еще не были так серьезно глубоко разработаны, как в настоящее время, и поэтому неудивительно, что сам И. Фик решал эти вопросы слишком примитивно. Такое «нетворческое» заимствование несколько устаревших взглядов и методов И. Фика не могло не отразиться на критических возможностях В. Вединой и до известной степени сковывало их. Так, она не была в состоянии по-настоящему осветить творчество Витольда Гомбровича и Бруно Шульца.

Вторая глава книги рассказывает о том, как шло развитие пролетарской прозы — от репортажа к широким обобщениям социального романа. Здесь надо отметить, что кроме Л. Кручковского, Л. Рудницкого, В. Василевской, В. Ковальского автор упоминает о пролетарских писателях Бруно Ясенском, Яне Бжозе, Генрике

Джевецком, имена которых раньше не встречались в такого рода исследованиях.

Третья и четвертая главы посвящены конкретному анализу на материале пролетарской прозы таких литературоведческих проблем, как «проблематика и конфликты», «герой и сюжет». Они значительно двух первых глав как по глубине анализа художественного материала, так и по научной аргументации и убедительности выводов.

До последнего времени для того, чтобы выяснить, в чем же именно состоит новаторство пролетарской литературы и какие традиции она продолжает, брали для сравнения только творчество представителей классического реализма (конец XIX — начало XX века). Демократическая литература межвоенного периода, часто связанная с социалистической идеологией, к сожалению, не принималась во внимание, и поэтому нельзя было определить ее генезиса и идейно-художественной основы. Заслуга В. Вединой в том, что она показала схему преемственности и «наследственности» пролетарской литературы: переход от критического реализма (Б. Прус, Э. Ожешко, С. Жеромский) через общедемократическое направление (М. Домбровская, З. Палковская, П. Гоявичинская) — к социалистическому реализму. Автором намечены переходные ступени в области развития жанров пролетарской литературы — от репортажа и фактомонтажа, через автобиографические произведения, к документальной повести и роману, от литературы фактов к полноценным идейно-художественным произведениям.

В книге указаны отдельные случаи творческого использования пролетарскими писателями классических образцов, например обращение В. Василевской к творчеству С. Жеромского. Отмечено сходство стиля у Л. Кручковского («Кордиан и хам») и Ю. Словацкого («Кордиан»), у Л. Кручковского («Павлинь перья») и С. Выспаньского («Свадьба»); констатируются при этом факты идейной полемики. Указав, что в известных случаях пролетарские писатели как будто развивают темы, выдвинутые представителями критического реализма, В. Веди́на подчеркивает, что первых объединяет общая идеология и общее участие в классовой борьбе, критика буржуазной Польши и создание образа положительного героя, борющегося за новое, социалистическое общество. В оценке значения пролетарской прозы автор во многом

¹ В. П. Веди́на. Польська пролетарська проза міжвоєнного двадцятиліття (1918—1939). До питання становлення методу. Київ, 1965, 219 стор.

сходится с высказываниями таких писателей, как Э. Налковская и другие.

Критик не только устанавливает и объясняет факты — она стремится осмыслить их с точки зрения духовного развития современного человека. В. Веди́на убеждена, что в наше время теоретическое литературоведение соприкасается в каждом своем аспекте с проблемами психологии творчества. Она указывает, с одной стороны, на ценность психологического анализа в произведениях В. Василевской и Л. Кручковского, а с другой стороны, находит у них и у других авторов случаи сухости и схематичности в изображении жизненных фактов. Литературовед устанавливает, что в 30-х годах, когда особенно обострилась классовая борьба, В. Василевская, Л. Кручковский, В. Ковальский развивали такие жанры пролетарской прозы, как репортаж, повесть и роман, создавая глубокую и правдивую картину мира, что было не по силам представителям других литературных направлений.

Убедительности и доказательности некоторых положений, выдвинутых В. Вединой, способствует то, что ее работа основана на изучении польской пролетарской литературы в связи с западноукраинской и с литературой Советского Союза в рассматриваемый период.

Позволим себе отметить и некоторые недочеты исследования, кроме упомянутых не критических заимствований у И. Фика: отдельные повторения того, что уже известно из других работ² (например, на стр. 37—38 о журнале «Левар»); не учтены критические работы К. Ижиковского; только вскользь упоминается Галина Гурская, творчество которой является соединительным звеном между неореализмом и пролетарской прозой; забыта Э. Шемплинская.

Группа «Пшедместье» возникла как реакция прогрессивных польских писателей

на засилье в польской литературе формалистической прозы под влиянием западноевропейского экспрессионизма и абстракционизма, а не развивалась под влиянием натурализма Э. Золя. О творческом методе группы, которую Э. Налковская назвала автентизмом, можно было сказать больше, сравнивая его с неореализмом в других европейских литературах.

Автор, на наш взгляд, недооценивает творчество Ю. Кадена-Бандровского. Так, на стр. 44 читаем: «Затрагивая в своих романах важные общественно-политические вопросы, как, например, разложение польского бюрократического аппарата, продажность буржуазных партийных деятелей, писатель в первую очередь рассматривает грязную подкладку сугубо личного, интимного плапа всех этих дел». На стр. 96 сказано: «... от этого его произведения никоим образом не приобредли прогрессивного направления». Между тем, следовало бы указать на разницу между критическим отношением писателя к социальным порокам буржуазной Польши и официальными консервативными воззрениями; также нужно было отметить достоинства его лучших книг: «Черные крылья», «В тени забытой ольшины», «Город моей матери», в которых затронуты важные общественные вопросы.

Из других недочетов надо указать на то, что, перечисляя заглавия поэтических сборников польских футуристов, В. Веди́на не сохранила их футуристического правописания (стр. 21, в списке).

Несмотря на отмеченные недостатки, новую книгу В. Вединой следует приветствовать, так как она не только знакомит советских читателей с польской прозой межвоенного двадцатилетия, но и дает много нового в области теоретического обоснования пролетарского направления.

Рецензируемая работа В. Вединой говорит и о росте самого автора. От книги к книге все заметнее ее стремление вырваться из узких «ве домственных» рамок на широкие просторы философско-искусствоведческой мысли.

И. Н. Лозинский

БИБЛИОГРАФИЯ

*ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ
В 1967 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)*

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Б р о з Т и т о И. Речь товарища Иосипа Броз Тито (на торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР

и Верховного Совета РСФСР, посвященном 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции). «Правда», 1967, 4 ноября.

Великий Октябрь и мировая система социализма. Экономич. газета, 1967, № 42, с. 41—44.

В и д я с о в а Л. Визит президента Франции. (Визит де Голля в Польшу. Сен-

тябрь 1967 г.). *Международ. жизнь*, 1967, № 10, с. 123.

Г о м у л к а В. Великая годовщина (50-летие Октября и Польша). *«Правда»*, 1967, 29 октября.

Г о м у л к а В. Речь товарища Владислава Гомулки (на торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции). *«Правда»*, 1967, 4 ноября.

Ж и в к о в Т. Речь товарища Тодора Живкова (на торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции). *«Правда»*, 1967, 4 ноября.

К о у ц к и й В. Октябрьская революция — торжество интернационализма. *Пробл. мира и соц.*, Прага, 1967, № 8, с. 17—23.

Крепить интернациональное единство коммунистов. (Редакционная статья). *«Правда»*, 1967, 23 ноября.

Н о в о т н ы й А. Речь товарища Антонина Новотного (на торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции). *«Правда»*, 1967, 5 ноября.

О х а б Э. Великий Октябрь — источник наших сил. (Октябрь и Польша). *«Коммунист»*, 1967, № 16, с. 128—136.

Р о д и н В. Идеологическое превосходство военного союза стран социализма. *«Коммунист Вооруженных Сил»*, 1967, № 16, с. 71—77.

Т о д о р о в С. Дело Октября в Болгарии. *«Коммунист»*, 1967, № 15, с. 115—126.

Х а р а х а ш ь я н Г. Еще о закономерностях развития мировой системы социализма. (По поводу статьи А. Бутенко.) *Мировая эконом. и междунар. отношения*, 1967, № 10, с. 102—106.

Х р и с т о в Х. Октябрь указал путь создания нового общества. *Пробл. мира и соц.*, Прага, 1967, № 10, с. 49—52.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

А л е к с е е в А. Некоторые вопросы дальнейшего совершенствования цен в торговле между странами СЭВ. *Внешн. торговля*, 1967, № 9, с. 36—40.

А н г е л о в И. Социализм и повышение благосостояния трудящихся в Народной Республике Болгарии. *«Экономика Советской Украины»*, Киев, 1967, № 9, с. 84—89.

А ф о н и н Н. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области электроэнергетики. *Вопр. экономики*, 1967, № 9, с. 132—138.

Б а к ы р д ж и е в П. НРБ: новая

экономическая система. *Экономич. газета*, 1967, № 36, с. 29—30.

Б о н д а р е н к о Е. Проблемы совершенствования межгосударственной специализации и кооперирования производства стран — членов СЭВ. *Научн. докл. высш. школы. Экономич. науки*, 1967, № 9, с. 63—70.

Б о р и с е н к о В. Я. К вопросу об экономической базе цен на мировом социалистическом рынке. *«Вопросы экономики и организации социалистического производства»*, Томск, вып. 2, с. 38—48.

Б о р о в о й В. А. Хозяйственные реформы и экономическое сотрудничество стран социализма (на опыте СССР, ГДР и ЧССР). *Тр. Моск. ин-та инженеров геодезии, аэрографии и картографии*, 1967, вып. 55, с. 3—7.

Б у л а ш М. О некоторых вопросах советско-польского экономического сотрудничества (записки экономиста). *«Экономика Советской Украины»*, Киев, 1967, № 10, с. 77—80.

Б у л а ш М., К л и м к о Н. Экономика социалистических стран и идеи Великого Октября. *Вопр. экономики*, 1967, № 9, с. 153—155.

В Исполнительном Комитете Совета. Деятельность Совета Экономической Взаимопомощи. (30-е заседание Исполкома СЭВ. Москва, 5—7 июля 1967 г.) *Бюл. экономич. информации (СЭВ)*, 1967, № 4, с. 53—54.

В а с ь и н Ю. Европа: два пути развития. (Сопоставление экономического развития капиталистических и социалистических стран Европы.) *Международ. жизнь*, 1967, № 11, с. 156—158.

В е к ш и н Г. Экономическое сотрудничество социалистических и развивающихся стран. *Международ. жизнь*, 1967, № 11, с. 159—160.

Г а в е л к а Я. Новое в управлении сельским хозяйством Чехословакии. *Пробл. мира и соц.*, Прага, 1967, № 9, с. 74—80.

Г а в р и л о в В. Договорная дисциплина. (О мерах по повышению эффективности международной специализации и кооперирования производства между странами — членами СЭВ.) *Экономич. газета*, 1967, № 34, с. 40.

Г а в р и л о в В. Социалистическое международное разделение труда в химической промышленности и перспективы его развития. *Научн. докл. высш. школы. Экономич. науки*, 1967, № 9, с. 79—85.

Г о р и з о н т о в Б. Транспорт стран — членов СЭВ. *Мировая эконом. и междунар. отношения*, 1967, № 9, с. 105—110.

Г р и н о в с к и е Э. Социалистическая мировая система хозяйства. *«Коммунист Советской Латвии»*, Рига, 1967, № 9, с. 59—63.

Г р у з и л о в В. Стимулирование труда в промышленности стран — членов СЭВ. *Вопр. экономики*, 1967, № 9, с. 88—98.

Димов С. Дружба и сотрудничество ускоряют технический прогресс. (О советско-болгарском сотрудничестве в области сельскохозяйственной науки и техники). Мех. и электрификация социального сельского х-ва, 1967, № 10, с. 31—33.

Дудолов Б. Н. О долгосрочном финансовом сотрудничестве Югославии с иностранными предприятиями. БИКИ, 1967, № 110, с. 2.

Ерофеев Б. Н. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области развития минерально-сырьевых баз. Разв. и охрана недр, 1967, № 10—11, с. 121—123.

Жетвин А. Познань 1967. — 46 стран пяти континентов. Внешн. торговля, 1967, № 8, с. 38—41.

Звасс А. Роль рентабельности в системе планирования и управления народного хозяйства ПНР. (В связи с проведением реформы). «Финансы СССР», 1967, № 8, с. 82—86.

Зевин Л. Некоторые тенденции в разделении труда между социалистическими и развивающимися странами. Вопр. экономики, 1967, № 8, с. 84—92.

Золотарев В. Структурные изменения во внешней торговле стран — членов СЭВ. Внешн. торговля, 1967, № 8, с. 33—37.

Зубков А. Особенности международного социалистического разделения труда в металлургии стран — членов СЭВ. Научн. докл. высш. школы. Экономич. науки, 1967, № 9, с. 71—78.

Зубков А. Экономические связи стран СЭВ в черной металлургии. Внешн. торговля, 1967, № 9, с. 36—40.

Иконников И. Страны СЭВ: 1966—1970 годы. Междунар. жизнь, 1967, № 10, с. 36—43.

Кац В. М. Теоретические основы планирования дальнейшего развития сахарной промышленности Польши. «Сахарная промышленность», 1967, № 9, с. 62—67.

Комиссаров А. В. Польская Народная Республика. (Экономика страны за 1966 г.) БИКИ, 1967. Приложение № 7, с. 32—37.

Лесьяк А. Результаты и перспективы социалистического сотрудничества СССР — ПНР. «Цветные металлы», 1967, № 10, с. 83—85.

Милованов В. С. Социалистическая Федеративная Республика Югославии. (Экономика страны в 1966 г.) БИКИ, 1967. Приложение № 7, с. 53—61.

Митев Б. Пчеловодство Болгарии. «Пчеловодство», 1967, № 10, с. 44—45.

Митренга Я. Сотрудничество стран социалистического лагеря — основа их развития. «Уголь», 1967, № 11, с. 88—91.

Моисеевко З. Новое в жилищном строительстве Болгарии. «Жилищное строительство», 1967, № 9, с. 28—30.

Молчанова И. Творчество, инициатива, поиск. Экономическая реформа в действии. (Польша). Экономич. газета, 1967, № 41, с. 41.

Николаенко Ж. И. Народная Республика Болгария. (Экономика страны за 1966 г.) БИКИ, 1967. Приложение, № 7, с. 7—14.

Никольский А. С. Развитие топливно-энергетического баланса Народной Республики Болгарии. «Энергохозяйство за рубежом», 1967, № 4, с. 1—4.

Новотный А. Всестороннее развитие экономики — решающий фактор победы коммунизма. «Правда», 1967, 12 октября.

Олейник И. Материально-техническая база стран социализма. Вопр. экономики, 1967, № 9, с. 120—129.

Павлов Г. Цветная металлургия Народной Республики Болгарии — детище болгаро-советской дружбы. «Цветные металлы», 1967, № 10, с. 72—77.

Павлюченко А., Нелеп В. Закупки сельскохозяйственной продукции в Чехословакии. «Закупки сельскохозяйственных продуктов», 1967, № 9, с. 53—56.

Панкин М. С. Развитие торговых-экономических связей Народной Республики Болгарии со странами Юго-Восточной Азии. БИКИ, 1967, Приложение № 7, с. 65—78.

Пенц Ф. Развитие угольной промышленности ЧССР. «Уголь», 1967, № 11, с. 92—93.

Пусенков Н. Н., Жуков В. П. Чехословацкая Социалистическая Республика. (Экономика страны за 1966 г.) БИКИ, 1967. Приложение № 7, с. 45—53.

Рыдыгер В. Рентабельность экспорта. (Изменения в методах планирования и управления внешнеторговой деятельностью Польши). Экономич. газета, 1967, № 37, с. 42.

Рябушкин Т., Галецкая Р. Успехи экономики социалистических стран. Вестн. статистики, 1967, № 10, с. 48—58.

Скшкот Ю. Жилищное строительство в Польской Народной Республике. «Жилищное строительство», 1967, № 10, с. 24—27.

Сюлемезов С. Социалистическая перестройка сельского хозяйства. (Осуществление новой экономической системы в ТКЗХ Болгарии). Экономич. газета, 1967, № 36, с. 28—29.

Тарновский О. Региональная стоимость и рынок СЭВ. Вопр. экономики, 1967, № 10, с. 81—92.

Тодоров С. Советский Союз и индустриальное развитие Болгарии. Экономич. газета, 1967, № 36, с. 27—28.

Усиевич М. А., Шабунина В. И. Некоторые вопросы индустриализации европейских социалисти-

ческих стран. *Вопр. истории*, 1967, № 9, с. 27—41.

Фальковский Л., Яруга А. Нормативный учет себестоимости продукции в фетровой промышленности ПНР. «Бухгалтерский учет», 1967, № 8, с. 63—67.

Фонфара Р. Творческое содружество польских и советских инженеров (в области сельского хозяйства). *Мех. и электрификация соц. сельского х-ва*, 1967, № 10, с. 33—35.

Чуистов В. Марксизм-ленинизм о природе и характере экономических законов. Система экономических законов социалистического общества. «Экономика Советской Украины», 1967, № 10, с. 14—20.

Шютте Г. Оценка сложности работ. (В промышленности европейских социалистических стран). *Социалистический труд*, 1967, № 8, с. 132—138.

4. Государственное строительство. Право

Гельфер М. А. Взаимосвязь уголовного права СССР и европейских социалистических стран. *Сов. гос-во и право*, 1967, № 10, с. 103—110.

Дудоров Д. И. Состав депутатов верховного представительного органа государственной власти Народной Республики Болгарии. «Сборник работ аспирантов ВГУ» (Воронежский государственный университет), 1967, вып. 3, часть II. Гуманитарные науки, с. 68—72.

Мартиненко П. Ф. Закріплення керівної ролі Комуністичної партії Чехословаччини в Конституції ЧССР. «Вісник Київського університету», 1967, № 7. Серія права, с. 70—76.

Нікітюк П. Сладкоемство за законодавством Чехословацької Соціалістичної Республіки. «Радянське право», Киев, 1967, № 9, с. 93—96.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Алексеенко И. И. Из истории борьбы компартии Чехословакии за укрепление союза рабочего класса с крестьянством (1945—1963 гг.). «Научные труды» (Краснодарский государственный педагогический институт), 1967, вып. 65, с. 212—229.

Ананьев В. И. Иностранцы Советских рабочих и крестьян в Советской России (1918—1921 гг.). *Нов. и новейшая история*, 1967, № 5, с. 82—90.

Бейліс О. С. Питання марксистської методології історії в творах Дмитра Благоєва. — «Вісник Львівського державного університету», 1967. Серія історична, вип. 4. Питання історії УРСР, с. 92—99.

Белякевич І. І. Політика польських буржуазно-поміщицьких діячів Східної Галичини (VIII 1914—VII 1915). «Вісник Львівського державного університету», 1967. Серія історична, вип. 4. Питання історії УРСР, с. 44—52.

Бобинская Х. Москва, 1918-й год. (Из старого дневника). (Воспоминания польской писательницы-революционерки). *Иностран. литература*, 1967, № 7, с. 7—36.

Борьба трудящихся Болгарии в защиту Советской России. (Под общим заголовком статьи А. Аврамова и Д. Стоянова.) «История СССР», 1967, № 5, с. 226—234.

Вознесенский В. Д. Великий Октябрь и Болгария. (Обзор работ болгарских историков за 1957—1966 гг.) «История СССР», 1967, № 4, с. 161—171.

Гавличек Ф. Великий Октябрь и Чехословакия. *Вопр. истории КПСС*, 1967, № 10, с. 64—73.

Гендрих И. Чехословакия идет по пути Октября. «Коммунист», № 16, с. 117—127.

Гербилюкский Г. Ю. До питання про історичні погляди Д. Зубрицького. «Вісник Львівського державного університету», 1967. Серія історична, вип. 4. Питання історії УРСР, с. 63—70.

Горжени З. Советская Россия и Словацкая советская республика (1919 г.). «История СССР», 1967, № 5, с. 252—254.

Димитриевич С. Великий Октябрь и революционное движение на югославских территориях (1918—1920 гг.). *Вопр. истории*, 1967, № 8, с. 3—20.

Еременко А. И. Встреча с Олеко Дундичем. (Январь 1920 г.). *Нов. и новейшая история*, 1967, № 5, с. 104—106.

Живков Ж. По пути Октября. (Рабочее движение в Болгарии с 1917 г. по наши дни). *Международ. жизнь*, 1967, № 11, с. 45—59.

Живков Т. Октябрьская революция и историческая судьба болгарского народа. «Правда», 1966, 30 сентября.

Зайцев В. В. Політика англійського імперіалізму в питанні про вихід Сербії до Адріатичного моря (1912—1913 рр.). *Укр. істор. журнал*, 1967, № 8, с. 106—108.

Інкін В. Ф. Розвиток феодальної ренти в Самбірській економії у другій половині XVI — на початку XVII століття. «Вісник Львівського державного університету», 1967. Серія історична, вип. 4. Питання історії УРСР, с. 79—91.

Кісь Я. П. Текстильні мануфактури в Галичині (друга половина XVIII — перша половина XIX ст.). «Вісник Львівського державного університету», 1967. Серія історична, вип. 4. Питання історії УРСР, с. 71—78.

Козловский Я. К. Некоторые вопросы относительной хронологии неолита южной Польши. *Советск. археология*, 1967, № 4, с. 178—186.

К о у ц к и й В. Победный Октябрь и международное положение Чехословакии. (1918—1945 гг.). Междунар. жизнь, 1967, № 11, с. 72—78.

М а р к о М. Великая Октябрьская социалистическая революция и печать Чехословакии. Вестн. Моск. ун-та. Журналистика, 1967, № 5, с. 77—85.

На рубеже эпох. (Воспоминания поляков—участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР). Вопр. истории, 1967, № 8, с. 105—119.

О с е ч и н с ь к и й В. К. До питання про роль соціал-демократії Галичини в революційному русі доби імперіалізму. (1890—1907 гг.). «Вісник Львівського державного університету», 1967. Серія історична, вип. 4. Питання історії УРСР, с. 32—43.

П а ш к о в с ь к и й Л. До історії радянсько-болгарських відносин в 30-х роках. «Архіви України», Київ, 1967, № 5, с. 79—82.

Р а д е н к о в а П. П. Георгий Димитров — выдающийся революционер-интернационалист. Вопр. истории, 1967, № 9, с. 130—140.

Т о п а л о в а Ю. Болгарский курьер ленинской «Искры». (И. Загубанский). «Вопросы и ответы», 1967, № 7, с. 10—14.

Ф о й т и к К. Основные проблемы чехословацкой этнографии и фольклористики. Советск. этнография, 1967, № 4, с. 51—61.

Ш в а р ц Г. М. Документы солидарности в Музее Революции СССР (об участии военнопленных-интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне в России). Нов. и новейшая история, 1967, № 5, с. 193—195.

2. К у л ь т у р а

А в р о в Д. Н. Произведения Ежи Лютковского на сцене и экране Советского Союза. Вестн. Ленингр. ун-та, 1967, № 20. История, язык, литература, вып. 4, с. 94—105.

Б е р е з к и н В. Йозеф Свобода и другие. (О творческих поисках чехословацких художников сцены). «Театр», 1967, № 9, с. 133—140.

Б о г д а н о в - Б е р е з о в с к и й В. Русе, март—апрель. (О весеннем музыкальном фестивале в Болгарии). Советск. музыка, 1967, № 7, с. 114—122.

В і н н и ц ь к а Люцина. (Польская актриса театра и кино). «Всесвіт», Київ, 1967, № 10, с. 134—135.

В о д о в о з о в Н. В. Русская тема в поэме Яна Коллара «Дочь славы». (К вопросу о литературном и культурном взаимовлиянии славянских литератур). Уч. зап. (Моск. гос. пед. ин-т), 1967, № 256. Очерки по истории русской литературы, ч. 3, с. 106—126.

Встреча друзей. (Материалы симпозиума польских и советских кинематогра-

фистов. Москва, июль 1967 г.) «Искусство кино», 1967, № 9, с. 81—97.

Г е о р г и е в с к а я Е. Нейзажная живопись Чехии и Словакии первой половины XX столетия. «Искусство», 1967, № 7, с. 59—64.

Г л а в о в а З. «Дорога чешских королей». (О реставрации исторического центра Праги). «Декоративное искусство», 1967, № 6, с. 35—38.

Г у р ь е в Г. Скульпторы из Братиславы. (О выставке работ Т. Барфай и Я. Кулиха в Москве в апреле 1967 г.). «Художник», 1967, № 7, с. 43—46.

З а г р а д к о М. Изучение советской литературы в чешских университетах. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1967, № 5, с. 71—74.

З а х а р к и н А. Ф. А. П. Чехов и литература западных славянских стран. Уч. зап. (Моск. гос. пед. институт), 1967, № 256. Очерки по истории русской литературы, ч. 2, с. 117—140.

И г н а т ь е в а Н. «Царь и генерал». (Рецензия на болгарский фильм). «Искусство кино», 1967, № 8, с. 108—109.

И с а е в М. Поэт, революционер, гуманист. (К 25-летию со дня гибели Н. Вапцарова (1909—1942 гг.)). Пробл. мира и соц., Прага, 1967, № 8, с. 95—96.

Й о р д а н о в Х. Под знаменем революции. (Издательства Болгарии к юбилею Октября). Вопросы литературы, 1967, № 9, с. 85—87.

К а с в и н Г., Р у б е н ч и к Е. Все дети учатся. (Обязательная школа в социалистических странах.) «Народное образование», 1967, № 9, с. 102—107.

К л и в а р М. Идеи Октября и социальная графика Чехословакии (20—30-е гг. XX в.). «Творчество», 1967, № 9, с. 19—20.

К р а в ц о в Н. И. Октябрьская революция и новаторские явления в зарубежных славянских литературах. (20—60-е годы XX в.). Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1967, № 5, с. 28—39.

К у н ч е в В. Важная часть партийного дела. (Г. Димитров о литературе.) «Вопросы литературы», 1967, № 11, с. 216—223.

Л а з а р е в В. А. М. Горький в чешской печати и критике (из истории чехо-русских литературных взаимоотношений первой трети XX столетия). Уч. зап. (Моск. обл. пед. институт), 1967, т. 187. Советская литература, вып. 8, с. 229—245.

М а г а р ш а к Л. Два дня с Фучиком. (Воспоминания автора о пребывании у него Ю. Фучика в 1934 г.). «Литературный Киргизстан», Фрунзе, 1967, № 4, с. 95—98.

М а т г а у з е р З. Празднование Октября в Чехословакии. (О чешских и словацких изданиях к 50-й годовщине Октября.) «Вопросы литературы», 1967, № 9, с. 87—88.

Молдавский Д. Югославские встречи. (О творчестве М. Йонаша и других народных художников Югославии). «Нева», 1967, № 7, с. 206—209.

Неймаи М. Словацкие мастера — Тибор Бартфай и Ян Кулих. (Современные скульпторы). «Творчество», 1967, № 8, с. 10—13.

Оболевич В. Б. К проблеме народности польской литературы. Вестн. Ленингр. ун-та, 1967, № 14. История, язык, литература, вып. 3, с. 117—122.

Павелко В. У. Роль громадських організацій у культурному співробітництві Радянської України та Чехословаччини (1945—1966 рр.). Укр. істор. журнал, 1967, № 9, с. 47—57.

Парамопова К. Гостеприимство Готвальдова. II Международный фестиваль фильмов для детей и юношества. «Искусство кино», 1967, № 9, с. 101—105.

Рубанова Г. Л. Литературознавча діяльність Тадеуша Бой-Желенського. «Іноземна філологія», Львів, 1967, вип. 12, с. 146—153.

Слимак И. Советская литература в вузах Словакии. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1967, № 5, с. 75—79.

Соловьева А. Петр Безруч. К столетию со дня рождения поэта. Иностран. литература, 1967, № 9, с. 193—196.

Становский В. «Восстановить прекрасные статуи». (Народные сказки в чешской детской литературе). «Детская литература», 1967, № 9, с. 33—34.

Хаджиц Ф. Октябрь и югославское

кино. «Искусство кино», 1967, № 8, с. 17—19.

Цанев Г. Октябрь и новые пути болгарской литературы. Иностран. литература, 1967, № 7, с. 198—203.

Цесьляк М., Чугунов В. Е. Юридическое образование в ПНР. Вест. высш. школы, 1967, № 10, с. 86—88.

3. Языкознание.

Бауэр Я. К развитию относительных придаточных предложений в славянских языках. Вопр. языкознания, 1967, № 5, с. 47—59.

Гаузенблас К. К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования. Вопр. языкознания, 1967, № 5 с. 69—75.

Грепль М. К сущности типов предложений в славянских языках. Вопр. языкознания, 1967, № 5, с. 60—68.

Клеменевич З. Странные подлежащего и сказуемого в польском простом предложении. Вопр. языкознания, 1967, № 5, с. 87—92.

Митропан П. Трудности обучения при интерференции близкородственных языков — русского и сербскохорватского. «Русский язык за рубежом», 1967, № 2, с. 27—30.

Непокупный А. П. Балто-севернославянские ареальные этюды. (Общие черты славянских и балтийских языков) «Baltistica», Vilnius, 1967, № 3 (I), p. 71—85.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«*Език и литература*», 1967, № 5

Б. Ценков. Ленинизация нашей литературной критики в 30-е годы; Г. Тагамлика. О морфологической значимости некоторых фонетических явлений в болгарском языке; В. Малсева. Творческое развитие Елина Пелина и традиции Максима Горького; К. Влахов. Морфолого-синтаксические данные о языке фракийцев — дославянского субстрата на наших землях; С. Русакиев. Советская литература в Болгарии — проникновение, распространение, воздействие; Е. Даскалова. Октябрьская поэма Александра Блока «Двенадцать» в Болгарии.

«*Zeitschrift für Slawistik*», 1967, № 3

Г. Шауман. Фантастика и реализм в комедиях Маяковского; М. Бааде. Александр Блок; Р. Рихтер. Стихотворение «Жди меня» Константина Симонова и его вольный перевод Блюм на немецкий язык; Д. Фрейданк. Русская басня.

№ 4

Д. Петканова. К вопросу о влиянии греческой литературы в Болгарии в XVI—XVIII веках; Г. Козелек. Неизвестная польская поэма Г. К. Неймана; Г. Тейхерт. Мекленбургское *Lüünge* «отраженный луч света» — поморское и др. *Luna*; И. Шультейс. О некоторых славянских топонимах на *-kal*; М. Куделка. О границах понятия «славистика»; Р. Лот. Ян Касприв и немецкая литература; Г. Порт. Библиография славистических публикаций в ГДР (1965).

«*Kwartalnik Historyczny*», 1967, № 3

П. Лоссовский. Национальный вопрос в период революции и гражданской войны в России (1917—1920); А. Чубинский. Октябрьская революция в России и события в Германии; В. Найдус. Роль поляков в руководящих органах Литовско-Белорусской республики (1919 г.); З. Лукавский. Политика польских организаций в России

в отношении беженцев (1917—1918 гг.); Г. С л а б е к. ИПС и аграрная революция в России (1917—1919 гг.); А. Д е р у г а. Литва в первые годы после Октябрьской революции; Е. К у м а н е ц к и й. Польско-советские торговые переговоры в 1921—1923 гг.

«Przegląd Historyczny», 1967, № 3

Ю. Л е в а н д о в с к и й. Динамика событий в Февральской революции; В. Н а й д у с. Образование Комиссариата по польским делам и первые полгода его деятельности (1917—1918 гг.); А. Д з ю б и н ь с к и й. Некоторые экономические и социальные аспекты португальской оккупации атлантического побережья Марокко в 1471—1550 гг.; А. С к о в р о н е к. Участие Адама Чарторыйского в подготовке внутренних реформ в России (1801—1807 гг.); Е. Л ю к о в с к и й. Подпольное движение Сопротивления в концлагере Освенцим; Е. К о з л о в с к и й. Польские участники Парижской Коммуны в Бельгии; А. Ф. Г р а б с к и й. Несколько замечаний о польских рыцарях в Марокко в XV в.

«Z pola walki», 1967, № 3

Ю. К о в а л ь с к и й. Пятьдесят лет; Л. К а л е с т ы п с к а я, А. К о х а н ь с к и й, В. Т о п о р о в и ч. Поляки—герои Октябрьской революции; И. И. Б е л я к е в и ч. Польские интернационалисты в борьбе за установление Советской власти в Крыму; Х. З а н д. О стратегии и тактике большевиков и меньшевистско-эсеровского блока в 1917 г.; Г. М а л и н о в с к и й. Польское рабочее движение и идеи Октябрьской революции. Некоторые проблемы периода 1917—1919 гг.; Т. М о н а с т ы р с к а я. Позиция Национального рабочего союза (НЗР) в связи с социалистической революцией в России и влияние ее на политическую ситуацию в Польше; Т. С е р о ц к и й, Л. С л ю с а р с к и й. Октябрьская революция в оценке польской печати (7 XI 1917—7 II 1918); А. З а г о р с к и й. «Справа Жолиерска»; Е. К у м а н е ц к и й. Работа специальной комиссии по делам возвращения польских исторических ценностей, вывезенных в Россию в период разделов Польши.

«Přispevky k dějinám KSČ», 1967, № 4

Я. Н е й м а н о в а. История без культуры? Я. У ш н а к. Борьба за соз-

дание католического блока в домюнхенской Чехословакии; З. К о е ц к и й. Несколько замечаний к публикации предисловия Ф. Энгельса к книге К. Маркса «Классовая борьба во Франции»; О. К о д е д о в а, З. У г е р е к. К проблематике отношения учителей к революционному движению в чешских землях (1890—1929 гг.); Ф. М а р к е с. О роли и положении организации «Юнак» в Чехословакии после 1945 г.; Й. П а в е л. К истории чехословацких добровольцев в Испании.

«Československý časopis historický», 1967, № 5

Я. М л ы н а р ы к. Богумир Шмераль и словацкий национальный вопрос в начале коммунистического движения в Чехословакии; Ф. Г р б а т а, Л. Н и к л и ч е к. Надежды и действительность. (Влияние VII конгресса Коминтерна на международное рабочее движение); Д. Т р ш е ш т и к. Радим, Кристиан, войтешские легенды и текстология.

«Slovanský přehled», 1967, № 5

Я. М о р а в е ц. Спор о социалистической революции в России; Ф. Я н а ч е к. Исторические и актуальные уроки военного коммунизма; В. Б а р т о п е к. Советы в первые годы Советской власти; К. М а р т и н е к. Театр революции; А. Н е д о р е з о в. Об антифашистских настроениях солдат и офицеров I словацкой мотодивизии; В. К о т ы к. Единство и сотрудничество социалистических стран в концепции внешней политики СССР; З. С л а д е к. Октябрь 1917 г. в глазах свидетелей из капиталистического мира; Я. В а в р а. Октябрьская революция в первых воспоминаниях и документах наших легионеров.

«Česká literatura», 1967, № 5

Л. Ш т о л л. Наше отношение к Октябрю; Ф. Каутман. К оценке роли журнала Неймана «Червен»; С. В. Н и к о л ь с к и й. Национальная литература и освоение иновационального художественного опыта; И. Б е р и ш т е й н. Национальная самобытность и международное значение литературы; Я. К о л а р. Народная смеховая культура в трактовке советского ученого (М. М. Бахтин, Творчество Франсуа Рабле); О. С у с. Чешский структурализм с точки зрения идеологического «разоблачения» (Л. Штолл, Форма и структура в искусстве слова).

ЮБИЛЕЙНАЯ СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ АН СССР

19—20 октября 1967 г. состоялась юбилейная сессия Отделения истории АН СССР совместно с учеными советами институтов Отделения, посвященная итогам развития советской исторической науки за 50 лет.

С докладом «50 лет советской исторической науки» выступил академик-секретарь Отделения Е. М. Жуков. Докладчик подробно остановился на развитии исторических исследований в СССР. Он отметил, что если в 20-е годы советскую историческую науку представляли лишь небольшие группы историков-марксистов, то в настоящее время она располагает широко разветвленной сетью исторических учреждений, многочисленными кадрами историков, вооруженных марксистско-ленинской теорией, планомерно и систематически исследующих проблемы отечественной и зарубежной истории. Перейдя затем к характеристике содержания исторических исследований, докладчик указал, что в 20-е годы преобладал интерес к теоретическим и методологическим проблемам. В 30—50-е годы внимание в значительной мере сосредотачивалось на конкретных исследованиях, и только в послевоенное время постепенно устранился этот разрыв между конкретными историческими исследованиями и теоретическими обобщениями фактического материала.

В качестве достижений советской исторической науки последних лет докладчик назвал многочисленные исследования археологов, этнографов, историков, славяноведов и востоковедов. Он подчеркнул важную роль, которую сыграли в ее развитии многотомные и обобщающие издания, а также учебники и учебные пособия, составленные коллективами советских авторов. Особое место здесь занимает многотомная «История КПСС» и другие научные издания, свободные от различного рода субъективных и догматических наслоений.

Развитие советской исторической науки, подчеркнул акад. Е. М. Жуков, способствовало повышению ее роли на международных конгрессах и конференциях по различным историческим дисциплинам.

Он отметил, в частности, что реакция на выступления советских историков на международных конгрессах в Риме, Стокгольме и Вене свидетельствовала не только об увеличивающемся внимании к советской историографии, но и о безусловном росте марксистского материалистического подхода к истории. Перейдя затем к характеристике ряда научных дискуссий, Е. М. Жуков высказал мысль о необходимости для нашей науки быть одинаково сильной, одинаково вооруженной во всех областях исторических знаний. В исторической науке, как и во всякой другой науке, происходит характерный процесс дифференциации и интеграции научных специальностей. Узкая специализация в исторической науке вытекает из объективной потребности анализировать и использовать все более обширный и непрерывно расширяющийся круг источников, требующих специальных знаний и квалификации. Но если такая дифференциация, отметил докладчик, будет сама по себе продолжаться без процесса интеграции, это может привести к печальным последствиям — к исчезновению обобщающих работ, к отказу от исторического анализа явлений развития общества. Большую роль в деле интеграции исторических дисциплин призваны сыграть созданные в последние годы научные советы по проблемам исторической науки. Однако, подчеркнул Е. М. Жуков, нельзя сказать, чтобы сейчас уже удалось в полной мере преодолеть ведомственную разобщенность историков и отдельных коллективов, препятствующую полнокровной кооперации специалистов разного профиля.

Остановившись затем на имевших место ошибках в оценке отдельных исторических явлений, докладчик обратил внимание на использование этих ошибок нашей идеологической противницей — буржуазной, реформистской и националистической историографией. Наша историческая наука, отметил Е. М. Жуков, велла и будет вести борьбу с буржуазными фальсификаторами истории. В то же время, сказал он, мы сами отнюдь не сектанты и не отказываемся от деловых кон-

тактов и сотрудничества с теми буржуазными историками, которые стремятся сохранить научную объективность в своих индивидуальных исследованиях.

В заключение Е. М. Жуков сказал, что советские историки, как и все советские ученые, могут с гордостью оглянуться на пройденный ими 50-летний путь. Сделано немало. Но предстоит сделать гораздо больше. Мы все полны уверенности в том, что советская историческая наука с честью выполнит свой долг.

Затем с докладом «50 лет советской археологической науки» выступил акад. Б. А. Рыбаков. Об основных направлениях советской этнографии (важнейшие итоги и ближайшие перспективы) сообщил чл.-корр. АН СССР Ю. В. Бромлей. Был заслушан также доклад чл.-корр. АН СССР Б. Г. Гафурова «50 лет советского востоковедения». С докладом «Итоги развития советского славяноведения» выступил д-р ист. наук И. А. Хренов.

И. А. Хренов нарисовал широкую картину славистических исследований, проведенных в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции.

Определив советское славяноведение как комплекс научных дисциплин, изучающих жизнь славянских народов в историческом, историко-культурном, этнографическом и лингвистическом аспектах, докладчик подчеркнул, что по самой своей сути оно проникнуто идеями пролетарского интернационализма, призвано служить делу упрочения дружбы между народами, воспитанию социалистической идеологии и морали.

Затем И. А. Хренов остановился на характеристике основных исследований советских славяноведов. В области историко-славистической проблематики, над изучением которой трудится большой отряд советских историков, И. А. Хренов назвал следующие узловые темы: славянский этногенез, образование государственности у славян, русско-славянские связи в феодальную эпоху; национально-освободительное движение южных славян и поддержка его передовыми кругами русского общества; проблемы польского национально-освободительного движения и вопросы русско-польских революционных связей; проблемы революционного и коммунистического движения в славянских странах; влияние первой русской революции на подъем революционного движения в этих странах; влияние Великой Октябрьской революции на восстановление независимости Польши, Чехословакии и образованные Югославии; влияние идей Октября на

подъем рабочего движения и образование в зарубежных славянских странах коммунистических партий; национально-освободительные движения в славянских странах в годы второй мировой войны; народно-демократические и социалистические революции в зарубежных славянских странах; вопросы социалистического строительства.

В области литературоведения: исследование революционных и прогрессивных традиций в литературах зарубежных славянских народов в XIX—XX вв.; проблема становления и развития социалистического реализма в зарубежных славянских литературах; история литератур зарубежных славянских народов. В последние годы, отметил И. А. Хренов, активизировалась работа по изучению историко-культурной проблематики в плане исследования традиционных культурных связей между славянскими народами, исследованию вклада этих народов в мировую культуру. Особо возрос интерес советских ученых к закономерностям процесса культурной революции, происходившего в социалистических странах Европы.

В области славянской филологии, сказал И. А. Хренов, серьезное внимание уделялось: изучению праславянского языка, славяно-иранским и славяно-германским языковым контактам; сравнительно-историческому изучению отдельных славянских языков; филологическому и лингвистическому изучению памятников славянской письменности. Помимо этих традиционных направлений в последний период получили значительное развитие исследования грамматического строя современных славянских литературных языков и лингвогеография, а с конца 50-х годов начало интенсивно развиваться структурно-типологическое изучение славянских языков. В заключение И. А. Хренов подчеркнул, что история развития советского славяноведения за истекшие 50 лет свидетельствует о том, что оно занимает все более значительное место в общей системе общественных наук.

На второй день сессии с докладами выступили: д-р ист. наук Л. С. Гапоненко — «Рабочий класс России и Октябрьская революция», канд. ист. наук А. О. Чубарьян — «Октябрьская революция в буржуазной историографии», чл.-корр. АН СССР Ю. А. Поляков — «Некоторые проблемы гражданской войны в СССР» и чл.-корр. АН СССР М. П. Ким — «Октябрь и культурная революция».

М. Т.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ОТДЕЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА АН СССР, ПОСВЯЩЕННОЕ 50-ЛЕТНЮ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

19—20 октября 1967 г. состоялась сессия общего собрания Отделения литературы и языка АН СССР, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Общие итоги развития советской филологической науки были подведены в трудах «50 лет советского литературоведения» и «50 лет советского языкознания», поэтому сессия была посвящена обсуждению некоторых актуальных проблем литературоведения и лингвистики. На ней присутствовали члены Отделения: академики и члены-корреспонденты АН СССР, а также видные ученые-филологи Украины, Грузии, Казахстана, Узбекистана, Литвы и других республик.

Председательствующий, академик-секретарь М. Б. Храпченко, во вступительном слове кратко охарактеризовал достижения нашей филологической науки за пятьдесят лет. Он подчеркнул, что советская филология сложилась одновременно как наука многонациональная и единая. М. Б. Храпченко призвал ученых совершенствовать методы изучения литературы и языка, смело решать крупные проблемы.

Чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков сделал доклад «Генезис социалистических литератур и некоторые вопросы их современного развития»¹. Докладчик отметил значительные успехи, достигнутые в изучении социалистических литератур, говорил о путях дальнейших исследований в данной области: разработка проблем поэтики социалистического реализма, изучение изменений, происшедших в критическом реализме XX в., которые позволили стать ему одним из истоков формирования реализма социалистического. Особое внимание Д. Ф. Марков уделил проблеме партийности литературы.

Акад. М. Б. Храпченко выступил с докладом «Актуальные вопросы изучения литературного наследия». Он говорил о значительных успехах в изучении русской и мировой литературы. Докладчик отметил, что во многих трудах преобладают социально-генетические и в известной мере сравнительно-исторические исследования литературных явлений, однако меньше внимания уделялось раскрытию общественно-эстетических функ-

ций классической литературы, между тем это — важная проблема, стоящая перед нашим литературоведением.

Акад. В. М. Жирмунский сделал доклад «Марксизм и проблемы социальной лингвистики», в котором отметил, что методологической спецификой советского языкознания явилась постановка вопроса о социологии языка. Традиции в разработке проблем этого раздела науки оказались нарушенными в последние десятилетия. Докладчик коснулся достижений социо-лингвистики в 20—30-е годы и остановился на актуальных ее проблемах на современном этапе: социальной дифференциации языка классового общества и социальном развитии языка.

Чл.-корр. АН СССР Г. В. Церетели сделал доклад «Диахроническая лингвистика и вопросы сравнительной типологии». Широко привлекая данные индоевропейских, семито-хамитских и кавказских языков, Г. В. Церетели обосновал необходимость типологического и сравнительно-исторического изучения языков. Он отметил, что имеющиеся в современной лингвистике две концепции развития и взаимоотношения языков — традиционная (генетическая), сводящая развитие языков к развитию праязыка, и другая, трактующая языковые семьи как результат конвергенции языков различных систем, — дополняют друг друга, развил тезис о прямолинейном развитии языков и наличии языковых союзов при частичном сохранении родственных связей. Это позволит наиболее точно восстановить реальную картину раннего языкового состояния.

Акад. В. В. Виноградов сделал доклад «Изучение стилистики и языка художественной литературы». На большом материале докладчик показал важность и актуальность проблем, стоящих перед стилистикой, охарактеризовал современное ее состояние, наметил пути развития.

Акад. М. П. Алексеев выступил с докладом «Проблемы связей и взаимодействия в мировой литературе». Сравнительное литературоведение в русской филологической науке имеет большую традицию. М. П. Алексеев отметил успехи и достижения советского литературоведения, раскрыл значение изучения литературных взаимосвязей и взаимовлияний для понимания современного художественного процесса.

¹ Доклад опубликован в «Известиях АН СССР», серия лит-ры и языка, 1968, № 1.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ВИЛЬНЮСЕ

14—15 ноября 1967 г. в Вильнюсе состоялась Международная научная конференция, посвященная вопросам влияния Великой Октябрьской социалистической революции на взаимоотношения литовского, белорусского и польского народов. Организаторами и гостеприимными хозяевами конференции были Институт истории Академии наук Литовской ССР и литовское Общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Для участия в конференции прибыли ученые Польской Народной Республики: П. Лоссовский, М. Юхневич, Е. Антонец, секретарь главного правления Общества польско-советской дружбы Т. Кеёнжек. Приехали также ученые из Москвы и Минска.

В работе конференции приняли участие секретарь ЦК КП Литвы А. Баркаускас, президент Академии наук Литовской ССР Ю. Матулис, директор Института истории партии при ЦК КП Литвы Р. Шармайтис, заведующий отделом науки и культуры ЦК КП Литвы А. Римкус, председатель литовского Общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами Р. Петраускас. Ход конференции широко освещала республиканская печать. Ежедневно на страницах газет, выходящих на литовском и русском языках, публиковались обширные отчеты о конференции, а также беседы с ее участниками. Открыл конференцию и руководил ее работой директор Института истории АН Литвы акад. Ю. Жюгжда.

На конференции было заслушано 15 докладов по четырем основным проблемам: 1) Октябрьская революция и создание независимой государственности Литвы, Белоруссии и Польши и участие польских интернационалистов в борьбе за Советскую власть в Литве в 1918—1919 гг.; 2) сотрудничество трудящихся масс Литвы и Польши в межвоенное двадцатилетие; 3) борьба народов с немецко-фашистскими захватчиками и интернационализм партизанского движения; 4) послевоенное братское сотрудничество народов Советского Союза и Польской Народной Республики.

Первым выступил доц. Вильнюсского университета, редактор газеты «Тиеса» Г. О. Зиманас. Он прочитал доклад на тему «Великая Октябрьская социалистическая революция и национальный вопрос», в котором показал значение ленинских идей по национальному вопросу в развитии взаимоотношений народов после Великого Октября и их влияние на современное коммунистическое движение, на методы решения национального вопроса в условиях социалистического общества.

Свое выступление доц. П. Лоссовский посвятил последним работам польских

ученых по новейшей истории Литвы и Белоруссии. Особенно подробно докладчик остановился на трех публикациях: сборнике биографий семи тысяч поляков — участников Октябрьской революции, подготовленном Институтом истории партии при ЦК ПОРП (большую помощь в подготовке сборника оказали работники советских архивов); сборнике воспоминаний поляков — участников Октября и очередном, шестом, томе совместной публикации советских и польских историков «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». В заключение П. Лоссовский рассказал об участии поляков в строительстве Советской власти в Литве в 1918—1919 гг.

Роли польских интернационалистов в борьбе за Советскую власть в Литве посвятил свой доклад акад. Ю. Жюгжда. Он поделился также личными воспоминаниями. Ю. Жюгжда отметил активную деятельность в Литве члена ЦК КП Литвы и Белоруссии, члена временного революционного правительства К. Циховского, будущего руководителя польских коммунистов Ю. Лешинского-Ленского, деятеля польского и русского революционного движения Ю. Унцлихта (Юровского), председателя правительства Литовско-Белорусской Советской республики В. Мицкевича-Капсукаса и др.

Доклад А. Я. Манусевича (Москва) был посвящен влиянию Великой Октябрьской революции на возникновение государственности Литвы и Белоруссии, восстановление государственности Польши. Докладчик показал, как на деле осуществлялась Декларация прав народов России и как Советское правительство поддерживало Литву в борьбе за возвращение ее древней столицы Вильнюса.

О сотрудничестве коммунистических партий Литвы и Польши в 1920—1938 гг. рассказал М. Тамашюнас (Вильнюс). Солидарности трудящихся литовцев и поляков посвятила свой доклад Р. Жепкайте (Вильнюс).

Доклад чл.-корр. Белорусской академии наук И. С. Кравченко «Деятельность Компартии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны по мобилизации сил народа на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками» наряду с элементами исторического исследования содержал воспоминания автора — участника партизанского движения. И. С. Кравченко привел множество примеров боевого сотрудничества партизан Белоруссии и Литвы в борьбе против оккупантов, рассказал о помощи белорусских партизан партизанам и подпольщикам Литвы. Интернациональное единство партизанского движения Белоруссии показал Р. Крючок (Минск). Различные

стороны сотрудничества литовского и польского движения Сопротивления осветили в своих докладах П. Штарас (Вильнюс) и М. Юхневич (ПНР). П. Штарас рассказал о развитии подпольного движения в Вильнюсе, об организации антифашистских групп и их руководителях Ю. Витассе-Валунасе и Я. Пшевальском, о деятельности Вильнюсского подпольного горкома партии, ЦК компартии Литвы и его оперативной группы, возглавлявшейся М. Шумаускасом и Г. Зиманасом. М. Юхневич говорил о польском левом движении Сопротивления в Вильнюском крае и его связи с советскими партизанами, а также о литературе вопроса.

Доклад о боевом сотрудничестве советских и польских патриотов на территории Белоруссии сделала Э. Ф. Языкович (Минск). Она отметила, что среди 373 тысяч партизан и 70 тыс. подпольщиков Белоруссии были представители 67 народов СССР и 13 народов зарубежных стран, из которых наиболее многочисленным отрядом были польские граждане (около 2,5 тысячи человек). В. С. Парсаданова (Москва) в своем докладе о советско-польских отношениях в июле —

декабре 1944 г. проанализировала связи только что родившейся Народной Польши с первой страной социализма. Она подчеркнула принципиально новый характер взаимоотношений между странами социалистического содружества. Совместное участие белорусского и литовского народов в коммунистическом строительстве было охарактеризовано Г. Мельянковым (Минск).

Т. Ксёвжек познакомил собравшихся с культурной жизнью современной Польши. Он также рассказал собравшимся о ее многогранных связях с Советской страной, об огромном интересе польского народа к искусству, науке и культуре нашей страны. Заместитель председателя Государственного комитета по печати при Совете Министров Литовской ССР М. Пожаркас затронул эти же проблемы, остановившись особенно подробно на сотрудничестве культурных и просветительных учреждений Литвы и Польши.

В заключение выступил акад. Ю. Жюжда, который подвел итоги конференции. Было принято решение издать материалы конференции отдельным сборником.

В. С. Парсаданова

К ЮБИЛЕЮ ЯНА АМОСА КОМЕНСКОГО

В марте истекшего 1967 г. исполнилось 375 лет со дня рождения великого чешского педагога, философа, историка и общественного деятеля Яна Амоса Коменского. Юбилей был отмечен как историками педагогики, так и историками-славистами. В журнале «Народное образование» была помещена интересная подборка выказываний Коменского о педагогическом мастерстве¹; появился ряд юбилейных статей. Из них особо отметим интересную статью А. И. Пискунова, в которой автору удалось дать сжатую характеристику исторической обстановки, в которой жил и творил Коменский, и сформулировать основу его педагогических и философских взглядов. Следует только пожалеть, что статья появилась на страницах специального журнала². В настоящее время в Советском Союзе готовится четырехтомное издание трудов Я. Коменского, в которое войдут произведения, в большинстве своем не появившиеся в русском переводе.

Советские историки педагогики приняли участие в Международной конференции в Чехии, посвященной Коменскому (21—24 сентября 1967 г.). Материалы выступлений советской делегации будут

опубликованы в журнале «Советская педагогика»; выйдут они и в Чехословакии.

Историки-слависты отметили юбилей Коменского выставкой литературы в Исторической библиотеке, где были показаны редкие первоиздания Коменского, а также русская и советская литература о нем. Гордостью библиотеки является ряд прижизненных изданий Коменского, осуществленных в Амстердаме — последнее при переиздании гонимого ученого. Это «Operadidactica omnia» (т. 1—4, Amsterdam, 1657), «Prima pars scholasticae eruditiones, dicta vestibulum» (Amsterdam, 1658), «Janua linguarum reserata» (Amsterdam, 1665) — издание, осуществленное известным мастером издательского дела Даниэлем Эльзевиром, отличающееся красотой типографского искусства и др.

Книга Коменского «Мир чувственных вещей в картинках» на много десятилетий стала учебником для детей различных стран Европы. На выставке были представлены «Orbis sensualium pictus», осуществленные в Варшаве (1770), Нюрнберге (1777), «Orbis pictus» — в Вене (1792). Два первые издания повторяют друг друга, отличаются лишь языками, на которых написаны параллельные тексты. Последнее, венское, издание является переработкой, приспособленной для школ Австрийской империи. Часть произведений Коменского вошла в список

¹ «Народное образование», 1967, № 3, стр. 94—95.

² А. И. Пискунов. Великий педагог Ян Амос Коменский. — «Школа и производство», 1967, № 4.

книг, запрещенных католической церковью. Только после издания патента о веротерпимости произведения Коменского стали публиковаться на его родине. На выставке был представлен экземпляр дидактическо-философского трактата «*Labirynth světa a raj srdce*» (Прага, 1782), любимого чтения чешских изгнанников, современников самого Коменского. Книга попала в библиотеку через коллекцию слависта А. А. Котляревского. Экземпляр принадлежал писателю-будителю конца XVIII в. Антонину Иосифу Зиме, о чем говорит его наклейка на книге с номером 182.

Читателям были показаны различные издания произведений Коменского, а также биографические материалы о нем, появившиеся в разное время в Чехии.

Значительное место в изучении наследия великого педагога занимают представленные на выставке издания, осуществленные в демократической Чехословакии. Это факсимильное переиздание упоминавшегося выше четырехтомного собрания педагогических трудов, вышедшее к 300-летию издания оригинала (1957), избранные произведения Коменского на чешском языке, многочисленные издания отдельных работ о Коменском: анализы философских взглядов великого ученого (например, труд Попеловой)³, популярные биографические издания, как например, книга Кожика, вышедшая в Праге на чешском языке, а затем и в русском переводе⁴.

Особо следует отметить раздел выставки «Коменский в России». Впервые «Мир чувственных вещей в картинках» на пяти языках без иллюстраций был издан в 1768 г. в Москве под названием «Видимый свет». Вслед за этим изданием появилось еще пять переводов и переработок, четыре из них были представлены на выставке (3 издания 1788 г. и издание 1793 г.). На выставке были показаны также изданные в 1792 г. «Правила благопристойности, для преподавания обучающемуся юношеству собрал Н. Б. К.». Книга издана в Петербурге в типографии «Крылова с товарищи», принадлежавшей тогда будущему баснописцу И. А. Крылову. Собраны эти правила Бантышом-Каменским, включившим их также в свою «Латинскую грамматику» (1781 г. и в дальнейшие переиздания). В том же 1792 г. «Правила» были изданы второй раз в Императорской типографии.

Особенно возрос интерес к наследию Коменского со второй половины XIX в. В этот период выходят многочисленные

издания педагогических трудов чешского ученого. Так «Великая дидактика» была представлена на выставке шестью изданиями; одно из них, 1896 г., было снабжено параллельным латинским текстом. Нескольким раз издавалась и «Материнская школа». В биографических брошюрах и книгах Коменский величается «Отцом народной школы», подчеркивается важнейшая роль идей Коменского в осуществлении всеобщего обучения. Делаются попытки анализа педагогического наследия Коменского. Отметим работы С. И. Миропольского, А. Образцова, публичное чтение В. И. Григоровича⁵ и др. При Педагогическом музее военно-учебных заведений организуется специальный отдел Коменского. Имя Коменского становится чрезвычайно близким и дорогим для русских людей. В связи с 300-летним юбилеем со дня рождения Коменского в Петербурге, Киеве, Нижнем Новгороде, Казани, Тифлисе, Одессе выходят брошюры и книги, в которых Коменский представлен как «христианский педагог», «благодетель», «друг человечества»⁶. Происходят научные заседания в честь юбилея ученого⁷. В гимназиях устраиваются чествования его памяти, сопровождающиеся хоровым пением⁸. Отдельным изданием выходит гимн в честь Коменского, сочиненный чешским композитором и дирижером Войтехом Главачем, побывавшим в России в 1890—1892 гг. Гимн снабжен русским текстом⁹.

Интерес к Коменскому не ослабевает и в дальнейшем. Выпускается книга о

⁵ С. И. Миропольский. План и основы устройства нашей народной школы. СПб., 1875; А. Образцов. Просветительские заветы Я. А. Коменского и их современное значение. СПб., 1896; В. И. Григорович. Я. А. Коменский, славянский педагог-реалист XVII ст. Одесса, 1871.

⁶ А. Смирнов. Христианский педагог Ян Амос Коменский. Казань, 1892; Т. Флоринский. Ян Амос Коменский «Друг человечества». Публичная лекция в пользу голодающих. Киев, 1892; Ф. Л. Яреш, А. И. Степович. Ян Амос Коменский. Киев, 1892 и др.

⁷ «300-летний юбилей отца народной школы Яна Амоса Коменского в С.-Петербурге». Собрание речей гг. Каптерева, Миропольского, Модзалевского и Сент-Илера. СПб., 1893.

⁸ Празднование 300-летней годовщины со дня рождения великого педагога Я. А. Коменского в Тифлисской 2-й гимназии. Тифлис, 1892 (с приложением нот).

⁹ «Великому славянину. Педагогу-писателю Яну Амосу Коменскому гимн». Слова В. Карцева. Музыка В. И. Главача. СПб., 1893.

³ J. Popelová. Jane Amose Komenského cesta k všeňápravé. Praha, 1958.

⁴ Ф. Кожик. Скорбная и героическая жизнь Я. А. Коменского. Прага, 1958.

Коменском специально для юношества¹⁰. В издании И. Горбунова-Посадова выходит популярная биография Коменского, автором которой является ученый и библиофил Н. А. Рубакин¹¹.

Все эти материалы были представлены на выставке. Она показала живой интерес русской интеллигенции к наследию великого чешского ученого.

Были выставлены и советские издания трудов и биографии Коменского. В Советском Союзе дважды издавались педагогические сочинения Коменского — в 1939 и 1955 гг. Отдельно вышли «Дидактические принципы» (1940), «Материнская школа» (1947). Дважды издавался «Мир чувственных вещей в картинках» (1941). Были представлены также биографические работы советских авторов, касаю-

щиеся в основном педагогического наследия Коменского¹².

Выставка вызвала живой интерес у советской общественности.

1970 год — 300-летнюю годовщину со дня смерти Коменского предполагается объявить международным «Годом Коменского». Отметят эту дату и в Советском Союзе. Можно лишь пожелать более тесного контакта историков-славистов и историков педагогики в изучении наследия великого чешского гуманиста.

¹² Д. О. Лордкипанидзе. Дидактика Яна Амоса Коменского. М., 1949; его же. Великий чешский педагог Ян Амос Коменский. М., 1957; С. А. Литвинов. Ян Амос Коменский и радянська педагогика. Київ, 1958; А. А. Красновский. Ян Амос Коменский. М., 1953; «Материалы научной сессии, посвященной 300-летию опубликования собрания дидактических трудов Коменского». Академия педагогических наук РСФСР, М., 1959 и др.

Н. М. Пашаева

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

НАУЧНАЯ СЕССИЯ В БОЛГАРИИ, ПОСВЯЩЕННАЯ 50-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

9 и 10 октября 1967 г. в Софии проходила научная сессия, организованная Болгарской академией наук, Институтом истории БКП, Софийским университетом им. Климента Охридского, Высшей партийной школой при ЦК БКП и Комитетом болгаро-советской дружбы. В работе сессии приняли участие ученые из Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР, Франции и Югославии. Сессию открыл акад. Сава Гановски, который остановился на всемирно-историческом значении Великой Октябрьской социалистической революции.

В повестке первого дня сессии — проблема влияния Великого Октября на развитие БКП, борьбу болгарского народа против капитализма и фашизма и на социалистическое строительство в Болгарии. Проф. Рубен Аврамов в докладе «Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие БКП» показал огромное влияние Октябрьской революции на превращение БКП в партию нового, большевистского типа, возглавившую борьбу масс против капитализма и за построение социализма. Р. Аврамов подчеркнул, что Октябрьская революция ускорила развитие БРСДП (тесняков) по пути ленинизма. Он указал на большую роль в этом отношении Коммунистического Интернационала. Р. Аврамов

отметил, что перестройка БКП на основе ленинских принципов затруднялась укрепившимся в ней представлением об отсутствии различия между теснячеством и большевизмом. Докладчик указал на решительный шаг, который сделала партия в период подготовки и проведения народного антифашистского восстания в сентябре 1923 г. по пути большевизации. В условиях частичной и временной стабилизации капитализма, отметил докладчик, большие трудности создавало для большевизации БКП наличие в Коминтерне правооппортунистических, левосектантских и догматических элементов. Много внимания он уделил новому курсу БКП, осуществленному после VII конгресса Коминтерна, вопросам, связанным с завершением марксистско-ленинского переустройства партии. В заключение Р. Аврамов остановился на больших успехах в строительстве социализма в Болгарии.

В докладе Воина Божикова «Октябрьская революция и революционное движение в Болгарии» было отмечено, что Октябрьская революция открыла новый период в развитии революционного движения, в ходе которого создались объективные условия и предпосылки для подготовки и проведения социалистической революции. В. Божиков обрисовал ха-

рактерные особенности и этапы этого периода и влияние идей Великого Октября на ход революционного процесса в Болгарии. В самые тяжелые годы для Болгарии, подчеркнул он, Советский Союз был надеждой и опорой масс, борющихся против фашизма. В. Божинов указал, что для победы революции в Болгарии, кроме определяющего общественно-экономического развития страны, которое сделало социалистическую революцию исторической необходимостью, имелись еще и два других решающих фактора: большевизация БКП, которая превратилась в партию нового типа, и победоносное наступление Советской Армии на Балканском полуострове. Эти два фактора неразрывно связаны и вытекают из побед Октябрьской революции.

В докладе акад. П. Зарева «Октябрьская революция и развитие болгарской литературы» говорилось об огромном воздействии советской литературы на болгарскую поэзию и прозу. П. Зарев конкретно показал влияние творчества отдельных советских поэтов на творчество Х. Смирненского, Д. Полянова, Г. Милева, А. Караличева, Н. Фурнаджиева и подробно проследил отражение борьбы литературных течений в СССР в работах болгарских критиков — Г. Бакалова, Т. Павлова, Г. Милева и др. П. Зарев подчеркнул, что Октябрьская революция и социальная борьба в Болгарии помогли ряду писателей и поэтов стать на позиции социалистического реализма, влиться в общий революционный поток таким поэтам, как Н. Хрелков и Ламар, сложиться литераторам молодого поколения, связанным с рабочим классом, — Г. Караславову, Х. Радевскому, Н. Ващарову.

Проблеме влияния Октябрьской революции на борьбу трудящихся против капитализма был посвящен ряд научных сообщений. Проф. Веселин Хаджиниколов остановился на малоисследованном и противоречиво освещенном в исторической литературе вопросе об отношении к Октябрьской революции болгарских буржуазных и мелкобуржуазных партий. Он привел примеры, из которых явствовало, что до весны 1918 г. буржуазия не замалчивала революционных событий в России, а, наоборот, довольно подробно и отчасти объективно информировала о них общественность. Позиция русофильских буржуазных и мелкобуржуазных партий была более осторожной и сложной. Они положительно отнеслись к предложению о мире, иногда давали благожелательную оценку деятельности Советской республики, но в большинстве случаев на страницах их печати проскальзывали враждебные оценки деятельности пролетарского государства. Проф. Йонко Митев на основе документов, имеющих в военных архивах, рассмотрел в своем сообще-

нии влияние Октябрьской революции на болгарскую армию.

В выступлении Николая Георгиева говорилось о воздействии идей Октября на лидеров БЗНС — Р. Даскалова и А. Стамболийского. Н. Георгиев отметил, что хотя Земледельческий союз не мог полностью принять идей Октябрьской революции, но под ее влиянием он в значительной степени революционизировался, чем были созданы предпосылки для массового вступления членов БЗНС в единый фронт и для их эволюции в сторону признания необходимости совместных действий с коммунистической партией.

В. И. Клоков (СССР) выступил с сообщением «Октябрь и советско-болгарское сотрудничество в период Великой Отечественной войны». Он подчеркнул, что формы советско-болгарского сотрудничества в борьбе против фашизма определялись фактом существования дипломатических отношений между Болгарией и СССР до сентября 1944 г. Это обстоятельство долгое время не позволяло Советскому Союзу оказывать непосредственную помощь антифашистской борьбе болгарского народа. В. И. Клоков привел ряд фактов о содействии, которое СССР оказал БКП в организации радиостанции «Христо Ботев» и в отправке болгарских политэмигрантов на родину; о совместной борьбе болгар и советских людей на территории СССР и Болгарии.

В докладе акад. Евгения Матева «Социалистическая система и развитие экономики Народной Республики Болгарии» были охарактеризованы основные направления и темпы развития болгарской экономики в рамках рожденной Октябрем социалистической системы. Е. Матеев указал на факторы, определяющие развитие экономики НРБ: наличие социалистической системы, созданные ею новые отношения между государствами, торговля с Советским Союзом, на долю которого приходится 50% болгарского экспорта. Интеграция болгарской экономики в масштабах социалистической системы, отметил он, позволила Болгарии создать такую экономику, которая дает ей возможность участвовать в социалистическом разделении труда и успешно конкурировать на капиталистическом рынке.

Д. Г. Песчаный (СССР) сообщил интересные данные о сотрудничестве между СССР и НРБ в создании материально-технической базы сельского хозяйства Болгарии в 1948—1958 гг. Доц. Павел Костов выступил с сообщением «Великий Октябрь и союз рабочего класса с крестьянством на современном этапе общественного развития Народной Республики Болгарии». Он подчеркнул, что деятельность партии по укреплению союза рабочего класса с крестьянством строилась с учетом опыта Октября. П. Костов подчеркнул, что в настоящее время основ-

ным фактором для укрепления этого союза является экономическая политика партии: новая система руководства народным хозяйством, успешные процессы обобществления средств производства в сельском хозяйстве, в связи с укрупнением ТКЗХ, расширением и укреплением социалистической собственности в городе и селе. Идейной основой этого союза является творческий марксизм-ленинизм, работа которого подтверждена полувосьмидесятилетним опытом Советского Союза. Петр Аврамов в выступлении «Октябрь и культурная революция в Болгарии» осветил важную проблему использования опыта культурной революции в СССР в социалистическом переустройстве болгарской культуры и формировании нового человека.

Доклады, прочитанные во второй день заседания, касались, главным образом, проблемы влияния Великой Октябрьской социалистической революции на мировой революционный процесс. В докладе Христо Несторова подчеркивалось, что под влиянием победы русских рабочих и крестьян поднялась могучая революционная волна, был дан толчок развитию международного революционного рабочего движения, формированию коммунистических партий, созданию Коммунистического Интернационала. Докладчик отметил, что на втором этапе мирового революционного процесса влияние Октябрьской революции видоизменилось и усилилось. Коммунистическое движение сделало опыт революции достоянием широких народных масс. Решающая роль Советского Союза в борьбе против фашизма во время второй мировой войны в значительной степени усилила влияние международного рабочего класса на ход исторических событий, обеспечила возможность народно-демократическим революциям развиваться и утверждаться в сравнительно мирных формах. Х. Несторов указал на существенное изменение в развитии, содержании, масштабах и политических формах мирового революционного процесса на его сегодняшнем, третьем, этапе.

Об особенностях и перспективах национально-освободительного движения после победы Великой Октябрьской социалистической революции говорил Димитр Станишев. Он отметил, что Октябрьская революция положила начало кризису колониальной системы капитализма, освобождению угнетенных и эксплуатируемых народов. Д. Станишев остановился на отличительных чертах, характере, содержании и целях национально-освободительной революции на современном этапе. Он говорил о задачах вновь освобожденных народов в борьбе против империализма за экономическую и политическую независимость, указал на помощь, которую они получают от социалистических государств.

С большим вниманием были выслушаны выступления зарубежных гостей. Г. Н. Караев (СССР) отметил большой вклад в изучение различных аспектов Великой Октябрьской социалистической революции болгарских историков, издавших по этой теме ряд сборников и монографий. Он подробно остановился на вопросе об образовании и деятельности в России группы Д. Благоева. Флоримонт Бонт (Франция) говорил о том огромном влиянии, которое оказала Октябрьская революция своей мирной политикой на французских трудящихся. Подчеркнув, что урок революции заключается прежде всего в необходимости единства и широкого союза с непролетарскими массами — и в первую очередь с крестьянством, Ф. Бонт показал, что в борьбе за народный фронт, за сплочение трудящихся против монополистического капитала, за создание необходимых условий для мирного осуществления социалистической революции во Франции, ФКП руководствовалась этой основной идеей. И. И. Костюшко (СССР) сделал сообщение о работах советских историков по проблеме влияния Октябрьской революции на зарубежные славянские народы. Хайнц Кюстер (ГДР) остановился на опыте СЕПГ по сплочению всех трудящихся вокруг рабочего класса через многопартийную систему. Милей Дьерд (Венгрия) сделал сообщение «Некоторые вопросы влияния Октябрьской социалистической революции в Венгрии». Он показал процесс создания ВКП и большое значение опыта Венгерской революции 1919 г. для международного коммунистического движения. Анджей Айнепкезь (Польша) в сообщении «Великая Октябрьская социалистическая революция и образование Польского государства» показал на примере Польши осуществление ленинского принципа самоопределения народов и рассмотрел деятельность Советского правительства по сохранению целостности и неприкосновенности границ Польши. Унк Георге (Румыния) остановился на вопросе влияния Октябрьской революции на революционное движение в Румынии. Он рассказал о румынских трудящихся — бойцах Красной Армии, показал важнейшие проявления массовой революционной борьбы в Румынии, акты солидарности с молодой Советской республикой, интернациональную деятельность РКП. Сергие Димитриевич (Югославия) сделал сообщение «Октябрьская революция и развитие классовой борьбы и революционное движение в югославянских землях». Он дал анализ состояния социал-демократических организаций в этих землях, показал путь создания единой Коммунистической партии в Югославии, рассказал о процессе становления КПЮ на позиции ленинизма и коротко остановился на вопросе о совместной работе югославских и болгарских ком-

мунистов в Советской России в 1918 г.

Василий Цикулас подготовил выступление о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на создание и развитие греческой коммунистической партии. О влиянии Октябрьской революции в Турции говорил Стефан Великов. Центральное место в его выступлении было отведено воздействию революции на антиимпериалистическую национально-освободительную революцию в этой стране и на помощь, которую молодое пролетарское государство оказало турецким трудящимся в их борьбе за свободу и национальную независимость. Ицо Самуилов осветил проблему влияния Октябрьской социалистической революции на рабочее движение в Латин-

ской Америке. Он проследил процесс образования коммунистических партий в отдельных латиноамериканских странах и рассмотрел основные проявления классовой борьбы трудящихся масс этих стран под влиянием Октябрьской революции.

Закрывая сессию, акад. С. Гановски подчеркнул ее роль в научной разработке проблем, связанных с всемирно-историческим значением Великого Октября. С. Гановски отметил значительный вклад зарубежных гостей в изучение проблемы о влиянии Октябрьской революции на коммунистическое и рабочее движение в других странах.

Татьяна Колева

НАУЧНАЯ СЕССИЯ В КАТОВИЦАХ

23—24 октября 1967 г. в Катовицах проходила научная сессия, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Она была организована Силезским научным институтом и Катовицким филиалом Ягеллонского университета.

В ее работе участвовало около двухсот человек. На сессию прибыли представители Ягеллонского университета, Института истории ПАН, Института истории партии при ЦК ПОРП, Военно-политической академии, Военно-исторического института, Вроцлавского университета, Отдела истории Силезии Института истории ПАН во Вроцлаве, Силезского института в Ополе, участники революции, актив работников в области идеологии и просвещения и лекторы Общества польско-советской дружбы, а также делегации историков ГДР, СССР и ЧССР.

Открыл сессию директор Силезского научного института и проректор Ягеллонского университета проф. К. Попёлек. Затем выступил секретарь Катовицкого воеводского комитета ПОРП С. Скибиньский, он передал присутствовавшим приветствие от воеводского комитета и члена Политбюро ЦК ПОРП Э. Герека, указал на историческую роль ленинских идей и актуальное значение идеологической борьбы, особенно в связи с тем, что империалисты стремятся посредством различных идеологических диверсий изнутри ослабить социалистический лагерь.

От имени заграничных делегаций участников сессии приветствовали д-р ист. наук И. И. Костюшко (СССР), инженер О. Прудел (ЧССР) и д-р Г. Фукс (ГДР).

Доц. Ю. Хлебовчик (Силезский научный ин-т) в докладе «Влияние Октябрьской революции на развитие рабочего движения в Силезии и Домбровском бассейне» стремился показать отклики на обе русские революции 1917 г. в Верхней

Силезии, Тешинской Силезии и в Домбровском бассейне, а также их влияние на классовую борьбу местного пролетариата в период до образования независимого польского государства. В нем затрагивалась обширная проблематика, связанная с ситуацией на территории, которая до начала первой мировой войны принадлежала разным государствам: Верхняя Силезия — Германии, Тешинская Силезия — Австро-Венгрии, Домбровский бассейн — царской России. Докладчик проследил рост классовой борьбы, а также влияние известий о победе Февральской, а затем и Октябрьской революций на революционное настроение и национально-освободительные стремления рабочего класса этих областей. В докладе проанализировано также отношение к русским революционным событиям отдельных общественных классов и групп.

В докладе «Использование народными массами Верхней Силезии и Домбровского бассейна советского опыта», подготовленном группой сотрудников филиала Ягеллонского университета в Катовицах во главе с доц. Л. Паули, освещалась деятельность рабочих и крестьянских Советов, возникших в период образования второй Польской республики по образцу Советов, функционировавших на территории России. При этом авторы пытались «рассмотреть силезско-домбровские Советы 1918—1919 гг. как юридическо-административные институты, являвшиеся потенциальным зародышем органов власти нового типа». Обстоятельно было проанализировано правовое устройство Советов: их возникновение, структура, задачи и компетенция, а также проблема двоевластия.

Доклад д-ра М. Грабани (Силезский научный ин-т) был посвящен польско-советскому экономическому сотрудничеству в послевоенный период, в котором

было показано огромное значение этого сотрудничества для польского народа. Докладчик отметил, что в первые годы можно фактически говорить лишь о помощи со стороны Советского Союза, и только по прошествии некоторого времени Польша стала полноправной участницей этого сотрудничества. Остановившись затем на истории польско-советского сотрудничества и его роли на каждом этапе развития Народной Польши, автор привел множество примеров, наглядно свидетельствующих о значении помощи со стороны Советского Союза для развития экономики Польши в целом и Катовицкого воеводства в частности.

Дискуссия по докладам проходила в двух секциях: в исторической обсуждались доклады Ю. Хлебовчика и Л. Паули, в экономической — доклад М. Грабани. Особенно оживленная дискуссия развернулась в первой секции, в которой приняло участие 36 человек — историков, юристов и общественных деятелей.

Участник Октябрьской революции В. Карольчик поделился своими воспоминаниями о борьбе с контрреволюцией в 1917—1920 гг. на территории Советской республики и, в частности, на Украине. Ю. Скальский — комендант Красной Гвардии в Домбровском бассейне в 1918 г. — рассказал о том, как СДКПиЛ использовала русский опыт при создании отрядов Красной Гвардии. Выступление П. М. Калениченко (СССР) было посвящено участию польских интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне на Украине. В. Кубица полемизировал с Ю. Хлебовчиком по поводу отношения жителей Верхней Силезии к войне, которую вела Германия. В. Кубица считал, что их позиция была в большей степени антивоенной, чем ее представил докладчик. Выступление Я. Сверкота, руководившего партизанским отрядом, касалось боевого польско-советского сотрудничества в годы второй мировой войны. Ветеран революционного движения П. Ковальчик говорил об участии жителей Заверчия в освободительной борьбе и о совместных действиях польских и советских партизан. И. И. Костюшко (СССР) остановился на исследованиях советских историков о международном значении Октябрьской революции. Е. Ярос осветил отношение польских горных инженеров к общественно-экономическим переменам с конца XIX в. по 1945 г.

Некоторые выступавшие дополнили доклад Ю. Хлебовчика более детальной информацией о влиянии революционных событий в России на отдельные районы. Г. Роля рассказал об откликах на революцию в Ченстоховском районе, Э. Копец — в районе Бельска-Бялой, А. Мровец — в Рыбницкой земле, А. Пилех — в

Тешинской Силезии, Я. Стейнер (ЧССР) — об откликах на Октябрьскую революцию в смешанном по национальному составу Остравском районе. Г. Фукс (ГДР) в своем выступлении рассмотрел позицию германского империализма по отношению к славянским соседям Германии после Октябрьской революции.

Выступление Ф. Г. Зуева (СССР) было посвящено боевому содружеству Советского Союза и Польши в годы второй мировой войны. Ф. Бялый осветил тактику борьбы промшленников с рабочим движением и формы противодействия буржуазной пропаганды революционным идеям. С. Михалькевич рассмотрел на примере «Schlesische Zeitung» силезскую прессу как источник информации о русских событиях. Эта пресса искажала факты, поносила революцию, но в то же самое время, публикуя о ней сведения, способствовала ее популяризации. Интересные данные о русских революционных событиях и их влиянии в Домбровском бассейне содержались в выступлении А. Калужки. Ситуацию в рабочем движении Домбровского бассейна в 1917—1919 гг. проанализировала Т. Монастерская. Я. Вальчак и Я. Кемский рассмотрели отношение ППС к Октябрьской революции: Я. Вальчак — в Домбровском бассейне в 1918—1919 гг., Я. Кемский — в Верхней Силезии в 1922—1926 гг. Оба они подчеркнули ошибочность позиции польских социалистов. В. Зелинский сделал сообщение о влиянии русских революционных идей в Верхней Силезии в период борьбы за ее государственную принадлежность в 1918—1921 гг. Ю. Бушко говорил об огромном влиянии Октябрьской революции на национальные устремления поляков. Ф. Светликова не согласилась с Ю. Хлебовчиком в том, что СДКПиЛ и ППС-левица были противниками независимости. По ее мнению, эти партии, хотя не выставляли требований независимости, лучше других представляли интересы польского народа.

Положительно оценивая доклад Л. Паули, выступавшие оспаривали ряд утверждений докладчика. И. Фига и Я. Пшевлочкий, как и некоторые другие участники дискуссии, считали, что в докладе не учитываются различные условия в Верхней Силезии и в Домбровском бассейне. По мнению И. Фиги, нельзя фетишизировать Советы — условия революции определяют и формы власти. Он высказал сомнение в том, что в Верхней Силезии существовало двоевластие. Против тезиса двоевластия в Верхней Силезии аргументированно возражал Ф. Гаврачек. Ю. Левандовский поставил некоторые теоретические проблемы, касающиеся двоевластия. К. Собчак подчеркнул большую научную ценность доклада. А. Литыньский выразил сомнение по по-

воду того, можно ли проводить юридический анализ, опираясь только на исторические факты, не имея возможности привлечь нормативные акты. Участвовавшие в подготовке доклада М. Беньш, С. Калус и М. Тщчинская высказали ряд дополнительных соображений по вопросам разрушения буржуазного аппарата власти, двоевластия и выборов в Советы. П. Добровольский и Б. Ковальский проанализировали антикоммунистическую деятельность империалистов, направленную против жизненных интересов польского народа и всех социалистических государств.

Во второй секции в дискуссии участвовало 11 человек. Б. Ковальский посвятил свое выступление значению польско-советского экономического сотрудничества в конце войны. Он привел ряд примеров помощи советского народа освобожденной Силезии, а также отметил вклад, который силезская промышленность внесла в окончательную победу над фашизмом. Б. Кендзёрек обратил внимание на то, что, говоря о сотрудничестве, следует помнить о постоянной помощи Советского Союза Польше. Докладчик усомнился в возможности рассмотрения вопроса о сотрудничестве в региональном аспекте. Я. Павлик, напротив, настаивал на необходимости именно территориального аспекта. Выступавшие говорили о развитии сотрудничества и советской помощи в различные периоды. Я. Сверкот

остановился на советской помощи в период освобождения. Л. Цихый рассказал о советской помощи в период осуществления шестилетнего плана; он привел ряд примеров того, как Советский Союз доставлял Польше дефицитные стратегические товары. Х. Вуттке подчеркнул роль Советского Союза в СЭВе и подверг критике фальсификации германского Остфоршунга. Е. Пелан указал на значение использования советского опыта в области управления экономикой. К. Сарна коснулся вопроса об образовании социалистического рынка, связи с развивающимися государствами и их роли для развития польской экономики. А. Калужа напомнил, как радостно встретили жители Катовицкого воеводства подписание договора 1945 г. о польско-советской дружбе.

Участники дискуссии не ограничились экономической проблематикой. А. Гладыш затронул проблему использования советского опыта в области культуры и просвещения, а Ф. Шимичек — опыта в области службы здравоохранения в промышленности.

На втором пленарном заседании проф. Х. Батовский и д-р В. Заставны подвели итоги работы секций. Закрывая сессию, проф. К. Попёлек подчеркнул ее большое научное значение. С этим мнением можно полностью согласиться.

Генрик Регович

II. МАЦЕК О СОСТОЯНИИ И ЗАДАЧАХ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В первом номере журнала «Ceskoslovenský časopis historický» за 1967 г. был опубликован доклад акад. И. Мацека на IV съезде чехословацких историков.

В своем докладе И. Мацек подчеркнул, что марксизм-ленинизм является исходным пунктом и философской основой чехословацкой исторической науки. Мы и в будущем, отметил он, будем заботиться о развитии марксизма-ленинизма, бороться против тех, кто стал бы научное мировоззрение пазрращать с позиций догматизма или реформизма.

К числу основных достижений чехословацкой историографии акад. Мацек отнес разработку теории первоначального кризиса феодализма, теоретическое исследование вопроса о промышленной революции, разработку теории перерастания национально-освободительной борьбы в демократическую и социалистическую революцию. Значительный прогресс, подчеркнул он, был достигнут и в решении вопросов истории рабочего движения. В настоящее время имеет-ся целый ряд публикаций, которые ра-

скрывают историческую миссию рабочего класса как посетителя революционного прогресса, дают оценку его роли в строительстве социалистической Чехословакии. Были сделаны успехи и в проведении исследований по истории Коммунистической партии Чехословакии. Центральной темой исследований чехословацких историков, указал И. Мацек, являются проблемы революционных преобразований общественного строя: возникновение и гибели рабовладельческого строя, феодализма, капитализма, утверждения социализма.

Акад. Мацек отметил, что историческая наука должна и может быть мощной силой в воспитании чувства социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма, чувства революционности. Однако было бы ошибочно ограничивать общественную функцию историографии лишь сферой воспитания. Надо иметь в виду гносеологическую функцию истории, на которую указывал Карл Маркс, когда подчеркивал необходимость исторического понимания явля-

ний. Историческая наука, сообщаящая совокупность сведений, необходимых для познания современности, является источником информации о развитии общества. Общественное значение исторической науки мы должны видеть и в систематическом воссоздании культурных ценностей народа. Историк является и должен являться звеном, обеспечивающим преемственность достижений культурного развития.

Важным условием дальнейшего развития исторической науки, указал он, является укрепление философских, методологических основ историографии, укрепление ее связи с другими общественными науками. Для этого необходимо систематически заботиться о теоретичности историографии и совершенствовании методологической и методической работы. Это будет достигаться прежде всего исследованием исторических категорий, раскрытием их содержания. В прошлом, — подчеркнул И. Мацек, — мы часто слишком свободно и беспечно пользовались категориями исторического материализма и мало заботились о выяснении их реального, конкретного содержания. Мы говорили о закономерностях общественного развития, социальных группах, классах, классовой борьбе, нациях, национализме, задачах общественного развития, революциях и т. д., и лишь в отдельных случаях отваживались заглянуть внутрь явлений. Мы пришли к необходимости более конкретного исторического исследования всех этих категорий. Возьмем к примеру вопрос о социально-классовой структуре общества. В прошлые годы мы ограничивались лишь указанием общественной макроструктуры. Постепенно мы должны были усилить работу по изучению общественной микроструктуры, вопросов о том, как включить в эту структуру ту или иную личность, как выяснить место переходных общественных групп, как объяснить перерастание одной общественной группы в другую. Необходимо творчески решать эти вопросы. Догматический подход приводит к серьезным ошибкам. Догматики, как известно, в своих тезисах о борьбе мировой деревни против мирового города отождествляют понятия: «мещанство» и «буржуазия». А еще К. Маркс и Ф. Энгельс указывали на недопустимость такого отождествления. Акад. Мацек вместе с тем высказался против релятивизма, утраты критериев и понятий, против скептицизма. Некоторые люди, сказал он, ошибочно восприняли борьбу против догматизма как потерю перспектив. Но мы не можем впадать в эту крайность. Наука должна вести не к усложнению, а к выяснению явлений. Поэтому она не может быть чередованием изменяющихся критериев, а должна создать стабильные критерии, ведущие к определенным оценкам.

Историк, сказал И. Мацек, может идти вперед и более глубоко разрабатывать свои проблемы тогда, когда он обогащает свои исследовательские усилия применением методов и достижений других общественных наук. Уже указывалось на значение философии для исторического исследования. Например, при анализе социально-классовой структуры общества нельзя не учитывать результатов конкретно социологических исследований, демографии, статистики. И нельзя признать, что на этом заканчивается перечисление наук, на достижениях которых историкам надо базироваться. В прошлом мы не один раз подчеркивали значение политической экономии для исторической науки. При социализме не может быть постоянного прогресса исторических исследований без систематического анализа экономического развития. И здесь история и политическая экономия должны постоянно сотрудничать. На основе психологии должно проводиться исследование роли личности и т. д.

И. Мацек указал на необходимость разработки специальной исторической терминологии. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин и многие историки-марксисты в основном определили историческую терминологию. Но, в целом, она еще не разработана. Ее разработка должна явиться одним из средств развития исторических исследований.

Современный подход к познанию прошлого, отметил И. Мацек, должен включать новейшие научные методы. И поэтому он высказался за проведение таких комплексных исследований, для которых необходимо привлечение большого количества специалистов по родственным научным дисциплинам. Указывая на необходимость написания синтетических работ, И. Мацек подчеркнул, что не хотел этим недооценить результаты аналитических исследований. В связи с этим он обратил внимание на необходимость индивидуализации исторических исследований. Он отметил, что в прошедшие годы труды чехословацких историков были в значительной степени унифицированы, как будто бы все историки-марксисты должны как две капли воды походить друг на друга, иметь один и тот же рабочий план. Канонизировался и определенный стиль и структура исследований.

Марксизм-ленинизм, указал И. Мацек, не отрицает индивидуальной творческой работы, а наоборот предусматривает и требует ее. Есть бесконечное количество путей, которыми, по выражению Маркса, можно прийти «к вершинам научного познания». Марксизм-ленинизм никогда не скрывает своей партийности. Эта партийность включает в себя максимум объективной реальности, правды, прогресса, отражения борьбы революционных сил.

И. Мацек подчеркнул, что историография должна отражать целостность, един-

ство исторического развития, начиная с самого древнего периода и вплоть до современности. Производит неприятное впечатление и то, что историки часто возвышают часть над общим и отрывают новейшую историю от древней истории.

И. Мацек отметил, что чехословацких историков связывает с советскими историками и историками-марксистами социалистических стран, прежде всего, философская основа творчества, желание обеспечить общими усилиями прогресс социализма и коммунизма. Это единство укрепляется обменом мнений, проведением дискуссий. Он выразил надежду, что много полезного в этом отношении даст деятельность недавно созданной комиссии историков СССР и ЧССР. Международное сотрудничество, однако, не ограничивается лишь отношениями с историками социалистических стран и историками-марксистами. Необходим более конкретный подход и к нашим противникам. Так, в капиталистических странах существует целая группа историков, которые, не будучи марксистами по многим важным философским вопросам и оценкам задач революционной, национальной и классовой борьбы, в оценке целых эпох вполне согласны с историками-марксистами.

Более 60 лет назад в Пражском университете, заявил акад. Н. Мацек, изучало историю только два слушателя. В настоящее время в Чехословакии — сотни историков. И речь идет о том, чтобы уровень исторических исследований неустанно возрастал, чтобы были сосредоточены усилия на решении важнейших проблем чехословацкой исторической науки и чтобы историки своими исследованиями содействовали развитию социалистической Чехословакии.

Акад. Мацек отметил огромное значение Великой Октябрьской социалистической революции для Чехословакии и чехословацких историков. Думается, сказал он, что и после празднования 50-летия Октября чехословацкая историческая наука будет снова и снова обращаться к заветам Октября, к выявлению корней самостоятельного чехословацкого государства, ибо нельзя понять и оценить социалистическую революцию в Чехословакии без основательной оценки влияния Октябрьской революции на борьбу наших народов за социальную и национальную свободу.

Т. Комкова

ЦЕННАЯ ИНИЦИАТИВА

(О научной экспедиции Института истории БАН)

Институт истории Болгарской академии наук стремится как можно теснее связать свою деятельность с практикой бурного социалистического строительства и удовлетворить все возрастающий интерес широких слоев болгарского народа к прошлому своей родины. Творческий поиск новых форм и методов деятельности привел к организации в прошлом году по решению Президиума БАН научной экспедиции. Ее организации предшествовала значительная подготовительная работа. Руководство института и экспедиции установило связь с партийными и государственными органами тех мест, по которым проходил маршрут экспедиции. Проф. В. Хаджиниколов опубликовал научно-методическую брошюру о написании истории фабрик и заводов¹.

В экспедиции приняли участие 12 научных сотрудников Института истории во главе с чл.-корр. БАН проф. Х. Христовым, представители Института балканистики, Кабинета по истории профсоюзного движения в Болгарии и советский историк, автор информации.

Экспедиция посетила крупнейшие социалистические новостройки в южной

Болгарии: комбинат цветных металлов около Пловдива, рудники и обогатительные фабрики в Родопях, химкомбинат Димитровграда, сульфатный завод в Старой Загоре, тракторный завод в Карлове, копи по добыче угля открытым способом, теплоэлектроцентрали «Марица III», «Марица — Восток», каскады гидроэлектростанций на реке Выча, водохранилища, оросительные системы и др.

Члены экспедиции получили широкую возможность встречаться с рабочими, инженерно-техническими работниками, руководителями этих объектов, проводить групповые и индивидуальные беседы, почувствовать пульс жизни, наглядно увидеть рост материального и культурного уровня рабочего класса Болгарии.

Участники экспедиции посетили также первый Музей социалистического строительства в Димитровграде, ознакомились с многочисленными культурными, этнографическими и историческими памятниками юга страны. С участием представителей местных партийных и государственных органов, учителей истории, работников музеев, членов исторических обществ был проведен ряд вечеров, на которых читались лекции, делались сообщения, давались методические консультации о написании истории за-

¹ В. Хаджиниколов. Някои общи въпроси за историята на фабриките и заводите. София, 1967.

водов и городов. Выступая перед трудящимися, участники экспедиции рассказывали о том, чем занимается Институт истории БАН. Эти встречи вызвали огромный интерес к отечественной истории.

Примечательным в этом отношении был вечер в Димитровграде, организованный Городским советом по культуре и искусству и Музеем социалистического строительства. Проф. Х. Христов рассказал о важнейших исследованиях Института истории и участии болгарских историков в международных конгрессах; проф. В. Хаджиниколов — о работе редакции журнала «Исторически преглед»,

ученый секретарь Института истории Ц. Тодорова сделала сообщение о создании в институте бюро научной информации. Перед слушателями выступили проф. И. Дуйчев, ст. научн. сотрудники В. Божинов, Я. Йоцов, С. Димитров, доц. Д. Песчаный, научн. сотрудник Н. Жечев.

Первая научная экспедиция, организованная Институтом истории БАН, — интересное и полезное начинание, имеющее большое научное и политическое значение.

Д. Песчаный

И. Н. ЧАСТУХИН

8 октября 1967 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался старейший преподаватель исторического факультета МГУ, член КПСС с 1924 г., доцент кафедры истории южных и западных славян Иван Николаевич Частухин.

И. Н. Частухин родился в 1903 г. в семье рабочего. Свою трудовую деятельность он начал шестнадцатилетним юношей на ткацкой фабрике в г. Кохме. В 1919 г. И. Н. Частухин работает слесарем на одном из заводов г. Иваново. Закончив губсовпартишколу, он более трех лет был заведующим избой-читальней, а затем — секретарем волостного комитета партии в Ивановской губ., секретарем парторганизации сосновской текстильной фабрики. С 1929 по 1932 г. И. Н. Частухин учился в Ивановском коммунистическом университете, с конца 1932 г. работает инструктором в обкоме ВКП(б), а осенью 1933 г. избирается секретарем Юрьев-Польского райкома партии.

В 1935 г. И. Н. Частухин переходит на преподавательскую работу, которую не оставлял до последних дней жизни. Сначала он преподавал в областной совпартишколе, затем в Коммунистическом университете трудящихся Востока и Высшей партийной школе при ЦК КПСС, совмещая работу с учебой в Институте красной профессуры. С 1940 г. он — преподаватель Высшей школы партийных организаторов при ЦК КПСС.

С первых дней Великой Отечественной войны И. Н. Частухин находился в действующей армии в качестве политработника. Принимал участие в освобождении Болгарии. В 1944 г. награжден орденом Красной Звезды.

После демобилизации из рядов Советской Армии, с 1946 по 1948 г. И. Н. Частухин заведывал отделом славянских и балканских стран Всесоюзного общества культурных связей с заграницей.

В 1948 г. он закончил 9-месячные курсы Академии общественных наук при ЦК КПСС и успешно защитил кандидатскую диссертацию по новейшей истории Болгарии.

С конца 1948 г. И. Н. Частухин работал на кафедре истории южных и западных славян МГУ. С апреля 1949 по октябрь 1950 г. он находился в научной командировке в Корейской Народно-Демократической Республике — преподавал новую и новейшую историю в Пхеньянском университете и Академии общественных наук. В 1953—1957 гг., будучи доцентом МГУ, И. Н. Частухин одновременно работал в Высшей партийной школе при ЦК КПСС.

Чуткий и отзывчивый педагог, талантливый воспитатель студенческой молодежи, И. Н. Частухин в широких кругах научной общности известен как автор многочисленных работ по новой и новейшей истории Болгарии. Его глубокие исследования о Болгарском земледельческом народном союзе, идеологических и политических взглядах А. Стамболийского, по истории социально-экономического развития, рабочего и крестьянского движения Болгарии в XX в. внесли заметный вклад в развитие советского славяноведения. Перу И. Н. Частухина принадлежат главы и разделы по истории Болгарии в учебниках, учебных пособиях и обобщающих трудах: «История южных и западных славян», «История Болгарии», т. 1, «Новой и новейшей истории» и др.

Светлая память об Иване Николаевиче Частухине, скромном и обаятельном человеке, неутомимом труженике, педагоге, воспитателе-коммунисте и ученом-историке, отдавшем все силы и знания служению Родине, навсегда сохранится в памяти его коллег, учеников, друзей и товарищей.

В. Г. Карасев

АНДРЕ МАЗОН

13 июля 1967 г. в возрасте 85 лет скончался Андре Мазон, старейший французский славист, академик, заслуженный профессор Collège de France, почетный член президиума Международного комитета славистов, член-корр. АН СССР, член многих других иностранных академий и обществ, многолетний директор парижского Института славяноведения и один из главных редакторов журнала «Revue des études slaves».

Андре Мазон хорошо знал и любил Россию — ее язык, литературу, культуру, древности, и Россия отвечала ему взаимной любовью и признательностью.

В 1908 г. он присажает в Харьковский университет лектором французского языка уже с глубоким научным знанием русской грамматики, русской литературы. В том же году в Париже выходит его книга «Морфология видов русского глагола», которую он затем, шесть лет спустя, дополняет фундаментальным трудом «Употребление видов русского глагола» (Париж, 1914), не утратившим своего научного значения и по сей день. Аспектология интересует его всю жизнь: на Московском славистическом съезде он выступает вновь с большим теоретическим докладом «Глагольный вид в славянских языках (принципы и проблемы)» (М., 1958).

Ученик, сотрудник и современник величайшего компаративиста XX в. Антуана Мейе, А. Мазон не ограничивается исследованием русской языковой материи. Его перу принадлежит не только объемистая и содержательная «Грамматика русского языка» (4-е изд., Париж, 1963), но и «Грамматика чешского языка» (3-е изд., Париж, 1962) и ряд лингвистических и фольклорно-филологических исследований — книг по македонским диалектам «Славянские сказки Юго-Западной Македонии» (Париж, 1923), «Славянские документы, сказки и песни Южной Албании» (Париж, 1936), «Кулакийское евангелие. Славянский говор нижнего Вардара» (совместно с А. Ваяном. Париж, 1938), а также множество статей по русскому (в том числе и древнерусскому), чешскому, болгарскому языку. Не остался без внимания А. Мазона и социальный аспект языка. В 1920 г. он пишет небольшую, но снабженную любопытными наблюдениями книгу «Лексика войны и революции в России 1914—1918» (Париж, 1920).

Древнерусская литература и литература XVIII в. были предметом внимательного и вдумчивого исследования А. Мазона. Его провицательный филологический взор обращен на «Повесть о Соломоне и Китоврасе», на творчество Ивана-Иоанна Быковского, на русско-французские филологические связи XVIII в., его волну загадка «Слова о полку Игореве». В 1940 г. в Париже выходит книга о «Слове», где используются наблюдения чешского исследователя И. Фрчка (впоследствии мученически погибшего в нацистском концлагере) над списками «Задонщины». Концепция А. Мазона о очень позднем происхождении дошедшего до нас текста «Слова» известна, и едва ли можно ее в этой краткой скорбной статье сейчас разбирать. Но необходимо сказать, что Андре Мазон был всегда честен и строг в своих научных убеждениях, его творчеством руководила искренняя любовь к русской культуре, к древнерусской книжности, к достоверности и правде. И следует признать, что полемическая книга А. Мазона содействовала во многом более глубокому, более тщательному и точному изучению не только «Слова», но и таких памятников, как «Задонщина», «Повесть временных лет» и др., появлению новых изданий древних рукописей, словарей и т. п. как у нас, так и за рубежом.

Неоценим вклад А. Мазона в изучение классической русской литературы XIX в. Достаточно вспомнить, что им было издано несколько книг и множество статей и публикаций о И. Гончарове, И. Тургеневе, М. Лермонтове, Ф. Тютчеве, Ф. Достоевском. Исследования А. Мазона были всегда снабжены новым архивным материалом, над описанием и выявлением которого он работал всю жизнь.

Московские слависты хорошо помнят частые научные визиты Андрея Альбиновича (так звали А. Мазона в России еще в его молодые годы) в наши научные институты, в наши архивы и библиотеки, которые он обогатил своими щедрыми дарами и вкладами, помнят его бодрый и добрый голос, его ласковую, чуть лукавую улыбку и его открытое и дружеское отношение ко всем, кому дорога славянская филология. Они навсегда сохраняют в своей памяти его светлый облик.

Н. И. Толстой

CONTENTS

- A. F. Smirnov.* Karl Marx on the Polish question. *I. Ćurkina.* On some features of the formation of the Slovene nation. *E. Z. Cybenko.* The problems of the social novel in the Polish criticism of the 60—70-ies of the XIX century. *L. Kalnyn.* The organisation of the phonemic inventory of the foreign borrowings in a dialectal speech 3

COMMUNICATIONS AND PUBLICATIONS

- I. I. Kostiuško.* V. I. Lenin's cooperative plan and its international significance. *Boniu Angelov* (Bulgaria). On the Russo-Bulgarian contacts in the XV—XVII centuries. *Miroslav Laciok* (Czechoslovakia). The Russian slavistics and the Slovak language. *S. O. Vialova.* The problem of the Russian-Slovak cultural contacts. *I. V. Galaktionov.* A. L. Ordin-Našćokin's letters to F. I. Seremetiev 47

PEOPLE; EVENTS, FACTS

- I. B. Perciger.* The combattants of the Dombrowski brigade in the Polish resistance movement 83

MONUMENTS OF THE SLAV CULTURE

- A. I. Rogov.* The Lublin Frescoes of 1418 88

BIBLIOGRAPHY

- G. I. Ćerniavskij.* Димитр Сирков. В защита на Испанската република. 1936—1939. *F. A. Molok.* A book on the Czechoslovak resistance movement. *A. F. Kizženko, P. M. Kaleničenko.* I. С. Дзюбо. Розв'язання національного питання в Чехословаччині — закономірність будівництва соціалізму. *A. Každan.* Димитър Ангелов. История на Византия. *S. N. Zlupko.* J. Myšliński. Grupy polityczne Królestwa Polskiego w Zachodniej Galicji. *I. I. Pop.* R. Kvaček. Nad Evropou zatáženo. Ceskoslovensko a Evropa 1932—1937. *B. S. Popkov.* Editorial activity of the Union of Polish Patriots. *S. Šerlaimova.* A new book on the Czech Poetry. *I. N. Lozinskij.* On the way towards philosophical synthesis. **B i b l i o g r a p h y.** The principal articles and materials on the present state, history, culture and language of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1967 (Continued). The contents of foreign periodicals 91

SCIENTIFIC LIFE

- M. T.* The Anniversary Session of the Section of history of the USSR Academy of sciences. *A. I. Kuz'min.* The general session of the Section of Literature and Language of the USSR Academy of sciences on the occasion of the 50-th anniversary of the Soviet power. *V. S. Parsadanova.* A Scientific conference in Vilnius. *V. M. Pašavea.* On the anniversary of Jan Amos Komenský. 112

Scientific Life Abroad

- Tatiana Koleva* (Bulgaria). A Scientific session on Bulgaria devoted to the 50-ieth anniversary of the Great October Socialist revolution. *Henryk Rechowicz* (Poland). A scientific session in Kamowice. *T. Komkova.* I. Macek. The state and tasks of the Czechoslovak historical science. *D. Peščanyj.* A valuable initiative 118

- V. G. Karasev.* I. N. Castuchin. 126
N. T. Tolstoy. André Mazon 127

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Сдано в набор 18/XII—1967 г. Т-04205. Подписано к печати 15/II—1968 г. Тираж 1215 экз.
 Зак. 3775 Формат бумаги 70×108³/₁₆ Усл. печ. л. 11,2 Бум. л. 4 Уч.-изд. листов 13,1

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

В ДОРОГОМИЛСВСКАЯ

Д 31 КВ 186

ТОЛСТОМУ И И

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»**ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:****СЛАВЯНЕ И РУСЬ.** Институт археологии. 30 л. 2 р. 25 к.

Сборник посвящен 40-летию научной деятельности академика Б. А. Рыбакова и освещает широкий круг вопросов истории и археологии славян и Руси. Читатель найдет в книге исследования в самых разных областях русской истории — исторической географии, археологии, искусствоведении, нумизматике и эпиграфике, фольклористике и т. д. Среди многих проблем большое внимание уделено ранней истории, материальной и духовной культуре славян, язычеству, былинам и летописанию Древней Руси, истории русского ремесла, памятникам культуры Руси и др. Публикуются новые и малоизвестные материалы. В целом сборник посвящен тем отраслям истории и археологии, которыми занимался Б. А. Рыбаков.

Темплан 1968 г. I полугодие № 86.

Тихомиров М. Н. РУССКАЯ КУЛЬТУРА X—XVIII вв. Отделение истории АН СССР. 35 л. 2 р. 40 к.

Книга является сборником трудов покойного академика М. Н. Тихомирова по важнейшим проблемам истории русской культуры эпохи феодализма. Особый интерес представляют публикуемые впервые монографические исследования, над которыми ученый работал в последние годы своей жизни: «Историко-географический кругозор «Слова о полку Игореве» как произведения XII в.» и «Философия в древней Руси».

Темплан 1968 г. I полугодие № 36—38.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:**АВСТРО-ВЕНГРИЯ И СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.** 1965. 283 стр. 1 р. 30 к.

Бромлей Ю. В. **КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1573 г. В ХОРВАТИИ.** [Из истории аграрных отношений и классовой борьбы в Хорватии XVI в.]. 1959. 320 стр. 1 р. 20 к.

Бромлей Ю. В. **СТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА В ХОРВАТИИ.** [К изучению процесса классовообразования у славян]. 1964. 407 стр. 1 р. 59 к.

Виноградов В. Н. **РОССИЯ И ОБЪЕДИНЕНИЕ РУМЫНСКИХ КНЯЖЕСТВ.** 1961. 331 стр. 1 р. 26 к.

Гельмольд. **СЛАВЯНСКАЯ ХРОНИКА** [Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы]. 1963. 299 стр. 1 р.

Если Вы хотите приобрести эти или другие книги издательства «Наука», направляйте заказы в магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига» [Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12] или в ближайший магазин «Академкнига» по адресу:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 139; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Киев, ул. Ленина, 42; Ленинград, Литейный пр., 57; Москва, ул. Горького, 8; Москва, ул. Вавилова, 55/5; Новосибирск, Красный пр., 51; Свердловск, ул. Беллинского, 71-в; Ташкент, ул. К. Маркса, 29; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Уфа, пр. Октября, 129; Уфа, Коммунистическая ул., 49; Фрунзе, пр. Дзержинского, 41; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; Душанбе, пр. Ленина, 95.